

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2019

№ 1
(67)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осипенко А.Л., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

Бабаев М.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный университет правосудия;

Бойко А.И., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;

Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

Зиборов О.В., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Квашис В.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Кубякин Е.О., доктор социологических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Osipenko A.L., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Antonyan Yu.M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

Babaev M.M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the Russian State University of Justice;

Boyko A.I., Doctor of Law, Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the Southern Federal University;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Golik Yu.V., Doctor of Law, Professor, the Bunin Yelets State University;

Golovnenkov P.V., Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

Zaitsev O.A., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

Ziborov O.V., Doctor of Law, Professor, the Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Ishchenko E.P., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Kamyshansky V.P., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Kvashis V.E., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, National Research Institute of the Russian MIA;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kubyakin E.O., Doctor of Sociology, Associate Professor, the Krasnodar University of the Russian MIA;

Куликов Е.М., доктор социологических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет;

Матвейчев Ю.А., кандидат юридических наук, доцент, Могилевский институт МВД Республики Беларусь;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;

Овчинский В.С., доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, Министерство внутренних дел РФ;

Плотников В.В., доктор социологических наук, Краснодарский университет МВД России;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Потапенко С.В., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Kulikov E.M., Doctor of Sociology, Associate Professor, the Krasnodar University of the Russian MIA;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Larichev V.D., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Kosygin State University of Russia;

Lozovsky D.N., Doctor of Law, Associate Professor, the Krasnodar University of the Russian MIA;

Lukashov A.I., Candidate of Law, Associate Professor, Belarus State University;

Matveychev Yu.A., Candidate of Law, Associate Professor, Mogilev Institute of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus;

Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;

Ovchinsky V.S., Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Ministry of the Interior of Russia;

Plotnikov V.V., Doctor of Sociology, the Krasnodar University of the Russian MIA;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Kutafin Moscow State Law University;

Potapenko S.V., Doctor of Law, Professor, the Kuban State University;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Рубис А.С., доктор юридических наук, профессор, Академия МВД Республики Беларусь;

Савеленко В.М., доктор социологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова;

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Тужба Э.Н., доктор социологических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет;

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, Кубанский государственный университет;

Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Щенникова Л.В., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет.

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Rubis A.S., Doctor of Law, Professor, Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus;

Savelenko V.M., Doctor of Sociology, Associate Professor, the Plekhanov Russian University of Economics;

Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Tuzhba E.N., Doctor of Sociology, Associate Professor, the Kuban State Technological University;

Khagurov T.A., Doctor of Sociology, the Kuban State University;

Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Schennikova L.V., Doctor of Law, Professor, the Kuban State University.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

Квашис В.Е. «Ковалевские чтения» 2019 г. – заметки модератора

Козаченко И.Я. Ошибка: понятие, свойство, виды

Минязева Т.Ф. Противоречия уголовного закона

КРИМИНОЛОГИЯ

Антонян Ю.М. Перспективы криминологии

Вишневецкий К.В. Программирование виктимологического предупреждения преступности

Грибанов Е.В. Проблемы развития региональной культуры противодействия преступности (на примере Краснодарского края)

Гайдуков Т.В. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Николюк В.В., Владыкина Т.А. Запрет на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет: системно-правовой анализ

Яковлева Л.В., Яковлев В.В. Применение механизмов восстановительной юстиции по уголовным делам

РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Игнатьев М.Е. Ситуационный подход к установлению причинных связей посредством судебной экспертизы

Симоненко Д.А., Ефанов С.И., Агеенков А.А. Ограничение конституционных прав граждан при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий, связанных с проникновением в жилище: проблемы и пути их решения

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Жеребцов А.Н. Принципы назначения административного наказания и их реализация в деятельности административно-юрисдикционных органов

8 CONGRATULATIONS WITH ANNIVERSARY!

10 CRIMINAL LAW. CRIMINAL POLICY

10 **Kvashis V.E.** «Kovalev Readings» of 2019 – moderator's notes

13 **Kozachenko I.Ya.** Error: concept, property, types

19 **Minyazeva T.F.** Contradictions of criminal law

25 CRIMINOLOGY

25 **Antonyan Yu.M.** Prospects of criminology

33 **Vishnevetskiy K.V.** Programming of victimological crime prevention

39 **Gribanov E.V.** Problems of development of regional culture of countering crime (on the example of Krasnodar Region)

48 **Gaydukov T.V.** Criminological characteristics of the personality of the criminal who commits group violent street crimes in resort regions

53 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

53 **Nikolyuk V.V., Vladykina T.A.** Prohibition of jury trials of criminal cases on crimes committed by persons under the age of eighteen years: a system-legal analysis

61 **Yakovleva L.V., Yakovlev V.V.** Application of the mechanism of restorative justice in criminal proceedings

65 DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

65 **Ignatyev M.E.** Situational approach to establishing causal relations through forensic examination

71 **Simonenko D.A., Efanov S.I., Ageenkov A.A.** The restriction of the constitutional rights of citizens when performing specific investigative measures related to the forcible entry by police: problems and their solutions

78 ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

78 **Zherebtsov A.N.** Principles for appointing administrative sanctions and their implementation in practice of administrative and jurisdictional bodies

<i>Беженцев А.А.</i> Административная деятельность по профилактике правонарушений учащихся в образовательных организациях: тенденции рационализации	87	<i>Bezhentsev A.A.</i> Administrative activities on the prevention of offenses of students in educational institutions: the rationalization trends	87
<i>Затолокин А.А.</i> Обеспечение прав собственника (водителя) при перемещении и хранении задержанного транспортного средства	94	<i>Zatolokin A.A.</i> Ensuring the rights of the owner (driver) during the movement and storage of the detained vehicle	94
<i>Шкеля О.В.</i> Сравнительные аспекты порога трезвости водителей транспортных средств	98	<i>Shkelya O.V.</i> Comparative aspects of a threshold of sobriety of drivers of vehicles	98
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	102	THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE	102
<i>Карнаушенко Л.В.</i> Государство и право: антропологический потенциал	102	<i>Karnaushenko L.V.</i> The state and the law: anthropological potential	102
<i>Рассказов Л.П.</i> Английский закон о Лондонском порте 1908 г. в условиях глобальных изменений в управлении морским транспортом	106	<i>Rasskazov L.P.</i> The English Port of London Act of 1908 in the context of global changes in the management of maritime transport	106
<i>Грицай В.В., Яблонский И.В.</i> Основные тенденции развития миграционных процессов в Российской империи в конце XIX – начале XX в.	114	<i>Gritsay V.V., Yablonsky I.V.</i> The main trends in the development of migration processes in the Russian Empire in the late XIX – early XX century	114
<i>Кравец И.А.</i> Совершенствование организационно-правовых основ деятельности российской военной авиации накануне Первой мировой войны	119	<i>Kravets I.A.</i> Improving the legal framework for the activities of Russian military aviation before the World War I	119
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	123	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW	123
<i>Голубихина Н.В., Назарова Е.А.</i> Принцип разделения властей и проблемы его конституционно-правового регулирования в современной России	123	<i>Golubikhina N.V., Nazarova E.A.</i> Principle of division of authorities and problems of its constitutional and legal regulation in modern Russia	123
<i>Лихтер П.Л.</i> Философско-правовая категория «общее благо» в действующих конституционных актах	129	<i>Likhter P.L.</i> Philosophic-legal category «common good» in the current constitutional acts	129
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	133	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS	133
<i>Щенникова Л.В.</i> Закономерности формирования принципов вещного права в законодательствах стран мира	133	<i>Shchennikova L.V.</i> Regularities of formation of the principles of matter rights in the laws of the countries of the world	133
<i>Семенова Е.Г.</i> Юридические факты в механизме возникновения вещных прав на недвижимость	139	<i>Semenova E.G.</i> Legal facts in the mechanism of the occurrence of property rights to the estate	139
ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО	146	FINANCIAL, TAX AND BUDGET LAW	146
<i>Кусакина Н.В., Курдюк П.М., Очаковский В.А.</i> Тенденции развития налогового законодательства в части предоставления налогоплательщикам налоговых льгот	146	<i>Kusakina N.V., Kurdyuk P.M., Ochakovsky V.A.</i> Trends in the development of tax legislation in terms of providing tax benefits to taxpayers	146

**ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ,
СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ**

Куликов Е.М., Большов В.Б. Восприятие российской полиции населением провинциального города: теоретические и эмпирические аспекты

Сальников Е.В. Обоснование свободы вероисповедания в философско-правовой концепции Т. Линдхольма

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Кунина М.Н. Проблема функциональной и жанровой стратификации в юридическом дискурсе

Михайлина О.А. Когнитивно-коммуникативный анализ аутентичных текстов судебной практики США

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**150 QUESTIONS OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE**

150 Kulikov E.M., Bolshov V.B. Perception of the Russian police by the population of a provincial town: theoretical and empirical aspects

154 Salnikov E.V. Justification of freedom of worship in the law-philosophical conception of T. Lindholm

159 PHILOLOGY QUESTIONS

159 Kunina M.N. Problem of functional and genre stratification in a legal discourse

163 Mikhaylina O.A. Cognitive-communicative analysis of authentic texts of American judicial practice

168 TO CONSIDERATION OF AUTHORS

Поздравляем Анатолия Валентиновича Наумова с 80-летием!

17 марта 2019 г. исполнилось 80 лет советскому и российскому ученому-правоведу Анатолию Валентиновичу Наумову, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации.

Анатолий Валентинович родился в 1939 г. в Баку. В 1962 г. окончил с отличием юридический факультет Казанского государственного университета. В 1968 г. под научным руководством Б.С. Волкова защитил кандидатскую диссертацию «Мотивы убийств (уголовно-правовое и криминологическое исследование)», в 1975 г. – докторскую диссертацию «Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм».

В 1967–1978 гг. А.В. Наумов трудился в Волгоградской высшей следственной школе МВД СССР на различных должностях. Свой профессиональный педагогический путь продолжил в Московской высшей школе милиции МВД СССР, где занимал должность начальника кафедры.

С 1983 по 1985 г. работал советником в Республике Афганистан, оказывая помощь в разработке уголовного законодательства этой страны.

В настоящее время Анатолий Валентинович является профессором кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Многочисленные труды профессора А.В. Наумова в основном посвящены теории уголовного права, он занимается изучением проблем правотворчества и правоприменения, уголовного права зарубежных стран и международного уголовного права. А.В. Наумов опубликовал более 300 научных работ, входит в авторские коллективы учебников уголовного права, комментариев к Уголовному кодексу РФ.

Под научным руководством доктора юридических наук, профессора А.В. Наумова защитились более 60 учеников, из них 13 докторов наук.

Помимо уголовного права, Анатолий Валентинович увлекается изучением жизни и творчества А.С. Пушкина. На темы, связанные с правовыми аспектами жизни и творчества поэта, он опубликовал две книги и ряд статей и очерков, в том числе в Трудах Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. А.В. Наумов является членом Союза писателей Москвы, лауреатом Национальной премии по литературе в области права.

Редакционный совет журнала поздравляет Анатолия Валентиновича с юбилеем и желает творческого долголетия, новых научных достижений, здоровья, удачи и успехов!

**Редакционный совет журнала
«Общество и право»**

Поздравляем Игоря Михайловича Мацкевича с 55-летием!

23 февраля 2019 г. исполнилось 55 лет Игорю Михайловичу Мацкевичу, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации.

В 1986 г. И.М. Мацкевич окончил юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по специальности «Правоведение». В 1992 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Криминологические проблемы корыстно-насильственной преступности военнослужащих», в 2000 г. – докторскую диссертацию «Преступность военнослужащих (криминологические и социально-правовые проблемы)».

Научные интересы Игоря Михайловича охватывают главным образом сферы криминологии, уголовно-исполнительного права, криминальной психологии и психиатрии, социологии, теории государства и права

И.М. Мацкевич – автор значительного количества научных и учебно-методических работ, включая монографии, учебники, учебные пособия и статьи на английском, французском, китайском, немецком и испанском языках. Его учебники широко используются в учебном процессе большинства образовательных организаций юридического профиля.

Доктор юридических наук, профессор И.М. Мацкевич – главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

В 2010 г. И.М. Мацкевич стал президентом общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», объединяющей известных специалистов в области уголовного права, криминологии, криминалистики, уголовно-исполнительного права и судебной экспертизы.

Игорь Михайлович Мацкевич является главным редактором журналов «Юридическое образование и наука», «Союз криминалистов и криминологов», газеты «Юридическая Россия», председателем редакционного совета «Евразийского юридического журнала», членом редакционных коллегий целого ряда иных научных изданий.

Редакционный совет журнала поздравляет Игоря Михайловича Мацкевича с юбилеем, желает крепкого здоровья, благополучия, удачи и успехов в научной и педагогической деятельности!

**Редакционный совет журнала
«Общество и право»**

Квашис Виталий Ефимович

«Ковалевские чтения» 2019 г. – заметки модератора

14–15 февраля 2019 г. в Екатеринбурге в шестнадцатый раз прошла ежегодная международная научная конференция представителей юридического сообщества, посвященная проблемам ошибки и ответственности. В работе конференции, организованной кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ) и Федеральной палатой адвокатов РФ, приняли участие более пятисот ученых-юристов, работников суда, прокуратуры, следственных органов, адвокатов, государственных и общественных деятелей, омбудсменов и представителей многочисленных СМИ. Конференция широко освещалась в медийном пространстве, в том числе по каналам ТАСС, за ее ходом можно было следить в онлайн режиме на сайте «Ковалевских чтений», по многочисленным фото- и видеоматериалам.

«Kovalev Readings» of 2019 – moderator's notes

On February 14–15, 2019, the annual international scientific conference of representatives of the legal community, devoted to the problems of error and responsibility, was held for the sixteenth time in Yekaterinburg. The conference, organized by the Department of Criminal Law of the Ural State Law University and the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, was attended by over five hundred legal scholars, court employees, prosecutors, investigative bodies, lawyers, government and public figures, ombudsmen and representatives of numerous media. The conference was widely covered in the media space, including through the TASS channels, and its progress could be monitored online at the Kovalev Readings website, through numerous photo and video materials.

«Ковалевские чтения» – уникальное мероприятие, объединяющее специалистов в области права, правотворчества и правоприменения, давно ставшее международной площадкой для обсуждения наиболее актуальных правовых проблем.

Как отметил в пленарном докладе заведующий кафедрой уголовного права УрГЮУ И.Я. Козаченко, тема конференции – «Ошибка: право или ответственность» – выбрана неслучайно. В последнее время возникает много вопросов по поводу разнообразия ошибок, связанных с тем или иным видом деятельности. Здесь нет необходимости комментировать пленарный доклад, читатель сам оценит его глубинный философский смысл и содержание, а также гносеологическое значение. У меня, правда, возник вопрос, который я задал автору в ходе дискуссии: почему вместо соединительного союза «и» организаторы конференции и докладчик указали на ответственность как на альтернативу ошибочного поведения? Сущностный ответ не совсем удалось получить, но И.Я. Козаченко признал такое замечание вполне справедливым.

Одна из самых острых проблем в указанном плане – так называемые врачебные ошибки; их широко обсуждают и в юридическом, и в медицинском сообществе. Так, СК РФ считает су-

дебную практику по привлечению врачей за допущенные ошибки чрезмерно либеральной и на этой основе разработал пакет предложений, значительно ужесточающий ответственность в этой сфере. На специальной панельной дискуссии, которую вел директор Центра «СПИД» и известный журналист А. Красовский, позиция СК РФ была подвергнута обстоятельной критике учеными-юристами, представителями прокуратуры, адвокатского сообщества и известными учеными-медиками.

Много ошибок и в других сферах деятельности: в бизнесе, политике, в работе адвокатуры и нотариата, в следственной и судебной практике, в законотворческой деятельности. По всем этим проблемам проходили самостоятельные панельные дискуссии, в центре которых стояла задача разобраться, где та почти невидимая грань, которая отделяет ошибку от виновного, уголовно наказуемого деяния. Весьма содержательной с этой точки зрения была полемика на секции, где в разрезе – риск или криминал – рассматривались ошибки в сфере управления бизнесом. Эти вопросы крайне важны сегодня и для экономики, и для правоведов, и для частного бизнеса, доля которого составляет 20–25% экономики страны.

Показательно, что многие специалисты различных профилей, выступавшие в разных про-

фессиональных дискуссиях, отмечали наличие множества ошибок и в самом законе, и в законотворческой практике, где особенно ощутимо отсутствие четкой государственно-правовой политики и где законотворческая деятельность часто противоречит здравому смыслу. При этом подчеркивалась все более заметная связь между порочным правоприменением и ошибочным правотворчеством. Спикеры разных секций были едины в том, что законодательные ошибки по своим последствиям и распространенности являются более опасными, чем ошибки правоприменения. Резюмируя итоги таких дискуссий, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству сенатор А. Клишас признал, что во многих сферах жизни общества сколь-либо обоснованная единая государственно-правовая политика отсутствует, что конституционные права граждан нарушаются из-за того, что в диспозиции ряда норм отсутствует должная правовая определенность, ставящая в тупик правоприменителя.

В выступлении профессора УрГЮУ З.П. Незнамовой обращалось внимание на особую популярность уголовно-правового фетишизма, основанного на уверенности законодателей в том, что многие проблемы можно решить путем ужесточения уголовной ответственности. Примером может служить введение уголовной ответственности за увольнение работников предпенсионного возраста. (Понятно, что ни один работодатель на таком основании никого увольнять не будет и юридически все будет оформлено грамотно). Ошибочным является и практикуемый законодателем перенос норм из Общей части УК РФ в Особенную, что противоречит принятой в российском законодательстве пандектной системе норм. Так, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, которое, по сути, является приготовлением к совершению теракта, теперь образует самостоятельный состав преступления. Это порождает целый ряд вопросов, среди которых и вопрос об ответственности тех лиц, которые проходили обучение за пределами России.

Известный ученый-административист, в прошлом руководитель Правового департамента МВД России профессор В.В. Черников назвал целый ряд правотворческих ошибок, которые, по его мнению, являются следствием заблуждений законодателя относительно целей и средств правового регулирования; он указал на необходимость обоснованной правотвор-

ческой политики, важным шагом к формированию которой стало бы принятие так называемого «закона о законах», о чем давно мечтают отечественные правоведы. Отсутствие такого закона, отсутствие доктрин развития тех или иных институтов законодательства порождает законотворческие ошибки. По этой проблеме прошла довольно острая дискуссия с сенатором А. Клишасом, в ходе которой профессор А.И. Рарог заметил, что более опасны именно законодательные ошибки, ибо закон выше правоприменителя. Примером в этом плане является новелла, когда по целому ряду статей Особенной части УК РФ законодатель снял нижний порог наказания, в результате чего грань между судебным усмотрением и судебным произволом при вынесении приговоров по этим статьям оказалась стертой.

Особый интерес вызвала панельная дискуссия «Судебные ошибки и их источники: законодатель, стороны или сами судьи?». Основной сложностью для меня как модератора здесь была пестрая палитра подходов и оценок, обусловленная составом выступавших, среди которых были представители науки уголовного права, гражданского права и процесса, работники суда, прокуратуры, арбитража, адвокаты по уголовным и гражданским делам.

Наряду с многогранностью, неопределенностью и сложностью понятия судебной ошибки, приходится считаться и с различием подходов к ее пониманию среди теоретиков права и практикующих юристов, а также со своеобразной позицией Верховного Суда РФ, трактующего ошибку как неверное правопонимание и правоприменение и по-разному оценивающего виновность судьи в случаях пренебрежения нормами права. На этом фоне наиболее приемлемым было бы охарактеризовать судебную ошибку как несоответствие результатов судебной деятельности с целевыми установками судопроизводства. Эта общая формула хотя и указывает на определенное направление мысли, но все же оставляет, как отметил профессор О.В. Баулин, много вопросов (например, идет ли речь об окончательном результате процесса; следует ли включать в понимание судебной ошибки признак вины, учитывая позицию Верховного Суда РФ, и т.д.).

В уголовном и в гражданском процессе подходы к пониманию судебной ошибки, как известно, разные. В уголовном процессе уже с момента апелляции начинает фигурировать понятие существенности нарушений норм процесса, в гражданском основанием для кассационного пересмотра судебного решения

является существенное нарушение норм процессуального права, а в надзорной инстанции для пересмотра дела необходим уже более широкий набор оснований.

В рамках той же дискуссии весьма содержательным было обсуждение ошибок в практике арбитражного процесса. Их источники лежат в разных плоскостях. Они, связаны, например, с правилами Арбитражного кодекса, которые требуют оглашения резолютивной части судебного акта сразу же после окончания слушаний; кроме того, ГПК РФ устанавливает неоправданно краткие сроки для рассмотрения дел, в течение которых суд должен вынести решение (в итоге у судьи нет времени для тщательного изучения дела и принятия взвешенного решения). Между тем правосудие не может быть быстрым, не может быть ограничено жесткими рамками процессуальных сроков. Многие судьи не различают стандартов доказывания в гражданском и уголовном процессе (особенно по делам о взыскании убытков). Здесь вопреки закону и логике многолетняя практика пришла к тому, что используются стандарты доказывания, принятые не в гражданском, а в уголовном процессе. В результате истец не может доказать убытки и получается, что самый главный в арбитражном процессе иск кредитора о возмещении убытков – история, практически заведомо проигрышная. Не случайно статистика подтверждает, что практика удовлетворения таких исков ничтожна. Другие причины ошибок в арбитражном процессе связаны с крайне низ-

кой культурой подготовки текстов судебных решений, а также с особенностями кадровой политики, с доминирующей технологией формирования судейского корпуса, в силу которой судьями в арбитраже становятся люди, не имеющие опыта в сфере юриспруденции и незнакомые с внутренними правилами бизнеса, с реалиями коммерческой жизни. Между тем в арбитраже рассматриваются сложнейшие дела, связанные с банкротством предприятий, с привлечением к ответственности лиц, которые привели компанию к несостоятельности, с оспариванием сделок и т.п.

Подводя итоги панельных дискуссий, президент Федеральной палаты адвокатов РФ профессор Ю.С. Пилипенко подчеркнул два ключевых момента, на которых должна быть сконцентрирована проблематика судебных и адвокатских ошибок, – мотивация допущенных нарушений и крайне осторожная и взвешенная практика привлечения нарушителей к дисциплинарной ответственности.

В кратком обзоре невозможно охватить многообразие акцентов дискуссий и высказанных суждений. Заинтересованные в более детальном анализе могут обратиться к стенограмме и другим материалам, которые публикуются на сайте «Ковалевских чтений». Нашей задачей было привлечение внимания специалистов различных отраслей права и практикующих юристов к самой проблематике профессиональных ошибок и ответственности, к разнообразию подходов к минимизации их социальных и правовых последствий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Квашис Виталий Ефимович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России; e-mail: kvashis@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.E. Kvashis, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kvashis@mail.ru

---

Ошибка: понятие, свойство, виды

Статья посвящена определению понятия «ошибка», ее свойств и видов. Автор указывает, что при взаимодействии материальных объектов (субстанций) между собой ошибки быть не может при условии, что все происходящее есть творение исключительно природное, материальное. Ошибка появляется лишь только там и только тогда, где и когда в те или иные процессы включается осознанная человеческая деятельность. В статье детально раскрыты свойства ошибки, дана классификация ошибок.

Ключевые слова: ошибка, свойства ошибки, виды ошибок, классификация ошибок.

Error: concept, property, types

The article is devoted to the definition of the concept «error», its properties and types. The author points out that in the interaction of material objects (substances) between themselves there can be no error, provided that everything that happens is a creature exclusively natural, material. The error appears only there and only when where conscious human activity is involved in certain processes. The article describes in detail the properties of the error, gives the classification of errors.

Key words: error, error properties, types of errors, error classification.

Слово, термин, понятие, явление, процесс, акт человеческого поступка – этими и многими другими символами можно обозначить ошибку, которой присущи самые неожиданные содержательные конструкции, формы проявления и функциональные векторы.

Однако ошибка как фактор реальной действительности, как событие относительно автономного характера может существовать лишь при наличии определенного набора свойств, отсутствие хотя бы одного из которых исключает ее присутствие.

В связи с этим не все отклоняющееся от какой-либо заданной правильной координаты есть по своей сути ошибка. Например, чтобы сохранить закономерный временной ритм развития Вселенной, отклоняющийся отрезок времени по Гринвичу ежегодно подвергается принудительной коррекции путем соответствующего перевода стрелки часов на тысячную долю секунды.

Вселенская ошибка, порожденная человеком, и ошибка конкретного незначительного факта, совершенная им же, в чем бы и как бы они себя не проявили, есть попытка (нередко роковая) принудить материальную основу бытия других людей и природу развиваться в рамках созданной им заведомо для него субъективно порочной матрицы.

Таким образом, напрашивается вопрос: что есть ошибка? Есть ли это неизбежная и независимая от человека форма реакции материи (объективных факторов) не только на закономерный (поступательный) ход разви-

тия природы, но и на возникающие спонтанно разрушительные (возможно, и созидательные посредством разрушения чего-то устаревшего на данный период времени) катаклизмы последней? Либо ошибка есть неизбежно заложенная в процесс познания материи (объективных обстоятельств) форма реакции природы на попытку человека не только раскрыть ее потаенные свойства, но и скорректировать их по своему образу и подобию?

Можно допустить, что ошибка есть неизбежный неспрогнозированный результат оценки человеком (субъективные факторы) тех или иных обстоятельств (в том числе и результатов своих действий), которые он, добросовестно заблуждаясь, предполагал исключительно правомерными или негативными, однако которые таковыми не оказались.

Но все же, что если ошибка есть вообще нечто иное?!

Безошибочность природы

Если где-то в глубине бескрайнего времени, в недрах безначального мирового пространства появление человека было стратегической задачей Создателя всего сущего на нашей Планете, то нельзя ли признать своеобразными глобальными ошибками Всемирный потоп, разрушительные извержения вулканов, землетрясения и другие подобные смертоносные катаклизмы, неоднократно ставившие человечество на грань его полного исчезновения.

Имеются свидетельства, в частности, академика С. Капицы, что в эпоху длительностью 1,6 млн лет – от палеолита до наших дней – произошло не менее десяти оледенений, из-

менений уровня мирового океана до сотни метров, соединений и разъединений материков. И тем не менее человек, гонимый всеми этими ужасами, благодаря своему умению накапливать опыт выживания в экстремальных условиях, дешифровать и использовать информацию об окружающей его, в том числе опасной, природной среде занимал все новые и новые земли, размножался с все нарастающей скоростью [1].

Природная стихия с присущим ей буйством грозила и грозит человеку физическим исчезновением и одновременно дарит и дарит ему возможность жить и развиваться.

Так чего же здесь больше – ошибочного или предопределенного? Нет ли в этом кажущемся природном противоречии определенного рода закономерности, которая, как до предела сжатая мощная пружина, раскручиваясь, неизбежно заставляет развиваться в пространстве и времени те или иные явления, создающие в своей совокупности сложное, бесконечное и непрерывное движение предметной субстанции Планеты.

Можно высказать предположение, что предметная субстанция планеты Земля, в каком бы она не была состоянии, в каком бы направлении не двигались ее составляющие, всегда безошибочна. Ей присущи упорядоченность и закономерность. Все ее макро- и микрообъекты находятся в постоянном и непрерывном движении в заданном им ритме и в намеченной им траектории.

Возможно, именно поэтому планета Земля успешно (что доказано многими миллиардами лет ее существования) выполняет свои основные внутренние и внешние функции.

Мне могут возразить: а как же хаос? Осмелюсь заметить, хаос присущ не самой природе, а процессу ее постижения. Хаос, из которого Создатель образовал порядок, заявляет о себе там и тогда, где и когда кто-то пытается обнаружить в окружающей его материальной (физической) действительности четкую геометрию ее структуры и строгую логику ее содержания и развития.

До появления человека вопрос о хаосе, как и о порядке, по известным причинам не возникал, а природа задолго до этого уже существовала и развивалась по своему четкому сценарию. Хаос уступает место порядку по мере раскрытия человеком очередной тайны Вселенной и всего того, что с ней связано. Действительно, чем больше человек постигает тайны природы, тем больше он убеждается в том, что вселенское пространство только кажется хаотичным,

на самом же деле всем правит мир и порядок. Космос, порядок – родной хаосу, как упругие волны моря – родные грядкам океанских валов [2, с. 4].

Очевидно, что человек, даже с масштабным кругозором, не может охватить сознанием и толику какого-либо замкнутого природного (как, впрочем, и социального) цикла. Ведь он (цикл) может существовать мгновение, а может длиться сотнями, миллионами лет. Чтобы охватить большое, нужно быть самому великим. Как сказал российский поэт С. Есенин, «Большое видится на расстоянии» [3, с. 120].

Мир настолько хаотичен, насколько он не познан человеком. К слову, человек – само по себе существо исключительно хаотичное. Не зря же древние мыслители говорили: «Познай себя!».

Возможно, в большом человеку не уловить невооруженным глазом какую-либо мизерную частицу. Однако в бесконечно малом с помощью современной техники и своего абстрактного мышления он способен обнаружить закономерный ход развития объектов планетарного или межгалактического масштаба.

Пределы мира, рамки которого очерчивают два компонента мироздания – материальный и идеальный, сужают наше мыслительное пространство до двух логических фигур.

С одной стороны, обо всем сущем можно судить как об объективном начале, так как оно есть материальная природа (Эмпедокл, например, считал, что в основе мира лежат четыре элемента: вода, воздух, земля, огонь).

С другой стороны, все сущее есть субъективное начало (одни, как Демокрит, считают, что это пустота, другие – сознание, дух, идеальное). Каждая из этих логических моделей имеет право на свое относительно автономное существование.

Выбор же той или иной модели и придание ей статуса основы зависят от темперамента исследователя, его вкуса, научного интереса. Ясно одно, исключительно в природной материи и во взаимодействии лишь материальных объектов (субстанций) между собой ошибки не может быть, если все происходящее есть творение исключительно природное, материальное.

Ошибка появляется лишь только там и только тогда, где и когда в те или иные, в частности природные, процессы включается осознанная человеческая деятельность.

Так, разрушительное извержение вулкана Везувия было творением исключительно природным, и потому исключительно безошибоч-

ным, более того, закономерным, а в тех тектонических и иных условиях 79 г. н. э., в каких в то время находился Везувий, явлением неизбежным. Природу и законы природы не выбирают, они являют себя человеку как данность, раскрывая по мере возможности свои свойства.

Свойства ошибки

Свойство первое – императивное. Природа, как материальное начало, сама по себе безошибочна, так как она творит саму себя по законам природы, а не по велению сознания, воли и действий человека.

Немало природных катаклизмов, известных человеку не только на основе событий прошлых времен, но и нередко на его собственном горьком опыте, завершаются колоссальными по своей разрушительности трагическими последствиями.

При этом важно подчеркнуть, что масштабы этих последствий не в малой степени зависят от сознательной деятельности человека.

Можно ли было избежать столь жестокого и непоправимого удара природы при извержении вулкана Везувий? Очевидно, да, если бы люди, наученные горьким опытом своих (и не только) предков, не строили свои жилища в опасной для их жизни природной зоне либо имели необходимую систему оповещения населения о надвигающейся беде и были готовы к эффективной эвакуации всех без исключения граждан, а не только их элитарной части.

А лучше было бы, если бы все перечисленные и иные условия были в реальной действительности. Очевидно, внешняя привлекательность местоположения населенных пунктов и «безобидное» состояние вулкана на протяжении многих тысячелетий снизили порог ощущения человеком опасности, за что многие люди, утратив бдительность и чувство опасности, заплатились своими жизнями.

Свойство второе – универсальное. Ошибка есть творение исключительно сознательной (физической и/или духовной) деятельности человека. Основа подобной ошибки носит устойчивый характер, так как размеренный и благодушный природный ритм как бы убаюкивает обыденную (житейскую) бдительность человека, нередко формируя у него сомнение в необходимости волноваться, «быть на чеку», чтобы находиться хотя бы на шаг впереди роковых событий.

Человек, как и все человечество, не раз на себе испытывал удары природной судьбы, однако далеко не все подобные удары служат напоминанием ему о том, что «на одни и те же грабли нельзя наступать дважды».

Парадоксальным следует признать тот факт, что нередко ошибка человека влечет за собой последствия крупномасштабного характера; разрушительная сила такой ошибки кратно перекрывает самые жуткие природные катаклизмы.

К разряду подобных ошибок следует отнести, например, аварию на Чернобыльской атомной электростанции или на оборонном заводе «Маяк».

Создание высокотехнологичного, многофункционального и сверхточного оборудования, позволяющего совершать дерзкие попытки поиска ответов на вопросы, лежащие в плоскости экстремальных участков земли, недр, океанов и морей, космоса, межпланетного пространства, требуют от человека исключительной аккуратности в исполнении соответствующих манипуляций с указанным оборудованием.

В месте, где царит порядок микро- и макрообразований, созданных самой природой, появление ошибки может парализовать нормальное функционирование этих образований либо их полное уничтожение.

Возможно, в этих и других подобных ситуациях природа восстает против попытки человека подчинить ее себе, заставить служить ему, беспрекословно выполнять его капризы и позволять безответственно проводить разрушительные эксперименты в любой из сфер бытия человека.

Катастрофы техногенного и природного характера, сопровождаемые неблагоприятной экологической обстановкой, способствуют распространению опасных для жизни болезней.

Общине человека с атомом обернулось для него не только прорывом в области целого ряда наук и прикладных технологий («мирный атом»), но и серией разрушительных аварий с многочисленными человеческими жертвами, происходящими, прежде всего, на объектах атомной промышленности.

Хронология событий, лежащих в основе превращения одного состояния природы в другое, следовала, как можно предполагать, от неживой к живой природе, а от нее к живой природе, частично содержащей зачатки сознания, и, наконец, к природе, наделенной разумом.

На этом сложном, мучительном и бесконечно длительном пути преобразований природы, как утверждают многие ученые самых различных сфер научных направлений, труд способствовал формированию социальной матрицы человека.

Однако труд не только был предметом социальной селекции на пути от животного к чело-

веку, но и способствовал наделению его разумом. А это могло произойти лишь при условии, что человек от труда в форме примитивных физических телодвижений (что присуще, прежде всего, животному) перешел к осознанной и целесообразной деятельности.

Продукт сознания и только он, внесенный в человеческое поведение, позволяет отличать творение человеческого разума от результата инстинктивных действий животного. В противном случае неразличимым был бы, например, слом дерева, поваленного слоном во время его буйства в природной среде, и слом дерева, совершенный человеком осознанно с помощью даже самого примитивного самодельного топора.

К. Маркс высказал гениальную мысль о том, в чем он видел различие между трудом человека и трудом животного. «Паук, – заметил он, – совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» [4, с. 189].

Бессмысленно опровергать данное мнение К. Маркса либо подвергать его сомнению. Однако следует обратить внимание на то, что самая плохая (если такое возможно) пчела не только постройкой своих восковых ячеек, но и «непредвиденными ею» результатами своего труда посрамляет (может посрамить) некоторых архитектурных асов, для которых расстояние от великолепной архитектурной задумки до роковой ошибки при ее реализации не такое уж и большое.

Свойство третье – взаимодействующее. Можно заключить, что ошибка не возникает сама по себе, она есть результат взаимодействия человека с природой (материей) либо человека с себе подобными существами.

Нередко можно услышать сентенцию о том, что нет такого общества, которое бы исключало неравенство людей: деление на бедных и богатых изначально предопределено законами социального общежития людей.

Трудно в таком случае дать ответ на вопрос, чего здесь больше – лицемерного лукавства или исключительного цинизма.

Ясно только одно – кому-то указанное неравенство выгодно, а потому и бьются за него не на жизнь, а на смерть различного рода идеологи, политики, демагоги и чиновники само-

го различного масштаба и значения, которые рады по первому сигналу организовать мякую подстилку под любой, даже самый губительный для себя «социальный проект».

Как справедливое неравенство понимается неравенство природное, если не брать во внимание различного рода неравенств, порожденных биологическими отклонениями (врожденными пороками).

В определенных рамках признается допустимым неравенство и социальное, вызванное, например, возрастом, физической и интеллектуальной деятельностью, климатическими особенностями проживания людей и т.д.

Социальное неравенство людей как результат чьей-то злой воли всегда и без каких-либо оговорок признается (должно признаваться) несправедливым, а потому и опасным. Именно на почве социальной несправедливости массовая бедность неизбежно воспринимается как норма. На ее фоне происходит вынужденная коммерциализация самых массовых и самых чувствительных сфер жизнедеятельности людей: образования и медицины.

Высокий уровень прецедентности, жестокости и организованности преступности – это удел несправедливого социального неравенства. Безжалостное обесценивание накопления граждан, неоправданное повышение цен на товары и услуги, процветание пьянства, токсикомании и наркомании среди молодежи – все это следствие несправедливого социального неравенства.

Ни для кого не секрет, что резкое расслоение людей на постыдно для общества бедных, с одной стороны, и неоправданно богатых – с другой, порождает цинизм в высших слоях общества, пошлость в средних и дикость – в низших [5, с. 84].

Одним словом, перечисленные проявления социального неравенства по своей природной сути есть неравенство несправедливое, а его, в свою очередь, можно представить как самую разрушительную социальную роковую ошибку человечества и любой человеческой общности.

Безнравственная суть роковой социальной ошибки проявляется в том, что она (ошибка) пронизана духом безнравственного паразитизма. Паразитизма грубого, гнусного и разлагающего, так как при любом его проявлении меньшинство без зазрения совести «жирует» за счет большинства среднего и беднейшего населения.

В этом и находит свое проявление цинизм высших (элитарных) слоев общества, так как теневая, а нередко и легальная экономика используется олигархическими кланами для

обслуживания их собственных личных интересов. Последнее, помимо угрожающих размеров бедности и нищеты, разрушает старые добрые идеалы.

Между неоправданно богатыми людьми и беднейшими представителями социального разложения, как между молотом и наковальней, находится так называемый средний класс (чаще всего называемый «средним или малым бизнесом»). Его положение не такое уж безоблачное, как может показаться.

Именно этот сектор социального бытия слугит при наличии несправедливого социального неравенства мощным подспорьем, непрерывно питающим беспредельную алчность и без того неоправданно богатых людей. Это с одной стороны.

С другой же стороны, средний, разоряющийся слой населения в связи с неблагоприятными социально-экономическими условиями жизнедеятельности служит печальным поставщиком беднейших социальных слоев, тем самым поднимая и без того высокий порог нищенского существования обездоленных людей.

Дозированный предпринимательский потенциал среднего звена населения, экономические рамки которого жестко регулируются олигархическими кланами, неизбежно низводит его (потенциал) к состоянию пошлого и безнравственного торга с криминальными структурами, умело направляющими финансовые потоки среднего класса в теневой сектор олигархической экономики.

На Востоке говорят, скорость каравана определяется скоростью самого слабого верблюда. Перефразируя приведенную сентенцию, можно заметить, что богатство страны определяется не количеством миллиардеров в стране, так как не они заполняют «закрома Родины» финансовыми потоками и не они преумножают отечественную экономику, а фактическим числом представителей «среднего бизнеса» и беднейшего населения страны.

Люди, лишённые нормальных условий жизни, прежде всего материального характера, вынуждены поступать не по законам чести, а по велению инстинктов, неизбежно опускаются на уровень основных инстинктов выживания, что может свидетельствовать лишь о том, что на первые позиции в жизни бедного человека выступают дикие нравы силы и жестокости.

В этих условиях лицемерно стремление миллиардеров убедить всех, кроме себя, естественно, что они выступают единственным гарантом материального благосостояния и имущественной стабильности сограждан.

На самом же деле «не по Евклиду мы живем». Это у него, мудрого старца, все заключалось в простом постулате: если ты какую-то длину уменьшил на какое-то число, то остаток длины, независимо от ее протяженности в пространстве, на это же число обязательно уменьшается. У наших финансовых воротил все наоборот: сколько они не отрезают от народного пирога, он, как феникс из пепла, каждый раз предстает в своих первоначальных размерах.

Восстановление «пирожной» геометрии происходит не по мановению волшебной палочки, а за счет чаще всего непопулярных способов изъятия у людей нередко того, что им самим необходимо для нормальной жизни.

Бездонная неиссякаемость «народного достояния» – это основная экономическая ошибка нашего имущественного (и не только) бытия.

Финансовые аппетиты отечественных миллионеров и миллиардеров не знают разумно допустимых границ, а это уже патология, и ее лечение нужно проводить в стационарных учреждениях, на фасаде которых была бы к месту словесная мольба: «С мира по нитке и олигарху смирительная рубаха».

Свойство четвертое – материальное. Ошибка обретает определенный смысл лишь при наличии наступления тех или иных негативных последствий материального характера.

Перечисленные свойства ошибки не исчерпывают всего ее содержательного богатства. Однако именно они определяют специфику ошибки, ее сущности, масштабности и значения, а это, в свою очередь, позволяет заметить, что многоликость ошибки отражает ее многогранную природу и практическую неисчерпаемость.

Мозаичное выявление свойств (признаков) ошибки позволяет создать цельное полотно определения этого понятия. Ошибка – это негативный, фактически наступивший результат сознательного (физического и/или интеллектуального) взаимодействия человека с природой (материей) либо с себе подобными существами, наступление которого, по его расчетам, было невозможным.

Все мыслимые ошибки, вне зависимости от сферы человеческой жизнедеятельности и многообразия, могут подлежать классификации по вертикали и горизонтали.

«Вертикаль» ошибок образуют масштабность формата взаимодействия человека (человечества) с чем-то или с кем-то и объем разрушительности последствий этого взаимодействия.

По данному критерию можно выделить ошибки: межгалактические, межпланетные, космические, планетарные, техногенные катаклизмы, наступление которых может оказаться не столь уж и невозможным, учитывая то упрямство, с которым человек (человечество) стремится проникнуть в суть всего того, что его окружает.

Неисчислимы по количеству и разнообразию виды ошибок дает их деление по «горизонтали». Нас интересует ограниченная классификационная группа ошибок, к которым следует отнести: врачебные ошибки, судебные ошибки, бизнес-ошибки, профессиональные ошибки в адвокатской и нотариальной деятельности.

Врачебная ошибка – это негативный, фактически наступивший результат сознательного (физического и/или интеллектуального) взаимодействия врача с пациентом в рамках его лечения либо проведения с ним врачебного эксперимента, наступление которого, по расчетам лечащего или проводящего эксперимент, было невозможным.

Судебная ошибка – это негативный, фактически наступивший результат сознательного интеллектуального взаимодействия судьи с лицами, участвующими в деле, в рамках рассматриваемого им гражданского дела или с

участниками уголовного судопроизводства в рамках рассматриваемого им уголовного дела, наступление которого, по расчетам судьи, было невозможным.

Бизнес-ошибка – это негативный, фактически наступивший результат сознательного интеллектуального взаимодействия бизнесмена с деловыми партнерами, наступление которого, по его расчетам, было невозможным.

Профессиональная ошибка в адвокатской деятельности – это негативный, фактически наступивший результат сознательного профессионального взаимодействия адвоката со своим клиентом (своими клиентами), наступление которого, по его расчетам, было невозможным.

Профессиональная ошибка в нотариальной деятельности – это негативный, фактический наступивший результат сознательного профессионального взаимодействия нотариуса со своим клиентом (своими клиентами), наступление которого, по его расчетам, было невозможным.

Не исключено мнение о том, что представленный на Ваш суд фрагмент моих рассуждений относительно понятия и специфики ошибки страдает определенными авторскими недоговоренностями. Это вполне объяснимо, поскольку самая простая ошибка сама по себе есть нагромождение догадок и предположений.

1. Покровский В. Прощание с юностью человечества // Экспресс. 2003. Октябрь. С. 30–32.

2. Блок А. О назначении поэта // Александр Блок. Лирика. Театр. М., 1982.

3. Есенин С. Письмо к женщине // Стихотворения. Поэмы. Мурманск, 1969.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

5. Падни Д. Льюис Керролл и его мир. М., 1982.

1. Pokrovsky V. Farewell to the youth of mankind // Express. 2003. October. P. 30–32.

2. Blok A. On the appointment of the poet // Alexander Blok. Lyrics. Theater. Moscow, 1982.

3. Yesenin S. Letter to the woman // Poems. Murmansk, 1969.

4. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 23.

5. Padney D. Lewis Carroll and his world. Moscow, 1982.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета; e-mail: uglaw@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.Ya. Kozachenko, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Chair of Criminal Law of the Ural State Law University; e-mail: uglaw@yandex.ru

Противоречия уголовного закона

Показана противоречивость реформы уголовного закона, охарактеризована ее несогласованность с нормами УК РФ, другими отраслями права. Обращено внимание на непрофессионализм инициаторов новых норм. Подчеркивается, что пренебрежение к концепции действующего УК РФ при его реформировании без создания новой неизбежно приводит к отступлению от соблюдения принципов уголовного права.

Ключевые слова: уголовный закон, принцип личной ответственности, альтернативные наказания, штраф, несовершеннолетние, принудительные работы, соучастие.

Contradictions of criminal law

The article substantiates the divergence of the reform of the criminal law, its inconsistency with other norms of the Criminal Code of the Russian Federation and other branches of law. Attention is paid to the lack of professionalism of the initiators of the new norms. It is emphasized that disregard for the concept of the current Criminal Code of the Russian Federation while it is reformed without creating a new one inevitably deviates from compliance with the principles of criminal law.

Key words: criminal law, principle of personal responsibility, alternative penalties, fine, minors, forced labour, complicity.

Изменения, вносимые в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК) [1], в ряде случаев противоречат не только положениям теории права, но и положениям других норм самого закона. И если «У природы нет плохой погоды – Каждая погода благодать», то содержание закона, вносимые в него изменения (погода) формируются не стихийно. УК РФ создавался на определенной концепции, опирался на теорию права, а изменения в него вносятся в ряде случаев без учета этих простых истин, вследствие чего погода меняется, и не в лучшую сторону.

А ведь в УК погоду меняет не «бог» или случайные люди, а те, кто в соответствии со ст. 104 Конституции РФ имеет право на законодательную инициативу: Президент РФ, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство РФ, законодательный (представительный) орган субъектов РФ, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ по вопросам их ведения. Значительная часть этих лиц имеют юридическое образование. Так почему же изменения, вносимые в УК, столь противоречивы, а некоторые измененные нормы в силу их несогласованности с другими положениями УК невозможно применить? Не потому ли, что не обращается внимание на «дом»? Его стали ремонтировать, да так, что несущие стены пошатнулись, дом рушится. «Дом» уголовного закона – концепция, заложенная при создании УК, теория уголовного права, созда-

ваемая учеными на протяжении истории его развития.

Концепция, естественно, может с течением времени меняться, но она должна быть. Теория права должна развиваться, но не искажаться и не игнорироваться. Закон должен изменяться в соответствии с концепцией политики государства в сфере противодействия преступности на определенном этапе его развития. Но нет, реформирование уголовного закона происходит неразумно и нелогично, просто взмахом пера для разрушения созданного учения. Мысль замирает перед таким стремлением законодателя, и ужасается дух как ученых, так и правоприменителей.

Известный ученый современности А.И. Рагог, говоря о том, что уголовно-правовые средства обеспечения приоритетов уголовно-правовой политики должны быть «практически реализуемыми, т.е. соответствовать потребностям практики и служить удобным инструментом воздействия на социально неприемлемые уголовно-правовые явления» [2, с. 13], в своих трудах продемонстрировал, что на сегодняшний день они таковыми не являются.

Показателем эффективности уголовного закона считается его относительная стабильность, что не исключает внесения в него требуемых временем изменений. Но большинство изменений не продиктовано временем, от многих из них уголовный закон просто лихорадит. Они наглядно демонстрируют «прямые обра-

зующие силы современной противоречивой нравственной действительности», когда обществу «не хватает общей культуры и морально-нравственных ограничений» [3].

Реформаторы почти через семь лет после принятия УК посягнули на принцип личной ответственности. Среди мер наказаний, применяемых к несовершеннолетним, прямо в норме УК вдруг выделили исполнительную составляющую штрафа. Морально-нравственный аспект этого наказания равен нулю, и это особенно заметно применительно к несовершеннолетним. Штраф следовало бы исключить из перечня наказаний, назначаемых несовершеннолетним. А в отношении совершеннолетних – оставить только как дополнительную меру наказания. Однако в свете изменений, внесенных в УК в декабре 2003 г. (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия (ч. 2 ст. 88 УК). Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» ориентирует суды при назначении несовершеннолетнему наказания в виде штрафа удостовериться в добровольности согласия и платежеспособности таких лиц, а также разъяснить последствия неисполнения судебного решения о взыскании штрафа.

Но суд не признает родителей виновными в том, что совершили их дети, если не считать моральный аспект случившегося. Наказание не должно превращаться в откуп, зависимый от платежеспособности как самого осужденного, так и членов его семьи. Да и зачем такое положение вносить в закон? Ведь ясно, что родители или близкие родственники даже совершеннолетнего лица и без постановления суда при наличии возможности помогут уплатить назначенный штраф. Совершенно негодной «с точки зрения логики построения уголовного закона» назвал эту норму Ю.В. Голик. Он отметил, что в подобном столкновении в уголовном праве с институтом субсидиарной ответственности гражданского права нет ничего хорошего, что понятно каждому, «кто хотя бы листал закон. Каждому, но не нашим законописцам, которые своими неграмотными решениями ставят в очень неудобное положение и теоретиков, и практиков.

А по большому счету и общество в целом» [4, с. 17].

В монографии И.М. Рагимова «Философия преступления и наказания» соотношение основных понятий уголовного права – «преступление» и «наказание» – рассмотрено в аспекте восприятия наказания как неизбежного и необходимого следствия совершенного лицом вида преступления. И это естественно, ведь, «признавая свободу выбора поведения, мы допускаем и наказание преступника. Сущность преступления, а значит, смысл и значение наказания мы сможем познать только в том случае, если будем способны раскрыть поведение человека вообще и преступника в частности» [5, с. 107].

Принцип личной ответственности, хотя и не закреплён, в отличие от других принципов, в специальной норме УК, заложен в его содержание (ст. 19–20, ч. 1 ст. 24 УК, ст. 31–32 УИК).

Человек ни при каких условиях не должен нести ответственность за поступок, совершенный другим человеком. Вряд ли исправительное воздействие на несовершеннолетнего окажет согласие его родителей или иных законных представителей заплатить штраф. Да и с какой стати наказание несовершеннолетнему должно назначаться с учетом желания его родителей или иных законных представителей исполнить это наказание? Почему же тогда родители с их согласия не могут отбывать назначенное их несовершеннолетнему ребенку наказание в виде обязательных или исправительных работ либо лишение свободы?

С таким подходом к соотношению преступления и наказания вряд ли можно рассчитывать на нравственное воспитание и предупредительное воздействие уголовного закона, наказание не будет восприниматься как неизбежное и необходимое следствие совершенного лицом преступления. Напомним, что с момента принятия УК в течение почти семи лет до декабря 2003 г. ч. 2 ст. 88 не содержала положения о возможности взыскания штрафа с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего. Штраф следует оставить в УК только как дополнительный вид наказания, применяемый только к совершеннолетним лицам.

В 2011 г., почти через 15 лет действия УК, его реформаторы посягнули на принцип законности, закрепленный в ст. 3, дополнив ст. 15 УК частью 6 о предоставлении суду права по своему усмотрению, вопреки установлению закона,

изменять категорию преступления, что влечет за собой и иное применение других норм, в которых учитывается категория содеянного (о назначении наказания по правилам совокупности преступлений или приговоров, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о давности исполнения обвинительного приговора, сроках судимости и пр.). Как следует понимать данную норму? Как то, что суд стоит выше закона? Но суд необходим в правовом государстве ровно постольку, поскольку существует потребность в правильном, стабильном и единообразном применении закона.

Наделение суда полномочиями по изменению категории преступления противоречит заложенной в УК при его создании идее нормативной классификации преступлений. А эта идея, хотя и со свойственными ей погрешностями, лежит в основе уголовной политики государства, которое, видимо, не уверено в результатах проводимой им самим криминализации общественно опасных деяний, поскольку позволяет суду корректировать, фактически подменять собой закон. Именно закон в силу своего назначения – противодействовать преступности – обязан устанавливать четкое понимание того, какие именно деяния признаются в данный конкретный момент развития государства преступлением и насколько они опасны. С точки зрения конституционных основ уголовного права такое решение законодателя лишило уголовный закон качества правовой определенности.

Предоставление Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ суду права изменять категорию преступления, а также исключение из санкций ряда статей минимального предела наказания в виде лишения свободы (в санкциях некоторых статей данные пределы установлены за тяжкие и особо тяжкие преступления от двух месяцев до десяти, двенадцати, пятнадцати и двадцати лет: ч. 2–4 ст. 111, ст. 356 УК и др.) привело к искажению принципа независимости судей на законном основании. А это, как отмечают многие ученые, в свою очередь, превращается «в пределы возможностей злоупотребления правом, что мало чем отличается от судебного произвола» [6, с. 182] и способствует процветанию коррупции, а не противодействию ей. «Несоблюдение гражданами, да и представителями власти – чиновниками всех уровней законов... стало, по существу, обыденным делом. Жизненно необходимая для нашей страны работа по преду-

ждению преступности фактически свелась к нулю» [6, с. 99–100]. Представляется, что ч. 6 ст. 15 УК следует признать утратившей силу.

Другой пример: понятие уголовной противоправности (иными словами, криминализация деяния) в реформах стало определяться вопреки теории уголовного права. В частности, исключив неоднократность как квалифицирующее обстоятельство из ряда составов преступлений, провозглашая признаками преступления степень общественной опасности, виновность лица, совершившего деяние, запрещенность деяния уголовным законом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК), реформаторы уголовного закона стали определять уголовную противоправность признаком неоднократности либо нового деяния, имеющего административно-правовую противоправность (ст. 151.1, 158.1 УК и др.), либо при совершенствовании некоторых норм (ст. 157 УК). Между тем в ч. 1 ст. 14 УК речь идет об опасности именно совершенного лицом деяния, а не об опасности этого лица в силу повторения деяния, имеющего иную противоправность. Уголовная противоправность деяния, таким образом, определяется на время: пока лицо считается «подвергнутым административному наказанию». А в ст. 212.1 УК «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» вообще так называемая административная преюдиция приобрела странный характер – деяние признается преступлением, если лицо, его совершившее, ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КОАП РФ, *более двух раз* (выделено нами – Т.М.) в течение ста восьмидесяти дней. Вряд ли при таком подходе к определению уголовной противоправности деяния уголовный закон будет функционировать как механизм швейцарских часов.

Реформаторы уголовного закона пошатнули и теорию соучастия в преступлении, введя в качестве квалифицирующего признака в ст. 205.1 пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208. Ученые отметили, что с приданием законом от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ «действиям пособника (как одного из соучастников) значения самостоятельного состава преступления, тем более

что пособничество в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ определяется точно так же, как и в ч. 5 ст. 33 УК РФ», стало невозможным собственно пособничество в преступлениях, предусмотренных в ч. 1 ст. 205.1, что «вносит сумбур в институт соучастия» [2, с. 15; 7, с. 236]. А факт установления в ч. 3 ст. 205.1 более строгого наказания за пособничество террористическому акту (ч. 1 ст. 205 УК), захвату заложника, совершенному организованной группой либо повлекшему по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 206 УК), чем за исполнение собственно теракта или захвата заложника при особо отягчающих обстоятельствах, демонстрирует непрофессионализм реформаторов уголовного закона.

Такой же подход к реформированию уголовного закона наблюдается и в появляющихся в УК нормах о наказании. Казалось бы, прописная истина: устанавливаемое за преступление наказание должно быть применимым, а не просто вписанным в санкции статей. А реформаторы закона сначала вводят наказание, включают его в санкции Особенной части уголовного закона, потом, по прошествии ряда лет, принимают закон о введении установленного ими наказания в действие, причем иногда закон о введении в действие наказания посягает и на содержание этого наказания (как, например, с наказанием в виде ограничения свободы). Заметим, что так было с начала принятия УК РФ. Наказания в виде обязательных работ и ограничения свободы введены в действие через десять лет и более, арест до сих пор не введен в действие. А появившееся в 2011 г. наказание в виде принудительных работ не только введено в действие по прошествии почти шести лет после его принятия, но и устанавливается по настоящее время в санкциях ряда статей так, что его по закону нельзя назначить. Реформаторы даже не руководствуются положениями закона, созданного ими же ранее.

Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 53.1 УК «принудительные работы применяются как *альтернатива* (выделено нами – Т.М.) лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые». Из приведенного положения следует, что санкция статьи Особенной части УК должна содержать наказания в виде и лишения свободы, и принудительных работ. А что мы наблюдаем?

Нормы ряда статей УК не содержат в своих санкциях наказания в виде лишения свободы, но предусматривают принудительные работы. Это и размножившиеся в 2012 г. нормы о мошенничестве (ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6 УК), и обе части ст. 200.1, введенной в УК законом от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ, и др.

А Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ из санкции ч. 1 ст. 207 УК «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» было исключено наказание в виде лишения свободы, но установлен минимальный предел принудительных работ (от двух до трех лет; было от двух месяцев до трех лет). В такой редакции санкции рассматриваемой статьи принудительные работы в соответствии с ч. 2 ст. 53.1 УК не могут быть назначены. Получается, что, когда принудительные работы можно было назначить, их минимальный предел составлял два месяца, что собственно, логично (преступление небольшой тяжести), а теперь назначить их нельзя, но установлен минимальный предел в два года при той же категории преступления? И какова логика законодателя?

Кроме того, в системе наказаний принудительные работы отнесены к основному виду (ч. 1 ст. 45 УК). Основные наказания назначаются самостоятельно и не должны зависеть от назначения других основных наказаний. Вот и попробуйте разобраться, когда же прав законодатель: когда он не включал в санкции вышеперечисленных норм наряду с принудительными работами наказание в виде лишения свободы, т.е. конструировал санкции в соответствии с теорией права, но отступал от положений закона (ч. 2 ст. 53.1 УК), или в тех случаях, когда следует положениям им же созданного закона и вопреки теории трактует правило замены одного основного вида наказания другим основным его видом?

Есть в законе и другие примеры. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 126 похищение человека наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок. На первый взгляд, это альтернативная санкция, и в то же время назначить суд может только лишение свободы (т.е. альтернативы нет), а потом заменить его принудительными работами или постановить, например, считать назначенное наказание условным.

Аналогичным образом сконструирована санкция ч. 1 ст. 127.1 УК «Торговля людьми», но это тяжкое преступление, за которое принудительные работы могут быть назначены толь-

ко в случае его совершения впервые, следовательно, альтернативы лишению свободы нет и в случае совершения этого преступления впервые, и уж тем более при неоднократном его совершении. Следовательно, альтернатива у суда – постановление об условном осуждении, которое не зависит от того, сколько раз совершено преступление, но условное осуждение – это не наказание.

Задуманное реформаторами уголовного закона положение о назначении принудительных работ как замены лишения свободы предполагает, что принудительные работы – менее строгое наказание, вместе с тем по степени строгости это наказание не уступает лишению свободы, оно засчитывается из расчета день за день. А если знакомиться с содержанием принудительных работ, то они представлены и как более мягкое наказание, чем лишение свободы, и как равное ему.

О равенстве этих наказаний свидетельствуют и правила засчитывания срока отбывания принудительных работ, в который, подобно лишению свободы, день за день засчитываются и время содержания осужденного под стражей в качестве меры пресечения, и время следования в исправительный центр под конвоем, а также время краткосрочных выездов, предоставляемых осужденному (ст. 60.3 УИК РФ). С позиций теории уголовного права при замене одного вида наказания другим подобное равенство просто не разумно. Срок, например, исправительных работ исчисляется временем, в течение которого осужденный работал и из его заработной платы производились удержания (ст. 42 УИК). Если принять во внимание, что назначение принудительных работ условно не предусмотрено законом (ч. 1 ст. 73 УК), то они являются более строгим видом наказания.

По своей юридической природе принудительные работы являются наказанием, так как они включены в систему основных видов наказаний (п. «з.1» ст. 44 УК) и в санкции статей Особенной части УК. В то же время по содержанию это явно не основное наказание, так как при его назначении суд лишен возможности избрать его без предварительного назначения наказания в виде лишения свободы (подобное положение было с наказанием в виде пожизненного лишения свободы до 2004 г.). Установленный в УК алгоритм назначения принудительных работ позволяет считать их и «иной мерой уголовно-правового характера», подобной условному

осуждению или существовавшему в советский период условному осуждению к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 24.2 УК РСФСР, исключенная в 1993 г.). В итоге произошло неоправданное смешение правовой природы принудительных работ, что повлекло невозможность их применения за отдельные преступления. Видимо, не все инициаторы новых норм изучили положения ст. 53.1 УК, вольно или невольно снова посягнув на принцип законности.

Реформаторы законодательства не согласовывают содержание наказания с его исполнительной составляющей. Содержание наказания заключается именно в привлечении осужденного к труду (ч. 3 ст. 53.1 УК). Согласно первому предложению ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ осужденный обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров. А во втором предложении этой нормы прописано: администрация исправительных центров привлекает осужденных к труду *«исходя из наличия рабочих мест»* (выделено нами – Т.М.). Это положение подкрепляется ч. 5 ст. 60.8 УИК РФ, согласно которому «осужденным к принудительным работам, не обеспеченным работой, ежегодный оплачиваемый отпуск не предоставляется». Получается, что работа осужденных презюмируется, но не гарантируется государством. Государство снимает с себя ответственность за соблюдение им же установленных правил, подрывает сущность принудительных работ, допускает назначение наказания с возможностью его ненадлежащего исполнения.

На наш взгляд, принудительные работы как основной вид наказания должны назначаться самостоятельно, как альтернативное наказание. Для этого необходимо исключить из ч. 1 ст. 53.1 слова «как альтернатива лишению свободы» и признать утратившей силу ч. 2 ст. 53.1 УК РФ. При таком подходе принудительные работы действительно были бы просто альтернативным наказанием и соответствовали бы теории права о понятии основного наказания. Альтернатива лишению свободы и замена назначенного лишения свободы – не тождественные понятия, а законодатель призван соблюдать единство терминологии.

Благоприятную погоду в доме уголовного закона можно установить только соблюдением его принципов, соответствием заложенной концепции, правилам законодательной техники и силой разума.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Рарог А.И. Приоритеты российской уголовно-правовой политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2015 г. М., 2015.

3. Встреча с Михаилом Федотовым, Владимиром Лукиным и Борисом Титовым, 10 июля 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=X7IDhAutmV8>

4. Голик Ю.В. К вопросу о правовом содержании уголовного закона // Правовое содержание уголовного закона: материалы круглого стола к юбилею Ю.В. Голика: сб. ст. СПб., 2017.

5. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб., 2015.

6. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2018.

7. Ершов С.А. Проблемы регламентации пособничества в УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2012.

1. The Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

2. Rarog A.I. Priorities of the Russian criminal law policy // Criminal law: development strategy in the XXI century: proc. of the XII Intern. sci. and practical conf., Jan. 29–30, 2015. Moscow, 2015.

3. Meeting with Mikhail Fedotov, Vladimir Lukin and Boris Titov, July 10, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=X7IDhAutmV8>

4. Golik Yu.V. On the issue of the legal content of the criminal law // Legal content of the criminal law: proc. of the round table for the anniversary of Yu.V. Golik: coll. of papers. St. Petersburg, 2017.

5. Ragimov I.M. Philosophy of crime and punishment. St. Petersburg, 2015.

6. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Problems of the Russian criminal policy. Moscow, 2018.

7. Ershov S.A. Problems of the regulation of complicity in the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Law: development strategy in the XXI century. Moscow, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Минязева Татьяна Федоровна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета РФ, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов; тел.: +74955870901, +74954345300.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

T.F. Minyazeva, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Process and Forensic Science of the Peoples' Friendship University of Russia; ph.: +74955870901, +74954345300.

Перспективы криминологии

Дается общая оценка состояния науки криминологии в современной России, отмечается наличие работ, в которых предпринимаются попытки прогнозирования ее дальнейшего развития. Утверждается, что в будущем необходимо усилить эмпирические изыскания, так как именно в них нуждается криминология. Обосновывается необходимость осуществления в рамках криминологии биологических исследований. Указывается, что к числу наиболее важных в будущем проблем, нуждающихся в криминологическом изучении, следует отнести последствия бедности, образ жизни преступников, нравственность и мораль, причем в тесном переплетении с психологией личности, особенно с бессознательными областями психики, поскольку психологические аспекты личности преступника и преступного поведения исследованы слабо. По этой причине такие аспекты названы весьма актуальными для будущих криминологических работ.

Ключевые слова: уголовная политика, вечность преступности, вечность криминологии, личность преступника, биологические проблемы криминологического изучения преступника, нравственность и мораль в сфере изыскания криминологии, бессознательные мотивации преступного поведения.

Prospects of criminology

A general assessment of the state of science of criminology in modern Russia is given, including the presence of works in which attempts are also made to express views on its further development. It is argued that in the future it is necessary to strengthen empirical research, because in such research criminology particularly needs. The necessity to carry out biological research in the framework of criminology is highlighted. Among the most important problems in the future that need to be studied criminologically are the consequences of poverty, the way of life of criminals, morality and morality, the latter closely intertwined with the psychology of the individual, especially with its unconscious areas of the psyche because the psychological aspects of the criminal personality and criminal behaviour are poorly investigated. For this reason, these aspects are named is very important for the future of criminological work.

Key words: criminal policy, eternity of crime, eternity of criminology, personality of the criminal, biological problems of criminological study of the criminal, morality and morals in the field of criminology, unconscious motivation of criminal behaviour.

В любой отрасли научного знания могут быть весьма полезными критический обзор пройденного пути, оценка достигнутого, выявление причин неудач и, возможно, провалов. Это позволит определить дальнейшее направление и перспективы данной науки, наиболее для нее актуальные и сложные проблемы, в том числе те, которые порождены самой логикой ее развития.

Криминология нуждается в таком анализе и в указанных оценках, несмотря на то, что это сравнительно молодая наука. Она появилась на свет в середине XIX в., когда наука уголовного права уже не могла своими силами объяснить, что такое преступность и каковы ее причины, чем является личность преступника и чем она отличается от субъекта преступления, что представляет собой преступное поведение и каково его соотношение с преступлением, как, наконец, бороться с преступностью и предупреждать отдельные преступления.

Соответствующие обязанности взяла на себя криминология и более или менее справилась с ними, причем в разных странах и в разных школах научные проблемы решались по-своему.

Отечественная криминология, испытавшая на себе весь гнет коммунистической идеологии и демагогии, вначале формировалась как социология преступности, что предполагало отрицание или в лучшем случае игнорирование психологических, еще в большей степени психиатрических проблем. Биологические факторы преступного поведения просто не принимались во внимание, а все те, которые призывали их учитывать, немедленно предавались анафеме. Поэтому самой у нас битой криминологической фигурой был Ч. Ломброзо, причем критиками чаще всего становились те, кто даже не читал работы этого ученого.

Разумеется, со временем ситуация в рамках науки криминологии существенно изменилась. Активизировались прежние направления ис-

следований, например личности преступника, преступного поведения и причин преступности в России, проблем региональной преступности. Появились новые – это прежде всего работы В.С. Овчинского, посвященные исследованию криминологических проблем цифровых технологий. Интенсивно продолжены работы по изучению уголовной политики, которую следует считать составной частью криминологии, имеющей прямое отношение к предупреждению преступности. Криминологи стали чаще использовать достижения других наук, особенно экономики и психологии, поэтому можно заметить рост междисциплинарных изысканий, хотя и недостаточный.

Но в целом нельзя утверждать, что современная отечественная криминология бурно развивается. Она во многом утратила свою социальную значимость и не случайно была исключена из государственного образовательного стандарта, ее восстановили в должном качестве только в сентябре 2018 г. Поэтому закономерно обсуждение будущего криминологии, предпринятое в последние годы Н.Г. Горшенковым, С.М. Иншаковым, В.А. Номоконовым, Т.М. Судаковой и некоторыми другими учеными. В их работах явно звучит обоснованное неудовлетворение нынешним состоянием этой науки, высказываются соображения по поводу того, как и в каком направлении должна развиваться криминология, каково ее будущее.

Однако не со всеми суждениями о дальнейшей судьбе криминологии можно согласиться. Не можем присоединиться к утверждению В.А. Номоконова и Т.М. Судаковой, что в изучении преступности и всех связанных с ней проблем можно использовать эзотерические положения [1, с. 534]. Эти положения не имеют ничего общего с наукой и уже по этой причине не могут использоваться в криминологических изысканиях. По этой же причине нужно категорически возразить мнению названных авторов о том, что человек по сущности якобы носитель Духа и, может быть, пора криминологии включить в свой предмет сущность личности в этом аспекте. В науке не может быть места для теологии – это аксиома; наука строится на доказательствах, в то время как религия – на вере. Все божественное неприемлемо для науки. Криминологические игры с религией не так уж безобидны, как может показаться на первый взгляд, поскольку они могут помешать действительно научному изучению преступности и связанных с нею проблем. Между тем сами религия и церковь могут сыграть эффективную роль в профилактике преступлений и исправлении преступников. Однако криминологи-

религиозные исследования ни в коем случае не могут составить будущее криминологии.

Какая судьба ни ждет криминологию, она не должна исходить из того, что насилие и в целом зло преодолимы, они, в том числе преступность, будут существовать вечно, а зло есть потому, что есть добро. Снижение уровня преступности, наблюдаемое сейчас в России и некоторых других странах, лишь временное явление, оно вовсе не означает, что преступность в конце концов исчезнет. Преступность была всегда, даже в первобытном обществе, и поэтому прекрасноразумные рассуждения о «здоровом обществе», «обществе социальной гармонии» и т.д. не могут быть расценены иначе, как элементарная маниловщина. Преступность бессмертна, и вся проблема в том, что ее надо удерживать в определенных рамках, соответствующих цивилизационным представлениям.

Вечность преступности предопределяет и вечность криминологии, которая должна быть ее зеркальным отражением, при этом неизменной остается необходимость криминологического прогноза, т.е. наука должна опережать преступность. Последняя, конечно, будет изменяться, причем изменения могут охватывать способы совершения преступлений, предметы посягательств, масштабы, ситуации и т.д., конкретные причины преступности, но не мотивы преступного поведения, которые остаются крайне стабильными в истории человечества. Может изменяться частота, встречаемость мотивов, но не их сущность. В аспекте мотивации первобытный человек, укравший у соседа курицу, ничем не отличается от современного хакера, похищающего миллионы долларов путем использования цифровых технологий, потому что и у того, и у другого мотив один – корысть. Неизменны и другие мотивы: ревности, мести, восстановления, удержания или захвата определенного социального положения, игры, самоутверждения и т.д. Новых, ранее неизвестных мотивов преступного поведения не появится никогда, поскольку природа человека более чем тверда и не поддается изменениям социальной жизни, им же созданной. Она, эта природа, остается непоколебимой и тогда, когда социальная жизнь изменяется в соответствии со своей внутренней логикой – и в этих случаях новая жизнь изначально создается человеком.

Вот почему личность преступника была и остается одним из важных объектов криминологического познания. Однако многие работы о ней основаны не на эмпирических изысканиях, т.е. не на изучении «живых» преступников, а на данных из научной литературы и на статистике. В лучшем случае – на материалах

уголовных дел. Вообще недостаточность эмпирических исследований – один из главных пороков современной отечественной криминологии. Поэтому устранение этого порока является актуальной задачей российских ученых. Должно быть ясно, что, как и в психологии, и в психиатрии, без изучения личности преступника и жизни в той сфере, в которой она формируется, криминология дальше двигаться не в состоянии. Тем не менее, сейчас уже выполнен значительный объем работ по исследованию личности преступника, у нас есть более или менее достоверные научные знания о ней, в связи с чем необходимо сделать следующий шаг – приступить к изучению биологических составляющих причин преступного поведения.

Такие исследования, как можно полагать, значительно расширят наше понимание преступника и преступных действий, а соответственно, и возможности их предупреждения. Не исключено, что подобные исследования потребуют каких-то изменений в уголовном законодательстве, скорректируют пенитенциарную практику, содержание самой исправительной деятельности, ее формы и методы. Подобного рода исследования в нашей стране еще не проводились, хотя поводы для этого сама жизнь дает в значительном количестве.

Так, известно, что инстинкт продолжения рода у живых существ относится к числу самых главных и особенно силен у матерей. Однако наблюдается нарушение этого инстинкта и у животных, которые способны даже съесть своих детенышей, в том числе новорожденных. Убийство матерью своего новорожденного ребенка в России считается преступлением (ст. 106 УК РФ). В связи с этим возникает вопрос: почему у таких матерей не срабатывает инстинкт материнства, имеют ли здесь значение биологические процессы?

Наши многолетние исследования серийных сексуальных убийств показали, что виновные в них мужчины страдали сексуальными расстройствами (полной или частичной импотенцией, быстрым оргазмом и т.д.), что существенно препятствовало установлению нормальных интимных связей с представительницами другого пола. Это подрывало их отношение к себе, самоуважение и вместе с тем вызывало ненависть к женщинам, которых они считали виновницами своих сексуальных катастроф. Психологические механизмы тут понятны, но каковы биологические, есть ли они? Этот перечень можно продолжить.

Биология преступников изучалась, но не криминологами, а биологами и психиатрами, например в Государственном научном цен-

тре социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского. Они обследовали 67 человек, обвиняемых в убийствах, и пришли к следующим выводам.

Предиспозиция к гомицидному агрессивному поведению определялась главным образом левополушарными нарушениями, проявляющимися, с одной стороны, снижением функционального состояния левой лобной коры и ее контролирующей функции прежде всего по отношению к подкорковым импульсам, исходящим из лимбической системы, с другой стороны, повышением уровня активации моторных систем. Полученные данные позволяют высказать предположение о важной роли дисфункции дофаминергической модулирующей системы. Выявленные сдвиги можно рассматривать как нейрофизиологическую основу наблюдающихся у таких больных расстройств самосознания и повышенной готовности к непосредственным действиям. Обнаруженные особенности ЭЭГ, связанные с нарушениями эмоционально-мотивационной сферы, влияли на механизмы деликта, с реализацией в одних случаях ситуативных форм реагирования, в других – искаженных внутренних программ сексуального поведения [2].

В названных исследованиях были выбраны органические психические расстройства, поскольку они предполагают обусловленность биологическими факторами. Работа имела криминологическое значение, но выполнена, как уже указывалось, без участия криминологов. Она не была продолжена, не было проведено сравнений с контрольной группой, в целом ее юридическая значимость оказалась весьма ограниченной, ее итоги стали известны лишь очень узкому кругу специалистов. Вот почему нет никаких сомнений в том, что подобные изыскания обязательно должны быть продолжены в будущем. Если их результат покажет, что роль биологических факторов в преступном поведении ничтожна или даже вообще не имеет значения, то это тоже результат, поэтому он важен. Но ответ может быть получен только путем исследования.

В криминологии необходимо преодолеть опасную методологическую ошибку: несоответствие методов исследования его объекту. Так, сугубо психологические явления часто пытаются изучить с помощью социологических методов, которые являются традиционными. Поэтому возникает непростая задача обучения криминологов, особенно начинающих, психологическим методам исследования, в первую очередь личности. В иных случаях для осуществления психолого-криминологи-

ческих изысканий необходимо привлекать для совместной работы психологов, а там, где это необходимо, – психиатров. Последние особенно нужны для изучения личности и преступного поведения людей с психическими нарушениями, а также лиц, характеризующихся общественно опасным поведением, и невменяемых. Эта проблема вполне заслуживает внимания, поскольку, например, около 25% обвиняемых в убийствах признаны невменяемыми. Знание их личностных и поведенческих особенностей, а также характера психического заболевания, его криминогенных последствий позволит более эффективно предупреждать (предотвращать) их общественно опасные поступки.

Можно назвать и другие криминологико-биологические проблемы, нуждающиеся в научном познании. Например, какие изменения происходят в биологии человека под влиянием неблагоприятных экологических процессов и влияют ли эти изменения на него в криминологическом смысле на психологическом и психиатрическом уровнях, т.е. вызывают ли они преступные действия либо способствуют им.

Отечественные криминологические исследования в будущем обязательно должны носить междисциплинарный характер, причем в гораздо большей мере, чем в настоящее время. Это является условием достижения важных для науки и практики борьбы с преступностью результатов. Следовательно, криминологи должны обладать разносторонними, широкими знаниями, уметь сотрудничать со специалистами других научных знаний, в том числе и юридических.

Как уже указывалось выше, в России и некоторых других странах сейчас отмечается снижение уровня преступности. Потому прямой задачей криминологии является выяснение причин такой динамики, что позволяет получить новые знания в деле борьбы с преступностью. Возможно, здесь сказываются улучшение качества жизни населения, особенно его экономического обеспечения, проведение более гибкой и гуманной карательной политики, общее смягчение нравов, связанных с тем, что в настоящее время не ведется крупномасштабных войн, хотя и сохраняются отдельные региональные конфликты. Поэтому не представляется вполне обоснованным утверждение о «глобальных деформациях сознания», об «утере базовых нравственных ценностей в современном мире». В качестве доказательства приводят наблюдаемые вспышки насилия среди молодых людей, в том числе суицидальные. Вместе с тем снижение количества престу-

плений не может продолжаться вечно. Социальная и биологическая природа человека не даст возможности этому свершиться.

Общественное внимание привлекают прежде всего громкие преступления: особо жестокие многоэпизодные убийства, взятки (коррупция) и иные корыстные преступления, совершенные представителями федеральных и региональных властей. Причины повышенного интереса к подобным деяниям понятны, и столь же ясно, что криминология обязана изучать их, их причины и разрабатывать меры предупреждения. Но необходимо иметь в виду, что основную массу уголовно наказуемых преступков составляют иные, менее тяжкие. Так, из 2058476 преступлений, зарегистрированных в России в 2017 г. [3, с. 11], 788531 составляют кражи, 222722 – мошенничество, 208681 – преступления в сфере незаконного оборота наркотиков [4, с. 26]. Разумеется, ущерб от карманной кражи по своему размеру несопоставим с тем, что теряет общество и государство при крупных коррупционных преступлениях, совершаемых высокопоставленными чиновниками, однако их и сопоставлять не надо, поскольку украденное из кармана может лишиться средств к жизни потерпевшего и его семью. Между тем кражи составляют наиболее значительную группу преступлений и уже по этой причине должны быть в центре внимания криминологов сегодня и завтра. Они – вечные темы исследования наряду с убийствами, изнасилованиями и прочими неизменными деяниями, составляющими ядро преступности во все времена.

Огромный не только криминологический, но и общесоциальный интерес представляют те лица, которые совершают подавляющее большинство краж. Проведенное нами их изучение показывает, что около 70% из них – это представители низших слоев общества, это бедные. Бедность представляет собой не только незначительный объем материальных средств существования человека, она еще формирует свою идеологию, психологию, особое отношение человека к миру и к самому себе. Бедные по большей части не живут, а проживают, не строят далеко идущих планов и не видят перспектив, для многих из них характерен низкий уровень общей культуры, профессиональной ориентации, слабая адаптация к среде, они сравнительно редко постоянно работают, чаще урывками, поскольку не приучены к труду и не хотят работать, особенно если труд не приносит требуемых заработков. Преступники из числа бедных воруют не только для того, чтобы иметь средства к жизни, но и потому, что так поступают многие их знакомые и близкие. Кра-

жи становятся частью образа жизни, не встречая осуждения.

Описание контингента воров, как и любой другой категории преступников, не должно ограничиваться уголовно-правовыми и социально-демографическими рамками, как это делается преимущественно сейчас. Необходим индивидуально-психологический, социально-психологический и культурологический анализ, чтобы вскрыть весь комплекс факторов, обуславливающий совершение краж и таких близких к ним преступлений, как грабеж и разбой. Это с неизбежностью поставит вопрос об исследовании подростковой преступности, которая обычно носит корыстный и групповой характер.

Криминология, как и другие науки, должна реализовывать функцию прогнозирования: во-первых, преступности и ее отдельных видов, во-вторых, собственного развития, которое зависит от прогноза преступности, особенно долгосрочного, а также внутренней логики движения самой этой науки. Прогноз преступности следует составлять с учетом всего комплекса общесоциальных экономических факторов, которые в наибольшей степени влияют на преступность. Прежде всего, это такие факторы, как уровень доходов населения, масштабы бедности, наличие безработицы, качество образования, семейного воспитания, обеспечение общественного порядка и эффективность деятельности правоохранительных органов в целом, общее состояние нравственности в обществе, миграционные движения.

Криминология, как и науки уголовного права и уголовного процесса, всегда мало интересовалась нравственными и моральными проблемами. Между тем их исследование имеет важное значение для понимания причин преступности и индивидуального преступного поведения.

Мораль – это совокупность требований, предъявляемых обществом личности, в то время как нравственность есть личностная характеристика, формирующаяся на основе морали. И та и другая находятся под влиянием экономических, политических, естественных (природных) и иных факторов, находя себе место в обычаях, традициях, поверьях и мифах. Многие морально-нравственные представления закреплены в традициях и передаются из поколения в поколение, что обеспечивает им живучесть и актуальность.

Е.Н. Юрасова, объясняя мораль с позиции психоанализа, отмечает, что ее нормы представлены в той части личности, которая носит название «суперэго». В соответствии с названием это то, что стоит над эго – той частью лич-

ности, с которой индивид наиболее полно себя идентифицирует. Приставка «супер» означает также высшее начало в человеке. Функции суперэго концентрируются вокруг моральных устоев. Оно отвечает за самокритику и формирование идеалов.

Так как суперэго стоит над эго и является более высокой инстанцией, чем эго, оно может быть сформировано только после того, как оформится последнее. Поэтому суперэго является также наиболее поздно формирующейся частью личности. Окончательное ее формирование происходит в период, называемый фаллическим (3–6 лет), после разрешения Эдипова комплекса. Основные идеалы приобретаются в это время и включают как собственные идеалы ребенка, так и (в большей степени) родительские установки в интерпретации ребенка.

Далее Е.Н. Юрасова утверждает, что более подробное рассмотрение процесса формирования личности показывает наличие нескольких принципиально различающихся по психологическим механизмам стадий в моральном развитии индивида. З. Фрейд считал, что моральные функции не присущи индивиду с рождения. Он пишет, что «младенец аморален», желая тем самым подчеркнуть, что поведение ребенка на этой стадии полностью биологически детерминировано, т.е. определяется физиологией протекающих в его организме процессов и не подчиняется каким-либо моральным нормам или требованиям. Целостная личность не сформирована, а представлена только одной составной частью – инстанцией «оно», живущей по принципу удовольствия.

Личность начинает формироваться в контакте с родителями, особенно с матерью. У них она приобретает самые первые представления о должном и недолжном, добре и зле. Эти представления по механизмам импринтинга способны впечататься в психику на всю жизнь, в том числе и в сферу бессознательного. В детстве главным регулятором поведения становится чувство стыда, вместе с которым формируется и чувство вины. Наличие или отсутствие последнего является мощным рычагом поведения, а поэтому заслуживает самого пристального и постоянного внимания криминологов, тем более, что это чувство наполнено нравственными представлениями.

В психике содержатся и идеалы, всегда связанные с направленностью и моралью. Если они ригидны и носят жесткий характер, появляются переживания «верности идее» или «непоколебимость принципов» (Е.Н. Юрасова) [5]. Тогда мышление становится идеологизированным, а поведение негибким и фанатич-

ным. Остальные люди воспринимаются только как «свои» и только как «чужие», а весь мир черно-белым, что в целом является пусковым механизмом для ксенофобии с ее преступлениями экстремистского и террористического характера, попытками переделать «чужого» в соответствии со своими нравственными и моральными установками, со своими идеалами. Если «чужого» не удастся превратить в «своего», он автоматически превращается во врага, которого, конечно, необходимо уничтожить.

Психика человека состоит из трех частей: сознания, индивидуального бессознательного (З. Фрейд) и коллективного бессознательного (К.Г. Юнг). Во второй из них могут быть «записаны» аморальные представления, потребности творить зло, например педофильные или агрессивные. Эти потребности способны «просыпаться» при ослаблении сознания (например, в состоянии опьянения или в случае болезни), мощно стимулируя безнравственное поведение. Поэтому источники преступных действий (бездействия), которые в большинстве своем являются аморальными, следует искать в личном индивидуальном бессознательном. Эта область психики может быть описана как невоспоминаемые переживания детства и юности, особенно ранней, а также инстинкты и автоматизмы. Переживания, невоспоминаемые по причине их травматичности и (или) аморальности либо ненужности, неактуальности в данное время.

Эта часть психики активно участвует в мотивации человеческого поведения и уже потому не может быть безразличной к морали. В индивидуальном бессознательном имеется и такой опыт, который совершенно не заслуживает нравственного порицания. Он тоже активно влияет на нравственные представления и поведение человека.

Третья составляющая человеческой психики может быть обозначена как архетипизированное бессознательное. Это усвоенные в ходе социализации различные архетипы, которые человек может и не осознавать в качестве таковых. Естественно, они активно участвуют в формировании нравственных ориентаций личности и ее поведении. Например, человек усваивает архетип матери-Родины. Это формирует его патриотические чувства и отношение к Родине как одной из очень важных ценностей. Конечно, такое отношение является высоконравственным. Однако чрезмерная связь с матерью-Родиной, если человек ощущает, что ей угрожает опасность, может заставить его решиться на террористические или иные агрессивные противоправные действия.

Таким образом, все три сферы человеческой психики являются носительницами морали и определяют ее состояние, принятие нравственных норм, их действенность, солидарность с ними. Если две последние сферы бессознательного очень часто действуют автоматически, то сознание дает возможность человеку все предварительно взвесить и очень часто выступает в роли контролера, организатора поведения, силы, обеспечивающей его нравственность. Вместе с тем представляется необходимым подчеркнуть особую роль архетипизированного (социально-психологического) уровня бессознательного в усвоении и закреплении нравственных норм. Для этого нужно отдельно рассмотреть проблемы архетипов.

Полагаем, что негативные влечения имеют не только личное, индивидуальное бессознательное, но и усвоенное личностью коллективное бессознательное. Она формируется на протяжении всей жизни индивида, с учетом полученного жизненного опыта, при активном участии его индивидуального биологического, его отношения к окружающему миру и самому себе, под влиянием, если они есть, расстройств психической деятельности и акцентуаций характера. Одновременно с этим он воспринимает различные архетипы, в том числе олицетворяющие зло, негативные порицаемые ценности. Поэтому следует предположить, что названные влечения могут быть на стыке коллективного и индивидуального бессознательного, по-видимому, ближе к последнему.

Признание областей бессознательного в психике чем-то худшим в человеке в достаточной мере естественно, поскольку они говорят о чем-то темном, неведомом, таинственном, пугающем, пробуждая в нас наши детские страхи перед темнотой. Но став взрослым, человек понимает, что обычно темнота – это не более чем место, где отсутствует свет, хотя, конечно, в ней врагу легче укрыться и напасть. Страх перед темнотой запрограммирован у человека и может подавать ему сигналы возможного бедствия.

Психическая энергия индивида может быть заблокирована, если он не находит выхода из данной ситуации либо среда не дает ему такой возможности. Поэтому энергия способна регрессировать, актуализируя интериоризированные образы прошлого. Последние часто соответствуют тому стимулу, который их вызвал сейчас: если нынешние трудности (объективные или субъективные) травматичны, они возрождают адекватные переживания из прошлого. В ряде случаев, как показывает клиническая практика, такой перенос, который чаще всего

бывает бессознательным, может происходить на символическом уровне. Ситуации, с которыми сталкивается субъект, формируют личностные психические состояния, как ищущие аналогии в далеком прошлом или желающие дать ему возможность понять, почему он поступает так сейчас. Однако он, как правило, не способен без посторонней помощи уяснить имеющиеся связи, особенно если прошлый жизненный опыт травматичен. Его неспособность оценить прошлое обусловлена тем, что для него может быть очень болезненным само прошлое и путь в него, в те глубинные переживания, которые уже приносили ему страдания.

Если человек слишком прочно схвачен своими прошлыми травмами, это может, во-первых, угрожать целостности личности и, во-вторых, стимулировать его антиобщественное поведение, при этом постоянно держа в напряжении. Такой человек не способен самостоятельно осознать роль прошедшего опыта в своей жизни и судьбе, своих внутренних и внешних конфликтах. Он живет в нем в виде образов, берущих свое начало в детстве и сохраняющихся в бессознательной сфере. Эти образы суть его опыта, и они рождают желания, влечения, участвуют в определении целей и смыслов, угроз и способов защиты от них, восприятию всего себя и мира в целом. Можно представить невоспоминаемые переживания в виде пещеры, в которой, как пленник, заключен субъект со своими, с одной стороны, страхами и страданиями, а с другой – постыдными желаниями и влечениями. Кому-то из них удастся вырваться из пещеры, кто-то же погибает в ней. Хотя социальная и природная среда обязательно участвовали в ее сооружении, она, тем не менее, обретается всегда внутри личности.

Сказанное о морали и бессознательных сферах психики вовсе не означает, что она не представлена в сознании. Мы просто исходим из того, что ее место в нем достаточно хорошо известно в отличие от наполнения его бессознательных областей. Человек вполне способен хранить моральные ориентации в сознании и столь же осознанно строить на них свое поведение. Выявление бессознательных мотиваций (конечно, способных взаимодействовать с сознанием) в связи с моралью или вне такой связи представляет большую сложность. Эмпирическое исследование соответствующих проблем возможно лишь при условии освоения специальной методики.

Глубины психики хранят в себе вековечные представления и установки, многие из которых противоречат современным ценностям и обычно являют собой то, из чего произраста-

ет зло. Эти представления отражают не эфемерность, а постоянство нашей природы. Вот почему они составляют одни из центральных структур нашей индивидуальности, в ряде случаев подчиняя себе другие. Проблема может заключаться в том, чтобы не допустить вытеснения положительных структур негативными, но это трудно сделать, поскольку сам процесс вытеснения носит бессознательный характер и не поддается или слабо поддается контролю эго. Проблема, следовательно, и в том, чтобы негативные влечения полностью не овладели поведением. Человек не должен притворяться, что у него совсем нет порицаемых желаний, а это характерно, например, для нарциссических личностей. Человек должен научиться осознавать в себе наличие зла как того, что присуще именно ему.

Это требование представляется одним из самых важных, потому что множество несчастий и катастроф происходит по причине того, что люди, ощущавшие в себе порицаемые, неприемлемые особенности, приписывают их другим, делая их тем самым виноватыми и воспринимая последних уже как обладателей таких особенностей. Поэтому у них исчезает чувство своей вины, она перекладывается на окружающих, которым надо отомстить за то, в чем они, собственно, совершенно не виновны. Это особенно ярко проявляется, например, в террористических преступлениях, во время войн и революций, когда в качестве таких виноватых выступают люди, на которых совершенно безосновательно перекладывается вина.

Здесь комплекс негативного в бессознательном рвется наружу, смешиваясь с групповым нарциссизмом, опасность которого известна и определяет поведение. Если «козла отпущения» ищет и находит группа, а тем более толпа, это, как правило, исключает критичность и индивидуальную ответственность. Человек растворяется в коллективном движении и коллективной ответственности, он не способен осознавать зло, несчастья, провалы как «свое зло, свои несчастья, свои провалы», он всегда ищет причины в других. Этими другими в нашем мире выступают национальные и расовые меньшинства, представители других культур, особенно религиозных, все они становятся жертвами теневых проекций.

Названный комплекс и эго можно считать противоположностями только в том случае, если допустить, что последнее представляет собой лишь то, что объективно приемлемо, этично, одобряемо. Однако, как известно, зло вполне может быть осознанно творящим, но скорее всего оно постоянно подпитывается

бессознательным. Есть основания думать, что оно формирует глубинные смысловые уровни мотивации, а это – внешние, видимые, предметные. Если человек (или общество) захочет подавить теньевые импульсы, это у него может не получиться, поскольку он не достаточно знаком с содержанием своего комплекса, со способами воздействия на него, если он вообще не понимает, откуда, как и почему у него возникают порицаемые желания и влечения, если он воспринимается как враг или чужой из внешнего мира, а не элемент собственной личности.

Когда комплексная энергия сосредоточивается на других – чужих, которые также являются архетипами, сам комплекс становится чуждой частью личности. Он как бы выталкивается из нее, но освободиться от него невозможно. Поэтому его энергия будет все время питать поведение, иначе вновь возникнет исчезнувшее, казалось бы, чувство вины, которое будет опять терзать человека и расщеплять его личность.

Глубинную мотивацию, идущую с древних времен, можно наблюдать в действиях герман-

ских нацистов, совершивших бесчисленные кровавые преступления против многих народов, в том числе своего. В годы гитлеризма господствовали архетипические призывы верности земле, крови и расе, символика леса, вера в магические силы и т.д., что в совокупности свидетельствует о мощном движении назад, к бессознательно ощущаемым истокам, таким далеким и таким близким.

Криминология в современной России имеет все возможности для полноценного развития, но стоит присоединиться к тем, кто смотрит на ее результаты с большим скептицизмом. Такая позиция говорит о необходимости дальнейших и настойчивых поисков, одновременно следует указать, что криминологи не используют все имеющиеся возможности. Криминология достойна того, чтобы занять приличествующее ей место среди других общественных наук и в жизни общества, поскольку именно она должна выявить для него наиболее болезненные явления и искать пути их преодоления.

---

1. Судакова Т.М., Номоконов В.А. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12. № 4. С. 531–540.

2. *Агрессия и психическое здоровье* / под ред. Т.Б. Дмитриева, Б.В. Шостаковича. СПб., 2002.

3. *Преступность в России. Современные тенденции и прогноз развития*. М., 2018.

4. *Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития*. М., 2018.

5. Юрасова Е.Н. *Динамика и механизмы формирования нравственности с позиций психоанализа* // *Нравственность для XXI века* / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2008.

---

1. *Sudakova T.M., Nomokonov V.A. Understanding the future of criminology: a review of current trends* // *All-Russian criminological journal*. 2018. Vol. 12. № 4. P. 531–540.

2. *Aggression and mental health* / ed. by T.B. Dmitrieva, B.V. Shostakovich. St. Petersburg, 2002.

3. *Crime in Russia. Current trends and development forecast*. Moscow, 2018.

4. *Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and design options for its development*. Moscow, 2018.

5. *Yurasova E.N. Dynamics and mechanisms of formation of morality from the standpoint of psychoanalysis* // *Morality for the XXI century* / ed. by Yu.M. Antonyan. Moscow, 2008.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонян Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; e-mail: antonyaa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yu.M. Antonyan, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation; e-mail: antonyaa@yandex.ru

---

Программирование виктимологического предупреждения преступности

На основе анализа доктринальных источников, результатов масштабных эмпирических исследований, проведенных автором, рассмотрены современное состояние и перспективы развития программирования виктимологического предупреждения преступности в системе антикриминального программирования. Раскрыты особенности разработки, содержания и реализации программ виктимологического предупреждения преступности, возможности оценки их перспективных правоохранительных результатов.

Ключевые слова: криминология, виктимология, виктимность, виктимизация, девиктимизация, виктимологическое предупреждение преступности, программирование.

Programming of victimological crime prevention

Based on the analysis of doctoral screen sitters, the results of large-scale empirical studies conducted by the author, the current state and prospects for the development of victimological crime prevention programming in the system of anti-criminal programming are considered. The features of the development, maintenance and implementation of victimological crime prevention programs, as well as the possibility of assessing promising law enforcement results, are disclosed.

Key words: criminology, victimology, victimization, devictimization, victimological crime prevention, programming.

В современной России программная методология применяется во всех сферах государственного управления. Методы социального программирования и программно-целевого планирования используются для решения социальных, экономических, культурных и иных задач [1], в том числе вопросов противодействия преступности, обеспечения криминологической безопасности населения.

Вместе с тем ряд специалистов констатирует отсутствие научно обоснованного и эффективного антикриминального планирования и программирования. Так, несмотря на то, что в России реализуется 4,5 тыс. региональных и муниципальных программ, направленных на профилактику правонарушений, с общим объемом финансирования в 65,5 млрд руб., использование этих средств не оказывает существенного влияния на качество антикриминальной деятельности. Результаты криминологических исследований вскрывают существенные изъяны антикриминального планирования, особенно на региональном и местном уровнях [2, с. 11; 3, с. 144–147].

Проведенный анализ региональных и муниципальных планов и программ по вопросам противодействия преступности (всего анализу было подвергнуто 124 программных документа 54 субъектов Российской Федерации) показал, что в большинстве из них (88%) в должной

мере не реализованы меры виктимологического предупреждения преступности. Лишь 12% изученных программ содержат компоненты, которые так или иначе связаны с организацией виктимологической профилактики преступлений и иных правонарушений. По этой причине программирование виктимологического предупреждения преступности сегодня представляется весьма актуальным.

Методы программирования виктимологического предупреждения преступности основаны на применении системного подхода с формулированием генеральной цели и ее дроблением на подцели, определением задач и ресурсов, необходимых для их решения [4, с. 65–70; 5, с. 305–314]. Современная методология теории виктимологического предупреждения преступности обеспечивает научно обоснованное программирование предупреждения преступности. Развитие и усложнение структуры преступности и виктимности обуславливает появление новых особенностей, которые необходимо учитывать, уточняя программные цели и задачи. Для оценки того, достигнута ли цель программы, вырабатываются адекватные критерии. В соответствии с системным подходом для эффективного программирования виктимологического предупреждения преступности важны понимание и учет того, что достижение конкретных целей предупреждения преступно-

сти, повышение уровня виктимологической безопасности возможны посредством координации и оптимального использования ресурсов Министерства внутренних дел РФ. Возможности отдельных субъектов виктимологического предупреждения преступности ограничены, что диктует необходимость их объединения и консолидации усилий правоохранительных органов.

Осуществление комплексного воздействия на преступность необходимо рассматривать в совокупности с программированием виктимологического предупреждения, поскольку предупреждение преступности – часть программы социально-экономического развития любой территории. Следовательно, программирование виктимологического предупреждения преступности, в первую очередь, должно быть встроено в систему более высокого порядка – программирование предупреждения преступности. Поэтому на практике программы виктимологического предупреждения преступности должны выступать в качестве подпрограмм в структуре программ предупреждения преступности.

Для решения этой проблемы вопросы антикриминального планирования и программирования должны быть урегулированы специальным законодательством, которое сегодня активно формируется. Его базой выступает Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Вместе с тем, как справедливо отмечают криминологи, «специфика антикриминального планирования и программирования до сих пор не нашла отражения в нормативных правовых актах федерального, регионального или местного уровня» [6, с. 216–219]. В частности, в законодательстве, касающемся профилактики правонарушений, вопросы планирования и программирования не затрагиваются. Считаем, что это направление должно быть урегулировано в самостоятельной главе указанного закона, в которую также должны быть включены нормы, посвященные программированию виктимологического предупреждения преступности.

В криминологической литературе в рамках концепции культуры противодействия преступности к перспективным направлениям развития антикриминальной теории и практики отнесены «обязательная криминологическая экспертиза программ и планов профилактики правонарушений, обоснование их результатами прикладных криминологических исследований; развитие системы криминологического

прогнозирования и программирования на федеральном, региональном и местном уровнях; развитие системы виктимологической профилактики отдельных видов преступлений, направленной на формирование у граждан элементарных компетенций криминологической безопасности» [7, с. 13–14].

В правоохранительной деятельности традиционными являются комплексные программы предупреждения преступности [8, с. 48]. Поэтому, учитывая методологические подходы теории виктимологического моделирования преступности, считаем, что в основе программы виктимологического предупреждения преступности должны лежать следующие методологические положения.

В соответствии с комплексно-системным подходом разработка программы виктимологического предупреждения преступности должна проводиться с участием разных субъектов (органов государственной власти и правоохранительных органов, социально ориентированных некоммерческих организаций).

Научная обоснованность предполагает определение целесообразности применения программных средств виктимологического предупреждения преступности, учитывая виктимогенные и антивиктимогенные детерминанты. Для выявления виктимогенных детерминант преступности целесообразно проводить исследования среди виктимных групп населения. Результаты исследований необходимо сообщать заинтересованным субъектам виктимологического предупреждения, которые могут и должны осуществлять антивиктимогенные мероприятия. Кроме того, эти результаты важны при постановке и определении цели и задач программы виктимологического предупреждения преступности.

Адекватность предполагает, что планируемые меры должны быть основаны на анализе виктимологической ситуации, т.е. информация, которая закладывается в основу программы виктимологического предупреждения преступности, должна быть обширна и разнообразна, включать в себя виктимологические показатели преступности, эффективность предыдущего виктимологического предупреждения преступности [9, с. 138–142]. При этом важно не просто собрать виктимологическую информацию о преступности, а на ее основе создать модель виктимологической ситуации на период подготовки программы для проведения пилотажного программирования. Моделирование

и пилотажное программирование позволяют выявить наиболее виктимогенные ситуации; определить возможности и ролевое участие тех или иных субъектов виктимологического предупреждения преступности; выбрать оптимальную модель программы виктимологического предупреждения преступности. В связи с тем, что действительность диктует иногда непредвиденные решения, необходимо предусмотреть возможность корректировки мер программы виктимологического предупреждения преступности в процессе ее реализации.

Виктимологическое предупреждение преступности направлено на изменение объективной виктимологической ситуации совершения преступления, ее субъективного восприятия жертвами, реальными или потенциальными, поэтому программирование виктимологического предупреждения должно учитывать всю цепочку механизма индивидуального виктимного поведения.

Субъекты виктимологического предупреждения преступности различаются специфическими задачами, масштабом и уровнем своей деятельности. Вместе с тем они системно связаны, так как объединены общей целью, функциями, правовой и информационно-аналитической базой, координацией. Поэтому при программировании виктимологического предупреждения преступности необходимо учитывать, что каждый из субъектов виктимологического предупреждения способен внести определенный вклад, располагая информацией о состоянии других субъектов виктимологического предупреждения, осуществляя постоянное взаимодействие.

Раскрывая содержание виктимологического предупреждения преступности, нельзя не затронуть вопрос об объекте программирования виктимологического предупреждения. Большинство криминологов придерживаются мнения о том, что объектами предупреждения преступности в целом являются причины и условия отдельных видов и групп преступлений, причины и условия конкретных преступлений [10, с. 100–102; 11, с. 269–270]. Теория криминологической детерминации и ее виктимологическое моделирование определяют потребность в гибком выборе объекта программирования виктимологического предупреждения преступности из широкого спектра виктимологических детерминант преступности.

Программа виктимологического предупреждения преступности предусматривает три ос-

новные части: аналитическую, прогностическую и контрольную. В аналитическую часть входит краткая виктимологическая характеристика общесоциальных явлений и процессов, изучение состояния преступности и виктимности населения, качество предыдущей работы субъектов по виктимологическому предупреждению преступности. Характеризуя состояние преступности и виктимности за определенный период времени, необходимо демонстрировать изменение абсолютного числа зарегистрированных преступлений и их жертв, учитывая латентность обоих явлений, а в структуре преступности и виктимности важно выделять доминирующие виды.

Прогностическая часть программы виктимологического предупреждения преступности должна базироваться на анализе перспектив развития общесоциальных явлений и процессов. Третья часть программы виктимологического предупреждения преступности – система реализации и контроля – показывает распределение сил, средств, ресурсов, сроки выполнения, исполнителей, а также включает основные направления виктимологического предупреждения.

Цели и задачи программы виктимологического предупреждения преступности следует формулировать в обобщенном виде, т.е. цель как общий конечный результат необходимо разделить на элементы (задачи), которые формулируются для ее реализации. Четкие и ясные задачи позволяют установить сроки выполнения программируемых мер, рационально распределить обязанности субъектов виктимологического предупреждения преступности и контролировать выполнение программы. Так, к типовым задачам программирования виктимологического предупреждения преступности можно отнести:

- 1) внесение предложений по совершенствованию организационных и правовых основ виктимологического предупреждения преступности органами государственной власти – проведение исследований, разработку методик оценки виктимологической ситуации; разработку и внедрение мер по повышению эффективности деятельности заинтересованных субъектов виктимологического предупреждения; подготовку предложений по изменению и дополнению нормативных правовых актов в сфере предупреждения преступности;

- 2) разработку и осуществление мер виктимологического предупреждения преступности

и ее видов – работу с виктимным населением, оказание необходимой помощи жертвам; подготовку и проведение общесоциальных мероприятий для различных социальных групп населения в целях рационального использования свободного времени, рекомендации по организации работы кружков, секций по месту жительства несовершеннолетних; использование средств массовой информации в процессе реализации программы виктимологического предупреждения преступности [12];

3) контроль достижения программируемых результатов – создание единой автоматизированной системы сбора и обобщения виктимологической информации о распространенных видах преступлений; совместный контроль деятельности субъектов виктимологического предупреждения преступности, оценку их эффективности;

4) консолидацию субъектов виктимологического предупреждения преступности – обмен виктимологической информацией о предупреждении преступности; разработку методик предупреждения преступности; межведомственный обмен специалистами в целях повышения их профессиональной подготовки; проведение научно-практических конференций по вопросам стратегии виктимологического предупреждения преступности [13, с. 34–49].

Выше изложен примерный перечень задач, в конкретной программе виктимологического предупреждения преступности эти задачи должны быть детализированы с учетом особенностей времени реализации программы и территории. Нельзя исключать и того, что в процессе регионального моделирования и программирования виктимологического предупреждения преступности возникнет необходимость в уточнении подобных задач.

Как любой вид деятельности, программирование виктимологического предупреждения преступности предполагает некоторые этапы.

1. На первом этапе формируется рабочая группа, подготавливается обоснование программного решения виктимологического предупреждения преступности на основе анализа собранных сведений о виктимности населения на определенной территории за определенный период времени.

2. На втором этапе участники рабочей группы формулируют цель программы посредством оценки состояния и условий обеспечения виктимологической безопасности населения на определенной территории за определенный период.

3. На третьем этапе полученная виктимологическая информация о преступности и населении анализируется, обобщается и сравнивается со сведениями официальной статистики, достижениями науки и правоохранительной практики, подбираются варианты программы, после чего составляется адекватная программа виктимологического предупреждения преступности на определенной территории на определенный период времени.

4. На заключительном этапе оцениваются результаты и составляется отчет об эффективности реализации программы виктимологического предупреждения преступности на определенной территории за определенный период времени.

Механизм реализации мер виктимологического предупреждения преступности, предусмотренных программой предупреждения преступности на определенной территории и на определенный период времени, разрабатывается в сценарии программы, как и механизм контроля исполнения программы с составлением календарного плана-графика. Кроме того, обязательно составляется паспорт программы виктимологического предупреждения преступности, который содержит цель и задачи программы, регистрационные и технологические сведения, включающие дату принятия решения о разработке программы и ее утверждения, наименования заказчиков, разработчиков и исполнителей, сроки и этапы ее реализации. Ресурсное обеспечение реализации мер виктимологического предупреждения преступности осуществляется с использованием государственной статистической отчетности, результатов виктимологических исследований, виктимологических экспертиз и мониторинга, опросов общественного мнения населения, материалов деятельности правоохранительных органов. Основной вопрос ресурсного обеспечения на современном этапе развития государства – источники и порядок финансирования программы.

Отдельный интерес для практики разработки подобных программ представляет система показателей, необходимых для оценки эффективности реализации программ виктимологического предупреждения преступности. В рамках теории виктимологического моделирования может быть предложена теоретическая модель критериев оценки эффективности таких программ. Такая оценка может быть проведена не иначе, как с применением научно

обоснованных методов специалистами, наделенными соответствующими компетенциями.

Обозначенные цели виктимологического предупреждения преступности можно достичь путем разработки и реализации государственных и муниципальных программ виктимологического предупреждения преступности, которые должны стать составной частью программ противодействия преступности на конкретной территории.

Таким образом, программирование виктимологического предупреждения преступности – это важная теоретическая и практическая проблема. Ее решение позволит создать механизм организации эффективного взаимодействия, координации субъектов предупреждения преступлений, повысив результативность предупреждения преступности в целом и обеспечив виктимологическую безопасность населения в частности.

1. Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам. URL.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894> (дата обращения: 28.12.2018).

2. Симоненко А.В. Перспективные криминологические исследования Краснодарского университета МВД России в контексте современных криминальных угроз и проблем правоохранительной практики // *Общество и право*. 2018. № 3(65).

3. Грибанов Е.В. Некоторые особенности современной культуры противодействия преступности // *Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы междунар. науч.-практ. конф.*, 30 сент. 2016 г.: в 2 т. Краснодар, 2016. Т. I.

4. Докторович А.Б. Системное планирование и управление национальными проектами и программами // *Вестн. Московской академии рынка труда и информационных технологий*. 2008. № 3(25).

5. Докторович А.Б., Беляева Н.В., Петров В.К. Программно-целевое планирование и управление реализацией национальных проектов и программ // *Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, приоритетных национальных проектов и программ: тр. Четвертой Всерос. науч.-практ. конф.*, 21–22 мая 2008 г. М., 2009. Ч. 1.

6. Грибанов Е.В. Проблемы формирования и развития технологий планирования и программирования предупреждения преступлений // *Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы междунар. науч.-практ. конф.*, 21 сент. 2018 г.: в 2 т. Краснодар, 2018. Т. I.

7. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы // *Общество и право*. 2017. № 3(61).

1. Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects. URL.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894> (date of access: 28.12.2018).

2. Simonenko A.V. Perspective criminological researches of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia in the context of modern criminal threats and law-enforcement practices problems // *Society and law*. 2018. № 3(65).

3. Gribanov E.V. Some features of the modern culture of combating crime // *Criminal policy and culture of combating crime: proc. of the intern. sci. and practical conf.*, Sept. 30, 2016: in 2 vols. Krasnodar, 2016. Vol. I.

4. Doktorovich A.B. System planning and management of national projects and programs // *Bull. of Moscow academy of labor market and information technology*. 2008. № 3(25).

5. Doktorovich A.B., Belyaeva N.V., Petrov V.K. Program-oriented planning and management of the implementation of national projects and programs // *Scientific, expert-analytical and informational support of national strategic design, priority national projects and programs // Works of the Fourth All-Russian sci. and practical conf.*, May 21–22, 2008. Moscow, 2009. Pt. 1.

6. Gribanov E.V. Problems of the formation and development of technologies for planning and programming crime prevention // *Criminal policy and culture of combating crime: proc. of the intern. sci. and practical conf.*, Sept. 21 2018: in 2 vols. Krasnodar, 2018. Vol. I.

7. Simonenko A.V., Gribanov E.V. The criminal policy and culture of counteraction of criminality in Russia: condition and prospects // *Society and law*. 2017. № 3(61).

8. Revin V.P., Petrov V.A. Improving crime prevention planning based on a program-targeted approach // *Ways to improve crime prevention measures*. Moscow, 1988.

8. Ревин В.П., Петров В.А. Совершенствование планирования профилактики правонарушений на основе программно-целевого подхода // Пути совершенствования мер предупреждения преступности. М., 1988.

9. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М., 1999.

10. Антонян Ю.М. Курс лекций по криминологии. М., 2003.

11. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.

12. Абызов К.Р. Проблемы криминологического прогнозирования и предупреждения региональной преступности (по материалам Сибирского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

13. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. СПб., 1997.

9. Boskholov S.S. *Basics of criminal policy*. Moscow, 1999.

10. Antonyan Yu.M. *Course of lectures on criminology*. Moscow, 2003.

11. Alekseev S.S. *The general theory of law*. Moscow, 1981. Vol. 1.

12. Abyzov K.R. *Problems of criminological forecasting and prevention of regional crime (according to the materials of the Siberian Federal District): diss. ... Candidate of Law*. Moscow, 2004.

13. Borodin S.V. *The fight against crime: a theoretical model of a comprehensive program*. St. Petersburg, 1997.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612584049.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

K.V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612584049.

Проблемы развития региональной культуры противодействия преступности (на примере Краснодарского края)

С позиций криминологической концепции культуры противодействия преступности рассмотрены проблемы антикриминальной деятельности на региональном уровне (на примере Краснодарского края). Подвергнуты анализу проблемы недостатка объективной информации о преступности, прогнозирования криминальных угроз, эффективности антикриминального планирования и программирования. Уделено внимание вопросам обеспечения безопасности от террористических и экстремистских угроз, использования потенциала средств массовой коммуникации в предупреждении преступлений, вхождения субъектов профилактики в сетевое пространство Интернета. Выявлены изъяны работы субъектов профилактики правонарушений с малыми социальными группами, участия общественных организаций в предупреждении правонарушений.

Ключевые слова: региональная культура противодействия преступности, антикриминальная деятельность, криминологическое прогнозирование, антикриминальное планирование и программирование, предупреждение правонарушений, общественные организации.

Problems of development of regional culture of countering crime (on the example of Krasnodar Region)

On the basis of the criminological concept of the culture of countering crime, the problems of anti-criminal activity at the regional level (on the example of the Krasnodar Region) are considered. The authors analyzed the problems of the lack of objective information about crime, the prediction of criminal threats, the effectiveness of anti-crime planning and programming. Attention is paid to the issues of ensuring security from terrorist and extremist threats, the use of the mass media potential in preventing crimes, the entry of prevention entities into the Internet network space. The shortcomings of prevention offenses subjects work with small social groups, the participation of public organizations in the offenses prevention are pointed.

Key words: regional culture of countering crime, anti-crime activities, criminological forecasting, anti-crime planning and programming, crime prevention, public organizations.

В последние годы в антикриминальной науке и практике оформилась новая прогрессивная концепция культуры противодействия преступности [1, с. 14; 2; 3]. Она определяется как «опосредованная историческими, социально-экономическими, политическими, духовными и иными закономерностями общественного развития совокупность различного рода компонентов антикриминальной практики и ее результатов, характеризующих отношение государства к преступности. Культура противодействия преступности есть процесс и результат антикриминальной практики государства» [2, с. 11].

Ее формирование и развитие происходит на различных уровнях, в том числе региональном. Каждый регион страны отличается не только спецификой криминогенной и антикриминогенной детерминации, природной среды, географией, административно-территориальным делением, промышленностью, инфраструктурой,

демографическими характеристиками, но и особенностями сформировавшейся культуры противодействия преступности. Ее характеристики зависят от многих факторов, в первую очередь от региональных особенностей преступности, основных тенденций развития криминальной ситуации и антикриминальной практики. Следует учитывать, что, несмотря на наличие выраженных региональных особенностей, многие проблемы развития региональной культуры противодействия преступности являются общими для разных регионов и территорий.

Рассмотрим поднятые проблемы на примере Краснодарского края. Данный регион, по оценкам экспертов, характеризуется высокими показателями качества антикриминальной деятельности, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Таких результатов правоохранительным органам и региональным органам исполнительной власти удается достигать в условиях значительных

криминогенных рисков, которые объективно формируются в силу особого географического положения региона, его социально-экономических характеристик, миграционной ситуации, проведения массовых мероприятий спортивного и общественно-политического характера.

Несмотря на наличие отмеченных позитивных тенденций антикриминальной деятельности, сложно избежать проблем, препятствующих поступательному развитию региональной культуры противодействия преступности. Рамки статьи объективно не позволяют рассмотреть их в полной мере. Остановимся на тех, которые удалось выявить в ходе проведенных нами криминологических исследований.

В качестве первой проблемы развития региональной культуры противодействия преступности следует назвать недостаток объективной информации о преступности, ее факторах и последствиях.

Сегодня на региональном уровне (за редким исключением [4; 5]), как, собственно, и в масштабах страны, остро ощущается недостаток научно или профессионально обоснованных данных о фактических показателях преступности, ее факторах, полных социальных и экономических последствиях. Доступны лишь данные официальной статистики, которые далеко не всегда отражают реальное положение вещей.

Сложности с диагностикой реальной криминальной ситуации препятствуют качественно прогнозированию криминальных угроз на основе интенсивных изменений в различных сферах региональной жизни. Большинство доступных для изучения исходных данных ориентированы на общее социально-экономическое развитие региона и в исходном виде не всегда могут быть использованы для целей криминологического анализа. В решение данной проблемы в последние годы значительный вклад вносят краснодарские криминологи. Ими разрабатываются специальные методики сбора и анализа эмпирического материала, изучается официальная статистическая информация, анализируются официальные документы, отражающие развитие процессов в социально-экономической, политической и культурной сферах региона. В основу исследований по диагностике и мониторингу криминальной ситуации в регионе положены результаты контент-анализа средств массовой информации, опросов специалистов в правоохранительной сфере [1, с. 11].

Недостаток обоснованных и детализированных фактических данных о криминальной ситу-

ации и детерминационном комплексе преступности в регионе обуславливает недостаточную эффективность антикриминального планирования и программирования, что не способствует качественному развитию региональной культуры противодействия преступности. Рассмотрим проблемы антикриминального планирования и программирования на примере региональной программы обеспечения безопасности населения.

Безусловно, такая программа для совершенствования антикриминальной практики в регионе очень важна. Вместе с тем отдельные ее положения требуют постоянного развития и совершенствования на основе теоретико-прикладных достижений криминологической науки. Учет недостатков антикриминального программирования и планирования и научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию его качества может стать отправной точкой для положительных изменений региональной культуры противодействия преступности в этой сфере.

В 2015 г. в Краснодарском крае была принята государственная программа Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения» на 2016–2021 гг. [6]. В нее включены две подпрограммы: «Укрепление правопорядка, профилактика правонарушений и усиление борьбы с преступностью в Краснодарском крае» и «Профилактика терроризма в Краснодарском крае». Объем их финансирования на 2018 г. составил 134723,7 и 405559,4 тыс. руб. соответственно.

В качестве цели подпрограммы «Укрепление правопорядка, профилактика правонарушений и усиление борьбы с преступностью в Краснодарском крае» заявлено «создание условий для укрепления правопорядка, обеспечения общественной безопасности и профилактики правонарушений в Краснодарском крае». Для достижения цели подпрограммы предполагается решить единственную задачу – повышение эффективности мер, направленных на обеспечение общественной безопасности, укрепление правопорядка и профилактику правонарушений. Представляется, что задачи подпрограммы в должной мере не конкретизированы, что не лучшим образом отражается на определении целевых показателей и мероприятий программы. Следует полагать, что конкретизировать задачи программы борьбы с преступностью позволят детальное изучение и проработка криминогенных факторов, которые и обуславливают криминальную ситуацию в регионе.

Подпрограммой определено два целевых показателя: количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими уголовно наказуемые деяния, и количество несовершеннолетних, состоящих на учете в органах и учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, вовлеченных в мероприятия профилактической направленности (данный показатель в 2017 г. был исключен). На 2018 г. подпрограмма имеет всего один целевой показатель. На него, безусловно, следует ориентироваться при программировании мер противодействия преступности в регионе. Вместе с тем представляется, что лишь одного целевого показателя недостаточно. При определении целевых показателей программы следует учитывать, насколько объективно они способны отразить достижение поставленных в подпрограмме задач, коррелируют ли они с заявленной в программе целью, как и кем эти показатели будут рассчитываться.

В соответствии с приказом министерства гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и региональной безопасности Краснодарского края от 26 марта 2015 г. № 58 «Об утверждении методики расчета значений целевых показателей государственной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения»» значение названного показателя определяется методом прямого подсчета количества преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими уголовно наказуемые деяния. Можно предположить, что речь в данном случае идет не о количестве преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими уголовно наказуемые деяния, а о количестве их зарегистрированной части. Как уже было отмечено выше, данные официальной статистики не всегда применимы для оценки фактической ситуации в той или иной сфере.

Рассматриваемый целевой показатель без корреляции с иными индикаторами эффективности и качества правоохранительной деятельности в регионе не способен объективно отражать реальную криминальную ситуацию. Этот показатель будет искажен в силу значительной латентности преступлений, которые совершают ранее судимые лица. Метод прямого подсчета количества преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими уголовно наказуемые деяния, исключает учет факторов, которые оказывают влияние на формирование рассматриваемого показателя. Речь идет о его зависимости от интенсивности процессов миграции в регионе, особенностей уголовной по-

литики в стране (либерализации или ужесточения уголовного законодательства, проведения амнистий и т.п.).

При определении названного показателя не полностью учитываются и специальные криминологические характеристики (количество рецидивистов, интенсивность рецидива, соотношение общего и специального рецидива и др.). Значение этого показателя, если отталкиваться от данных официальной статистики, во многом основывается на активности правоохранительных органов и их способности реагировать на криминальные явления. Чем выше активность правоохранительных органов, тем большее количество преступлений, совершенных рецидивистами, будет выявлено и наоборот.

Официальные статистические данные, которые положены в основу подсчета этого показателя, должны быть дополнены результатами специально проведенных криминологических исследований в рассматриваемой сфере. Представляется, что соответствующие исследования могли бы войти в блок запланированных программой мероприятий.

Второй целевой показатель подпрограммы имеет две составляющих. Во-первых, количество несовершеннолетних, состоящих на учете в органах и учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Во-вторых, количество несовершеннолетних, вовлеченных в мероприятия профилактической направленности.

Первая составляющая частично отражает лишь один из количественных показателей работы субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Он не в полной мере характеризует качество профилактической работы субъектов профилактики и реальную ситуацию в области криминализации несовершеннолетних. Значение заявленного показателя может одновременно свидетельствовать как об эффективности профилактической работы, так и об упущениях в ранней и общесоциальной профилактике среди несовершеннолетних и в их микросреде.

Вторая составляющая рассматриваемого показателя имеет оценочный характер. Здесь не совсем понятны критерии оценки степени вовлеченности несовершеннолетних в профилактические мероприятия.

Не в полной мере обоснованным выглядит и совместный подсчет двух названных составляющих в качестве общего показателя.

Остановимся на основной части подпрограммы, которую образуют запланированные мероприятия. Всего в подпрограмме их 15, из

них шесть были позже исключены. Таким образом, к 2018 г. в число этих мероприятий вошли:

проведение социологических исследований с целью определения эффективности мер, принимаемых по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью;

выплата денежного вознаграждения гражданам за добровольную сдачу незаконно хранящихся у них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств;

проведение работ по приведению зданий и сооружений бывшей школы-интерната, расположенных в с. Новоукраинском Гулькевичского района, в соответствие требованиям, установленным Правительством РФ, в целях их передачи федеральному органу исполнительной власти в сфере миграции;

расходы по содержанию и эксплуатации зданий и сооружений бывшей школы-интерната, расположенных в с. Новоукраинском Гулькевичского района, на период проведения работ по их приведению в соответствие требованиям, установленным Правительством РФ, в целях их передачи федеральному органу исполнительной власти в сфере миграции;

приобретение оборудования и других материально-технических средств в целях реализации полномочий высшего исполнительного органа государственной власти Краснодарского края по осуществлению мер по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью;

проведение заседаний постоянно действующего координационного совещания по обеспечению правопорядка в Краснодарском крае;

проведение заседаний краевой координационной комиссии по профилактике правонарушений;

проведение заседаний краевого штаба по координации деятельности народных дружин на территории Краснодарского края;

проведение заседаний комиссии по вопросам помилования на территории Краснодарского края.

Не давая оценку качественным характеристикам запланированных мероприятий, отметим их недостаточную степень связи с заявленными целевыми показателями.

В качестве первого мероприятия программы указано проведение социологических исследований с целью определения эффективности мер, принимаемых по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью. Безусловно, это важное мероприятие, способное значительно повысить эффективность реализации

программы. Представляется, что целесообразно не только планировать подобного рода исследования в качестве мероприятий самой программы, но и основываться на их результатах при разработке программы, определении ее цели, задач, целевых показателей, комплекса мероприятий и оценке их эффективности. Важно также учитывать результаты такого рода исследований для оценки хода реализации программы, корректировки ее мероприятий и иных составляющих.

Мы полагаем, что в программе могут раскрыться и положения, сопутствующие реализации мероприятий по проведению диагностических научных исследований. В частности, речь идет о методике проведения исследования, оценке его результатов, определении ответственных исполнителей. Следует отметить, что в мероприятиях анализируемой подпрограммы запланировано проведение социологических исследований. Вместе с тем мы считаем, что не меньшую эффективность в вопросах профилактики правонарушений и противодействия преступности имели бы криминологические исследования.

Продолжая рассматривать заявленные подпрограммой мероприятия, следует отметить те из них, которые имеют достаточно опосредованную связь с общей направленностью подпрограммы, заявленными в ней целями, задачами и целевыми индикаторами. Таковыми следует признать как минимум первые три, из перечисленных выше мероприятий подпрограммы.

Другая часть запланированных мероприятий подпрограммы вполне может быть реализована и вне ее рамок, т.е. поставленная правоохранительная цель может быть достигнута в рамках уже существующих механизмов правоохранительной деятельности и ее финансового обеспечения. В таких случаях возникают вопросы о целесообразности использования программного планирования.

Не ставя под сомнение важность запланированных в подпрограмме мероприятий, следует все же отметить их недостаточную профилактическую направленность, нацеленность на устранение определенных криминогенных факторов, содержащих конкретные меры по обеспечению безопасности населения. Насыщение программы подобного рода мероприятиями позволило бы существенно повысить ее эффективность. К такого рода мероприятиям из числа запланированных подпрограммой с определенной долей условности можно отнести мероприятие, предусматривающее выпла-

ту денежного вознаграждения гражданам за добровольную сдачу незаконно хранящихся у них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Мы обратили внимание на мероприятия подпрограммы, которые были из нее исключены, и проанализировали их с позиций наличия профилактического содержания, направленности на устранение ряда криминогенных факторов, содержания конкретных мер по обеспечению безопасности населения. Четыре из шести исключенных мероприятий соответствовали названным критериям:

проведение краевого конкурса по правовой тематике «Я выбираю ответственность» для несовершеннолетних, состоящих на учете в органах и учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

изготовление методических материалов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в целях оказания методической помощи муниципальным комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав;

проведение профилактических мероприятий в отношении воспитанников государственного казенного социального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа специальной общеобразовательной школы Краснодарского края и в отношении несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях;

проведение краевого конкурса «Социальные инициативы» для несовершеннолетних, состоящих на учете в органах и учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Не рассматривая вопрос о причинах и обоснованности исключения названных мероприятий из подпрограммы, отметим, что они полностью соответствовали заявленным целям, задачам и целевым показателям подпрограммы и могли бы значительно повысить ее эффективность.

Кратко проанализируем подпрограмму «Профилактика терроризма в Краснодарском крае». В качестве цели подпрограммы заявлены профилактика терроризма на территории края, минимизация и ликвидация его последствий. В качестве задач в подпрограмме определены:

повышение инженерно-технической защищенности социально значимых объектов;

информационно-пропагандистское сопровождение антитеррористической деятельности.

В подпрограмме заявлен один целевой показатель – «повышение уровня инженерно-технической защищенности социально значимых объектов на территории Краснодарского края». К сожалению, здесь отсутствует целевой показатель, который бы позволил оценить решение задачи информационно-пропагандистского сопровождения антитеррористической деятельности.

Четыре из семи запланированных мероприятий подпрограммы посвящены решению первой поставленной задачи. На эти цели достаточно справедливо направлена львиная доля всех запланированных ресурсов.

Решению второй, не менее важной задачи посвящено два мероприятия:

издание необходимого количества специальных сборников, методических рекомендаций, касающихся принятия профилактических мер антитеррористического характера, организации действий при возникновении чрезвычайных ситуаций террористического характера, а также распространение их среди участников, обеспечивающих реализацию полномочий в сфере профилактики терроризма;

проведение краевой молодежной акции, посвященной Дню солидарности в борьбе с терроризмом (ежегодное проведение одного мероприятия).

Первое мероприятие лишь отчасти можно отнести к информационно-пропагандистскому сопровождению антитеррористической деятельности. Такая деятельность в первую очередь должна предусматривать использование участниками, обеспечивающими реализацию полномочий в сфере профилактики терроризма, средств и методов информационного воздействия на общественные отношения и сознание граждан в целях успешного решения задач антитеррористической деятельности. В данном случае речь скорее идет о повышении профессиональной квалификации тех или иных категорий лиц, ответственных за реализацию соответствующих полномочий.

Второе мероприятие полностью соответствует поставленной задаче, однако во многом носит эпизодический и локальный характер.

По нашему мнению, запланированные в этой части подпрограммы мероприятия не в полной мере обеспечивают сопровождение (информационно-пропагандистское) антитеррористической деятельности. Вместе с тем, как указывают представители Антитеррористического центра государств – участников СНГ и ведущие специалисты в сфере противодействия экстремизму, «для осуществления ин-

формационного противодействия экстремизму могут использоваться такие формы доведения информации, как публичные выступления, изготовление и размещение материалов наглядной агитации, изготовление графической, аудио- и видеопродукции, распространение информации в СМИ и сети "Интернет"... Одним из возможных источников финансирования на изготовление пропагандистской и контрпропагандистской продукции выступают бюджетные средства, предусмотренные региональными и муниципальными программами профилактической направленности» [7, с. 83, 87].

Подпрограммой заявлено еще одно достаточно важное мероприятие – проведение общекраевых социологических исследований в рамках мониторинга общественного мнения жителей об уровне безопасности в Краснодарском крае с целью определения эффективности мер, принимаемых по профилактике терроризма, и степени участия населения в профилактике терроризма. Считаем, что названное мероприятие имеет опосредованную связь с заявленными в подпрограмме задачами.

В целом необходимо отметить проблемы разработки, формирования, реализации и оценки эффективности государственных и муниципальных программ в области профилактики правонарушений. Региональные нормативные правовые акты в этой сфере [8] не всегда применимы для правоохранительных целей и требуют совершенствования в части наполнения криминологически обоснованными требованиями и рекомендациями по порядку принятия решений о разработке, формирования, реализации и оценки эффективности реализации государственных и муниципальных программ в сфере противодействия преступности.

Очередная проблема развития региональной культуры противодействия преступности лежит в плоскости обеспечения безопасности от террористических и экстремистских угроз. Противодействие терроризму и экстремизму является одной из приоритетных задач деятельности исполнительных и представительных органов власти, силовых структур, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений Краснодарского края.

Наиболее остро встает проблема обеспечения антитеррористической защищенности объектов социальной сферы. Уровень материально-технического оснащения образовательных организаций, объектов здравоохранения, социальной защиты, культуры и спорта, мест массового пребывания людей на курортных территориях характеризуется достаточно вы-

сокой степенью уязвимости в диверсионно-террористическом отношении [6].

Характерной проблемой обеспечения безопасности на ряде объектов данных отраслей является низкая инженерно-техническая оснащенность: отсутствие или несовершенство систем тревожной сигнализации, оповещения, видеонаблюдения, контроля управления доступом на охраняемый объект, надежного ограждения и охранного освещения. В соответствии с положениями уже названной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения» инженерно-техническая защищенность социально значимых объектов на территории Краснодарского края достигнет к 2021 г. 68%. Имеют место недостаточные знания правил поведения в чрезвычайных ситуациях, вызванных проявлениями терроризма, слабые навыки обучающихся, посетителей и работников учреждений [6].

Следует отметить значительную уязвимость курортных территорий региона от террористических угроз. Речь идет о пляжах, местах организации массового досуга (аквапарки, дельфинарии и т.п.). Открытым остается и вопрос об антитеррористической защищенности объектов размещения туристов (гостиниц, отелей, гостевых домов, туристических баз, кемпингов и т.п.).

Немало террористических угроз сохраняется и в других сферах. Приведем характерный пример. Ежегодно в общеобразовательных школах края проходят массовые мероприятия – «День знаний» и «Последний звонок». В отдельных школах такие мероприятия собирают до нескольких тысяч человек: педагогов, учащихся, их родителей и родственников. Такие мероприятия, как правило, проводятся на внутришкольной территории (в школьном дворе). Доступ к месту проведения подобных мероприятий свободный. Каких-либо мер по контролю доступа на территорию школы, проведению досмотровых мероприятий не принимается. В данном случае террористические угрозы очевидны и должны быть купированы.

Инертность предупреждения преступлений с использованием потенциала средств массовой коммуникации образует очередную проблему региональной культуры противодействия преступности. Речь идет как о достаточно традиционных средствах (телевидение, радио, газеты, журналы, книги, произведения искусства), так и о более новационных (Интернет и другие информационно-телекоммуникационные сети). Сюда же можно отнести традиционные средства наглядной агитации, которые в современных условиях приобрели разнообразные

формы (плакаты, баннеры, листовки, флаеры, промостойки, троллы, суперсайты, ситилайты, брендмауеры, стритлайны, призматроны и др.). На данный момент такого рода материалы широко используются в профилактике дорожно-транспортных правонарушений и наркотизма. В иных сферах обеспечения криминологической безопасности они встречаются лишь эпизодически. Изредка можно встретить отдельные материалы, направленные на профилактику мошенничества, фальшивомонетничества, карманных и квартирных краж и др. Вместе с тем объем профилактического воздействия в регионе с использованием средств массовой коммуникации невелик. Отсутствует и четкий организационно-правовой механизм разработки и реализации такого рода материалов как в регионе целом, так и на уровне субъектов профилактики [9, с. 213–214].

Мы отмечаем и иные недостатки организации профилактики правонарушений, которые препятствуют качественному развитию региональной культуры противодействия преступности. Речь идет о неудовлетворительном состоянии профилактики правонарушений в социальных сетях Интернета. Не секрет, что значительную часть времени все больше людей (особенно молодежи) проводят именно там, вступая в различные общественные отношения, распространяя и потребляя значительные объемы информации. Сегодня активно формируются и развиваются сетевые сообщества, объединяющие жителей городов, поселков, микрорайонов, улиц, многоквартирных домов и т.п. Такие сообщества характеризуются наличием разнообразных сегментов, в числе которых новости, реклама и объявления, знакомства, благотворительная деятельность, досуг, форумы, обсуждения и многое другое.

В этом пространстве практически не присутствуют субъекты профилактики правонарушений, чем объективно ограничиваются их возможности. Если на региональном уровне созданы и функционируют официальные страницы большинства субъектов профилактики в социальных сетях, то на местном уровне и на уровне отдельных сотрудников такая деятельность не осуществляется вовсе. Так, например, мы сегодня констатируем отсутствие в социальных сетях Интернета работы таких ведущих субъектов профилактики правонарушений на местном уровне, как участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, работники органов опеки и попечительства, социальной защиты населе-

ния, образования, по делам молодежи, органов местного самоуправления [10, с. 56–57].

Отсутствуют организационно-правовые механизмы вхождения субъектов профилактики в сетевое пространство: статус размещаемой и получаемой сотрудниками информации от граждан, особенности ее обработки, реализации и т.п. Вместе с тем создание сообщества (группы) в одной или нескольких социальных сетях Интернета (участие в уже созданных) позволило бы, например, участковому уполномоченному полиции быстро и эффективно распространять информацию профилактического содержания, доводить ее до граждан, осуществлять сбор необходимой информации, оперативно реагировать на жалобы граждан, получать оперативную информацию о ситуации на обслуживаемой территории. Это лишь малая часть тех возможностей, которые открываются перед субъектами профилактики при вхождении в сетевое пространство Интернета.

К сожалению, высокая степень консервативности органов власти, бюрократизация и формализация большинства сфер их деятельности не позволяет им в должной степени приблизиться к общественным процессам, протекающим в социальных сетях Интернета [10; 11].

Препятствием для развития региональной культуры противодействия преступности являются недостатки работы субъектов профилактики правонарушений с малыми социальными группами: дошкольниками и школьниками, их родителями, студентами, трудовыми или служебными коллективами; жильцами многоквартирного дома, членами ТСЖ, соседями; воспитанниками специализированных учреждений для несовершеннолетних; членами общественных или иных некоммерческих организаций, участниками сельского схода. Малые группы представляют собой немногочисленные по составу социальные группы, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов [12, с. 148]. Работа в таком формате проводится лишь эпизодически, не носит системного характера.

В качестве одной из проблем в области обеспечения правопорядка в Краснодарском крае следует отметить низкую активность общественных и некоммерческих организаций в предупреждении преступлений. На фоне активного участия казачества в охране общественного порядка, патриотического воспитания молодежи степень участия иных представителей

общественности в решении правоохранительных проблем, по мнению опрошенных нами экспертов, остается достаточно низкой.

Эксперты отмечают, что в регионе в полной мере не реализован потенциал участия в профилактике правонарушений народных дружин, студенческих отрядов, общественных объединений правоохранительной направленности, социально ориентированных некоммерческих организаций в следующих сферах: охрана общественного порядка, профилактика бродяжничества, попрошайничества, алкоголизма, наркомании, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, семейного неблагополучия, школьного и семейного насилия и др. Особое значение усилия общественности имеют на местном уровне: в микрорайоне, на улице, во дворе. Именно этот микроуровень профилактической деятельности является базовым для формирования эффективной системы предупреждения правонарушений в регионе.

Как показали результаты проведенного нами исследования, на эффективное взаимодей-

ствие с гражданами и общественными организациями субъекты профилактики правонарушений ориентированы далеко не всегда. Их пассивность, а иногда и откровенная незаинтересованность не способствуют вовлечению социально активных граждан в общественную правоохранительную работу. Следует отметить и недостаточный уровень просветительской и идеологической работы органов власти по стимулированию участия общественности в профилактике правонарушений. Вместе с тем теоретические основы и практические рекомендации, направленные на совершенствование этой деятельности, уже сегодня разрабатываются краснодарскими криминологами [13].

Проведенный анализ указывает на наличие значительного потенциала развития региональной культуры противодействия преступности, который может быть востребован субъектами профилактики правонарушений в интересах обеспечения безопасности населения от преступных посягательств.

1. Симоненко А.В. Перспективные криминологические исследования Краснодарского университета МВД России в контексте современных криминальных угроз и проблем правоохранительной практики // *Общество и право*. 2018. № 3(65).

2. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы // *Общество и право*. 2017. № 3(61).

3. Квашиш В.Е. К проблеме культуры противодействия преступности // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2016. № 2(32).

4. Криминологический мониторинг состояния преступности и мер по ее предупреждению на федеральном и региональном уровне: метод. рекомендации. СПб., 2017.

5. Преступность в Воронежской области: состояние и прогноз / под ред. А.В. Симоненко, Н.А. Шишкина. Воронеж, 2012.

6. Государственная программа Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения»: утв. постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16 нояб. 2015 г. № 1039 // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>, 23 нояб. 2015 г.

7. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб., 2018.

8. Об утверждении Порядка принятия решения о разработке, формирования, реали-

1. Simonenko A.V. Perspective criminological researches of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia in the context of modern criminal threats and law-enforcement practices problems // *Society and law*. 2018. № 3(65).

2. Simonenko A.V., Gribanov E.V. The criminal policy and culture of counteraction to criminality in Russia: condition and prospects // *Society and law*. 2017. № 3(61).

3. Kvashis V.E. To the issue of a culture of counteraction to crime // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2016. № 2(32).

4. Criminological monitoring of the state of crime and measures to prevent it at the federal and regional level: guidelines. St. Petersburg, 2017.

5. Crime in the Voronezh Region: status and prognosis / ed. by A.V. Simonenko, N.A. Shishkin. Voronezh, 2012.

6. The state program of the Krasnodar Region «Ensuring the safety of the population»: approved with the Decree of the Head of the Administration (Governor) of Krasnodar Region d.d. Nov. 16, 2015 № 1039 // *Official Internet portal of legal information*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>, Nov. 23, 2015.

7. Prevention of terrorism and extremism among young people. St. Petersburg, 2018.

8. On Approval of the Procedure for Making Decisions on the Development, Formation, Implementation and Evaluation of the Effectiveness

зации и оценки эффективности реализации государственных программ Краснодарского края и о внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты главы администрации (губернатора) Краснодарского края: постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 8 мая 2014 г. № 430 // Кубанские новости. 2014. 29 мая.

9. Грибанов Е.В. Культура противодействия преступности и технологии предупреждения преступлений // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы междунар. науч.-практ. конф., 15 сент. 2017 г.: в 2 т. Краснодар, 2017. Т. 1.

10. Грибанов Е.В. Проблемы и перспективы развития информационно-коммуникативных технологий предупреждения преступлений // Теоретические и практические проблемы противодействия правонарушениям: материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, 28 февр. 2018 г. Краснодар, 2018.

11. Соловьев В.С. Предупреждение преступлений в виртуальном пространстве: начало пути // Борьба с преступностью: теория и практика [Электронный ресурс]: тезисы докладов VI Междунар. науч.-практ. конф., 2–3 апр. 2018 г. Могилев, 2018.

12. Андреева Г.М. Социальная психология: учеб. М., 2001.

13. Хомутов М.В. Участие социально ориентированных некоммерческих организаций в предупреждении преступлений: теоретические и социально-правовые предпосылки // Общество и право. 2018. № 2(64).

of the Implementation of State Programs of the Krasnodar Region and on Amendments to Certain Regulatory Acts of the Head of Administration (Governor) of the Krasnodar Region: resolution of the Head of the Administration (Governor) of Krasnodar Region d.d. May 8, 2014 № 430 // Kuban news. 2014. May 29.

9. Griбанov E.V. Anti-crime culture and crime prevention technology // Criminal policy and anti-crime culture: proc. of the intern. sci. and practical conf., Sept. 15, 2017: in 2 vol. Krasnodar, 2017. Vol. 1.

10. Griбанov E.V. Problems and prospects for the development of information and communication technologies for the prevention of crimes // Theoretical and practical problems of countering offenses: proc. of the intern. sci. and practical round table, Febr. 28, 2018. Krasnodar, 2018.

11. Soloviev V.S. Prevention of crimes in the virtual space: the beginning of the way // Fighting crime: theory and practice [Electronic resource]: abstr. of the VI Intern. sci. and practical conf., Apr. 2–3, 2018. Mogilyov, 2018.

12. Andreeva G.M. Social psychology: textbook. Moscow, 2001.

13. Khomutov M.V. Participation of socially oriented non-profit organizations in the prevention of crimes: theoretical and socio-legal prerequisites // Society and law. 2018. № 2(64).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Грибанов Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: egribanov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

E.V. Griбанov, Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia; e-mail: egribanov@yandex.ru

---

Гайдуков Тимур Владимирович

Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах

Изложены результаты исследования криминологической характеристики личности преступника, совершающего групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах. На основании анализа социально-демографических, морально-психологических и уголовно-правовых признаков составлен типичный портрет преступника.

Ключевые слова: личность преступника, групповая преступность, насилие, уличная преступность, курортный регион.

Criminological characteristics of the personality of the criminal who commits group violent street crimes in resort regions

The article presents the results of a study of the criminological characteristics of the personality of a criminal who commits group violent street crimes in resort regions. Based on the analysis of socio-demographic, moral-psychological and criminal-legal signs, a typical portrait of a criminal was established.

Key words: personality of the criminal, group crime, violence, street crime, resort region.

Личность преступника является ключевым звеном механизма преступного поведения, а ее изучение – одной из центральных проблем криминологии. Обобщая различные подходы к определению структуры личности преступника, можно выделить три общие группы признаков, ее составляющих: социально-демографические, морально-психологические и уголовно-правовые.

Первостепенное значение в изучении личности преступника имеет социально-демографическая характеристика, в которой исследуются: пол, возраст, социальное положение, образование, род занятий, профессия, семейное положение, жилищные и материальные условия и ряд других признаков и данных [1, с. 90–92].

Изучение материалов 450 уголовных дел о групповых насильственных уличных преступлениях по 804 эпизодам, совершенным 1693 преступниками, позволило установить следующие социально-демографические характеристики личности преступника, совершающего групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах.

Пол преступника. Среди преступников, совершающих групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, преобладают лица мужского пола (91%). Для лиц

женского пола характерно преимущественно совершение исследуемых преступлений корыстной направленности, а также участие в групповых изнасилованиях. При этом в последнем случае действия лиц женского пола отличаются крайней жестокостью и цинизмом.

Возраст преступника. В соответствии с возрастным критерием преступники, совершающие групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, относятся к следующим возрастным категориям: до 18 лет – 19%, от 19 до 25 лет – 26%, от 26 до 35 лет – 25,5%, от 36 лет до 45 лет – 15,5%, от 46 до 55 лет – 10%, свыше 56 лет – 4%. Таким образом, наиболее криминально активными являются лица молодежного возраста: от 19 до 35 лет (51,5%), на их долю в совокупности приходится половина совершаемых преступлений.

Вызывает тревогу тот факт, что практически каждый четвертый участник преступных групп, совершающих насильственные уличные преступления в курортных регионах, является несовершеннолетним. По данным Л.А. Закаляпиной, в городах-курортах России доля преступников от 14 до 18 лет в 2012 г. составила в среднем 5,4% [2, с. 109]. Такое расхождение в показателях доли преступности несовершеннолетних в структуре «курортной» преступно-

сти может быть связано, на наш взгляд, со спецификой групповой насильственной уличной преступности в сравнении с общей преступностью, т.е. преступностью в курортных регионах в целом, а также с тревожной тенденцией увеличения доли преступности несовершеннолетних в исследуемом виде преступности.

Семейное положение преступника. Проведенное нами исследование показало, что исследуемую нами категорию преступников составляют преимущественно неженатые (незамужние) лица – 73% (в том числе разведенные и лица, фактически со своей семьей не проживающие). Это обусловлено, прежде всего, возрастной категорией большинства преступников.

Уровень образования преступника. Для преступников, совершающих групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, по данным нашего исследования, характерно неполное среднее общее (18,5%), среднее общее (45,5%), среднее специальное (31%), а также высшее (5%) образование.

Социальный статус преступника. Социальный статус преступника в первую очередь определяется родом его занятий. Изучение полученного нами эмпирического материала показало, что преступниками, совершающими групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, в соответствии с родом занятий являются: официально не трудоустроенные лица (41%), рабочие (33,4%), служащие (5%), учащиеся (9%), студенты (4%), предприниматели (4%), пенсионеры (3,6%). Большинство преступников исследуемой категории (41%) не задействованы в социально полезном труде или обучении, а преступники из числа рабочих заняты преимущественно низкоквалифицированным или неквалифицированным трудом.

Гражданство преступника. Проведенное нами исследование показало, что преступники исследуемой категории по признаку гражданства делятся на следующие группы: граждане России – 93,5%, иностранцы – 6,5%. Таким образом, практически каждый пятнадцатый преступник, совершающий групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, является иностранцем (преимущественно гражданином бывших союзных республик), что связано в большинстве случаев с криминальным промыслом групп зарубежных «гастролеров» на курортах Юга России.

Место жительства преступника. Большое криминологическое значение при исследо-

вании групповых насильственных уличных преступлений, совершаемых в курортных регионах, имеет привязка преступника к месту совершения преступления (постоянное или временное пребывание в курортном регионе).

В соответствии с указанным критерием лиц, совершающих групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, можно разделить на следующие группы: местные жители (76%), приезжие (10%), приезжие, задействованные в инфраструктуре курорта (14%).

Морально-психологические характеристики личности преступника. Проведенный нами анализ морально-психологических характеристик лиц, совершающих групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, позволил (с учетом ограниченности эмпирических данных, содержащихся в материалах уголовных дел) выявить следующие морально-психологические особенности, способствующие совершению преступления и влияющие на характер и направленность преступного деяния:

1) низкий ценностно-культурный уровень личности (72%);

2) отрицательные качества характера (69%, в том числе: агрессивность (29%); выраженный эгоизм (28,5%); стремление к самоутверждению любой ценой (27,5%); корысть, жадность (27%); жестокость (18,5%); дерзость, заносчивость (18%); авторитарность, жажда власти (18%); ранимость, обидчивость (17%); жажда риска, импульсивность (16%); внушаемость, ведомость (14%) и др.);

3) антиобщественные интересы и стремления (58%).

Мотивы и мотивация преступного поведения. Рассматривая мотивацию преступного, прежде всего насильственного, поведения, ученые отмечают, что фундаментальной, глубинной основой мотивации преступного поведения являются содержание и структура сферы неудовлетворенных экзистенциальных смысло-жизненных потребностей личности. Невозможность удовлетворить потребности или недостаточная их удовлетворенность обуславливает возникновение у человека чувства неполноценности (исключительности). Отсюда наряду с актуализированной необходимостью удовлетворения соответствующей потребности (потребностей) в сознании человека возникает и закрепляется установка на восстановление своего социального статуса – потребность в утверждении и (или) самоутверждении. Полная или частичная неудовлетворенность смысло-

жизненных потребностей в утверждении и самоутверждении в сочетании с личностными комплексами и индивидуальными биофизиологическими особенностями личности составляют, в свою очередь, базовую основу мотивационной сферы преступного поведения [3, с. 63–68; 4, с. 126–132]. При этом, как указывает Ю.М. Антонян, следует учитывать, что чем ограниченнее психическое развитие человека, тем большую роль в его поведении играют иерархически низшие уровни регуляции [5, с. 14].

Критический анализ данных, содержащихся в полученном эмпирическом материале, в частности в материалах изученных уголовных дел, позволил выделить следующие основные мотивы совершения групповых насильственных уличных преступлений в курортных регионах: 1) мотивы самоутверждения (стремление достичь высокой самооценки, повысить самоуважение, уровень собственного достоинства) – 22%; 2) мотивы утверждения в преступной (асоциальной) группе (стремление к завоеванию социального статуса, желание достичь высокой оценки в референтной группе) – 21%; 3) корысть – 20%; 4) неприязненные отношения и месть (за оскорбление, за сделанное замечание, за отказ от интимных отношений, за отказ от выполнения просьбы, за сопротивление жертвы) – 17%; 5) мотивы удовлетворения элементарных потребностей (в еде, одежде, средствах к существованию и пр.) – 10%; 6) верность криминальной или иной асоциальной субкультуре, традициям и обычаям – 7%.

Уголовно-правовые признаки личности преступника позволяют оценить, прежде всего, общественную опасность и криминальную направленность личности преступника.

Состояние в момент совершения преступления. Важной составляющей социально-психологической характеристики личности преступника является склонность к употреблению алкогольных напитков, наркотических и одурманивающих веществ [2, с. 103]. Изучение полученного нами эмпирического материала показало, что лица, совершающие групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, в 32% случаев находились в состоянии опьянения (преимущественно алкогольного – 28%).

Наличие рецидива. Глубина и стойкость криминогенной мотивационной направленности индивида позволяют выделить из всей массы преступников лиц с антиобщественной установкой, к которым, в первую очередь, относятся ранее судимые.

Проведенное нами исследование показало, что среди лиц, совершающих групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, 47% имеют судимость. По количеству судимостей преступников-рецидивистов данной категории можно распределить следующим образом: имеют одну судимость – 25%, две – 9,3%, три – 7,6%, четыре и более – 5,1%. Половина преступников исследуемой категории впервые были осуждены в возрасте от 14 до 25 лет – 56%.

По характеру судимости рассматриваемый рецидив составляют ранее совершенные: корыстные преступления (19%); насильственные преступления (13%); преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (8%), преступления против половой свободы и неприкосновенности личности (3%); другие преступления (4%).

По предыдущей судимости большинство преступников отбывали наказание в виде лишения свободы (66%), из них 42% были освобождены в связи с отбытием наказания, 24% – условно-досрочно.

Посткриминальное поведение преступника. Положительная оценка лицом своего преступного результата является, как верно отмечает Н.В. Михайлова, признаком глубокой криминальной деформированности личности, что относит его к конкретному преступному типу (неустойчивому, злостному или особо злостному) [6, с. 49].

Изучение полученного нами эмпирического материала показало, что 22% лиц, совершающих групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, не признают своей вины в содеянном (несмотря на групповой характер преступления). Только для 15% виновных характерны явка с повинной и чистосердечное раскаяние.

Специфика участия в преступной группе. Для лиц, совершающих групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, наиболее характерны следующие субъективные факторы объединения или участия в преступной группе: 1) организовались с иными лицами по собственному желанию (42%); 2) были вовлечены членами существующей преступной группы (29,6%); 3) сами выступили в роли организатора или руководителя преступной группы (17%); 4) случайно оказались вовлеченными (очевидцы совершаемого преступления, заранее не обещанное содействие и пр.) в преступную группу (12,4%).

Немаловажна и роль лица в преступной группе. По данным Д.В. Закаляпина и Л.А. Закаляпиной, изучение уголовных дел по преступлениям, совершенным в городах-курортах России группами лиц, свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве (87%) такие группы не имели организаторов, в основном каждый из членов группы взаимодействовал со всеми ее участниками либо существовала последовательная связь [7, с. 83].

Проведенное нами исследование позволило установить, что среди лиц, совершающих групповые насильственные уличные преступления в курортных регионах, в зависимости от роли лица в преступной группе (как и в групповой насильственной преступности в целом) преобладают соисполнители (67%). В роли организатора (руководителя) преступной группы выступили 19% лиц, пособников – 8%, подстрекателей – 6%.

Следует учитывать, что с возрастанием устойчивости преступной группы ее влияние на участников усиливается, что обуславливает ориентацию этих групп на длительную преступную деятельность и ее рецидив. Практика показывает, что подавляющее число преступных групп стремится к расширению функций их участников, а следовательно, к возрастанию общественной опасности самих преступных групп [8, с. 118].

Таким образом, можно выделить следующие типичные характеристики личности преступника, совершающего групповые насильственные уличные преступления в условиях курортного региона: это мужчина в возрасте от 19 до 35 лет, не состоящий в браке, имеющий среднее общее образование, официально не трудоустроенный либо являющийся рабочим,

имеющий гражданство России, из числа местных жителей; имеющий судимость (преимущественно одну или две) в возрасте от 14 до 25 лет за корыстные или насильственные преступления, отбывший наказание в виде лишения свободы, не признающий своей вины; находящийся в момент совершения преступления в состоянии опьянения; по собственному желанию организовавшийся с иными лицами в преступную группу, в которой ему отведена роль исполнителя.

Способствуют совершению преступления и влияют на характер и направленность преступного деяния следующие морально-психологические особенности преступника: 1) низкий ценностно-культурный уровень личности; 2) отрицательные качества характера, в том числе: агрессивность; выраженный эгоизм; стремление к самоутверждению любой ценой; корысть, жадность; жестокость; дерзость, заносчивость; авторитарность, жажда власти; ранимость, обидчивость; жажда риска, импульсивность; внушаемость, ведомость и др.; 3) антиобщественные интересы и стремления.

Мотивами совершения групповых насильственных уличных преступлений в курортных регионах являются в основном следующие: 1) самоутверждение (стремление достичь высокой самооценки, повысить самоуважение, уровень собственного достоинства); 2) утверждение в преступной (асоциальной) группе (стремление к завоеванию социального статуса, желание достичь высокой оценки в референтной группе); 3) корысть; 4) неприязненные отношения и месть; 5) удовлетворение элементарных потребностей; 6) верность криминальной или иной асоциальной субкультуре, традициям и обычаям.

1. Павлов В.Г. Некоторые структурные особенности личности преступника при совершении насилия в отношении несовершеннолетних // XXI Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2017.

2. Закаляпина Л.А. Предупреждение преступности в городах-курортах России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

3. Игнатов А.Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. 2015. № 1(51).

4. Игнатов А.Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-

1. Pavlov V.G. Some structural features of the personality of a criminal when committing violence against minors // XXI Tsarskoe Selo Readings: proc. of the intern. sci. conf. St. Petersburg, 2017.

2. Zakalyapina L.A. Crime prevention in the resort cities of Russia: diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2014.

3. Ignatov A.N. Passion as a fundamental component of the motive of criminal conduct // Society and law. 2015. № 1(51).

4. Ignatov A.N. On the categories of «mechanism of criminal behaviour», «mechanism of crime» and «mechanism of committing a crime» // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 6-7.

экономические и общественные науки. 2017. № 6-7.

5. Антонян Ю.М. Мотивация преступного поведения // *Юридическая психология. 2015. № 1.*

6. Михайлова Н.В. Структура личности преступника – члена неформальной молодежной группы насильственной направленности // *Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2015. № 2(5).*

7. Закаляпин Д.В., Закаляпина Л.А. Личность преступника, совершающего преступления в курортных регионах // *Человек в сфере социально-гуманитарного познания: сб. ст. региональной науч.-практ. конф. Ставрополь, 2009.*

8. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Общественная опасность групповой преступности // *Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 311.*

5. Antonyan Yu.M. Motivation for criminal behaviour // *Legal psychology. 2015. № 1.*

6. Mikhailova N.V. Personality structure of a criminal member of a violent informal youth group // *Spiritual situation of time. Russia XXI century. 2015. № 2(5).*

7. Zakalyapin D.V., Zakalyapina L.A. The personality of the criminal committing crimes in the resort regions // *Man in the field of social and humanitarian knowledge: coll. of papers of the regional sci. and practical conf. Stavropol, 2009.*

8. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Social danger of group crime // *Bull. of Tomsk state university. 2008. № 311.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гайдуков Тимур Владимирович, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: faust.tim@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

T.V. Gaydukov, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: faust.tim@yandex.ru

---

Запрет на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет: системно-правовой анализ

Приводится научное обоснование невозможности рассмотрения уголовного дела о преступлении, совершенном несовершеннолетним, судом с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: подсудность, несовершеннолетний, суд с участием присяжных заседателей, выделение уголовного дела в отдельное производство.

Prohibition of jury trials of criminal cases on crimes committed by persons under the age of eighteen years: a system-legal analysis

The article provides a scientific justification for the impossibility of the consideration of a criminal case on a crime committed by a juvenile court by jury.

Key words: jurisdiction, minor, jury trial, separation of criminal case into separate proceedings.

Применительно к такому резонансному процессуальному институту, как производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, научному осмыслению подлежат многие нормативные новации, введенные в уголовно-процессуальную действительность пакетом профильных законов, принятых сравнительно недавно. В их числе проблема разрешения конфликта процессуальных интересов, возникающего между соучастниками преступления по вопросу о виде законного состава суда по уголовному делу. Произошедшие в конце 2017 г. изменения в УПК РФ, в соответствии с которыми ч. 2 ст. 30 дополнена пунктом 2.1, вызвали у правоприменителя различное понимание приоритетности действия уголовно-процессуальных норм, регулирующих выбор законного состава суда. Фактически п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ предусмотрел исключение из правила, установленного в ч. 2 ст. 325 УПК РФ.

Возможна ситуация, когда по уголовным делам по обвинению группы лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 или ч. 4 ст. 111 УК РФ, взрослым обвиняемым заявляется ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Другие обвиняемые – несовершеннолетние, их законные представители и защитники выражают несогласие с рассмо-

трением дела судом с участием присяжных заседателей. Вместе с тем выделение дела в отношении части обвиняемых – несовершеннолетних – в отдельное производство невозможно, поскольку препятствует всесторонности и объективности разрешения уголовного дела, выделенного в отдельное производство, и уголовного дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей. Как следствие, возникают сомнения в конституционности нормы п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ как порождающей конфликт конституционных ценностей, определенных ст. 19, 47 Конституции РФ, и фактически лишаящей лицо, достигшее к моменту совершения преступления совершеннолетия, его права на суд с участием присяжных заседателей. Кроме того, надлежит разобраться и в том, мнимо или реально будет возникать правовая коллизия с применением п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ и ч. 2 ст. 325 УПК РФ в части невозможности однозначного определения законного состава суда по уголовному делу по обвинению взрослых и несовершеннолетних лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ.

В науковедческой литературе среди специальных признаков, характеризующих науку, ведущая роль отведена системности. Именно системность обеспечивает логически выстроенную последовательность знаний, дающую, с

точки зрения научных смыслов, законченное и непротиворечивое представление о концепциях, понятийном аппарате, принципах науки уголовного процесса. Следует отметить, что сама уголовно-процессуальная наука как система знаний об уголовно-процессуальных явлениях обнаруживает разнонаправленные тенденции. С одной стороны, закономерно стремится к сохранению собственной устойчивости, неизменности. С другой стороны, наука уголовного процесса не должна рассматриваться как единойжды данное, замкнутое пространство, постигаемое лишь учеными и существующее как результат приложения их профессиональных, внутрикорпоративных усилий. Ложно трактуемая самобытность, превратившаяся в замкнутость, способна нанести научному знанию непоправимый вред, ибо фактически исключает его приращение. В то же время открытость уголовно-процессуальной науки должна быть продиктована лишь объективными и обоснованными изменениями, обусловленными ее поступательным развитием, которое невозможно без учета современных уголовно-процессуальных реалий, прогнозирования их дальнейшего развития. Вместе с тем в сознании современного правоприменителя прочно укоренилась мысль о том, что главное назначение науки уголовного процесса – решать проблемы, возникающие в следственной и судебной практике. Не случайно в абсолютном большинстве диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук в качестве одной из приоритетных задач исследования указывается решение прикладных проблем правоприменительной деятельности. Такие представления имеют определенные основания. Однако относиться к научным знаниям исключительно с позиции их практической значимости не вполне верно. Например, критерии научности теории всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела как принципа уголовного судопроизводства, длительное время являющейся для процессуалистов предметом оживленных споров (см., например: [1; 2]), лежат не в правоприменительной практике, а в пространстве самой уголовно-процессуальной науки. И если исходить из того, что практика – критерий истины, то «неистинная» теория включения в перечень принципов уголовного судопроизводства указанного принципа не означает ее ненаучности. Даже на фоне ее практической (законодательной) невостребованности, о чем свидетельствует отсутствие соответствующих норм в гл. 2 УПК РФ, познавательная ценность рас-

суждений о необходимости обеспечения всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, как будет показано ниже, не утрачивается. Здесь же ограничимся лишь утверждением о том, что имеющими значение для юридической (следственной, судебной) практики следует считать научные исследования правоведов, способные в аспекте реального времени или в обозримой перспективе в форме теоретических конструкций или конкретных предложений о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство «повлиять на юридическую деятельность и юридическое мышление, правовую действительность в целом и конкретные институты права» [3]. В основе анализируемого «конфликта» конституционных и уголовно-процессуальных норм принципиальное несовпадение волеизъявления нескольких обвиняемых, один или часть которых ходатайствуют о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, а другая часть обвиняемых – судьей единолично. Поскольку указанное ходатайство может быть заявлено обвиняемым после ознакомления с материалами уголовного дела на предварительном следствии (п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ), после направления прокурором уголовного дела с обвинительным заключением в суд в течение 3 суток со дня получения обвиняемым копии обвинительного заключения, а также непосредственно на предварительном слушании, о проведении которого заявлено ходатайство им или другими участниками процесса по иным основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 229 УПК РФ, резонно предположить, что несовпадение волеизъявлений соучастников преступления относительно вида законного состава суда по уголовному делу может возникнуть в любой из указанных моментов. Если этот спор возник до передачи уголовного дела в суд, следовательно в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ решает вопрос о выделении уголовного дела в отношении обвиняемых, отказывающихся от суда с участием присяжных заседателей, а также несовершеннолетних обвиняемых в отдельное производство.

С течением времени научные взгляды на сущность и значение выделения уголовного дела в отдельное производство менялись (см., например: [4–6]). В настоящее время представляется очевидным, что выделение уголовного дела в отдельное производство – абсолютный способ решения проблемы, поскольку каждый обвиняемый в рамках закона выбирает приемлемый для него состав суда. Впрочем, данная

констатация не лишает научной и практической значимости рассуждения об основаниях и порядке осуществления этого процессуального действия в стадии предварительного следствия, материальным воплощением которого выступает соответствующее процессуальное решение – постановление следователя (ч. 3 ст. 154 УПК РФ). Системный анализ норм ч. 2 ст. 154, п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ позволяет утверждать, что препятствием для положительного решения следователем вопроса о выделении уголовного дела в отдельное производство выступает очевидная невозможность обеспечения всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, т.е. ситуация, когда «степень негативных последствий выделения дел в отдельное производство превосходит – с точки зрения конституционных требований справедливости и соразмерности – возможный положительный эффект этой процедуры» [7]. А.В. Лоцким поставлен, но оставлен без ответа вопрос о том, является ли существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства, влекущим отмену приговора, невынесение следователем при выполнении процессуальных действий в порядке п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ постановления о невозможности выделения уголовного дела в отношении обвиняемых, не ходатайствующих о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей [8, с. 145–155]. По нашему мнению, буквальное толкование данной нормы УПК РФ не дает оснований для вывода о том, что такое постановление следователь обязан выносить во всех без исключения случаях. Сам по себе факт направления уголовного дела в суд в отношении всех обвиняемых свидетельствует о том, что следователь не нашел оснований для выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении лиц, отказывающихся от суда с участием присяжных заседателей. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 325 УПК РФ вопрос о законном составе суда по уголовному делу окончательно решается в предварительном слушании. Соответствующее решение судьей должно приниматься на основе предварительной оценки по внутреннему убеждению совокупности собранных доказательств (ст. 17 УПК РФ) и с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, подчеркнувшего: поскольку всесторонность и объективность разрешения дела являются важнейшим условием осуществления правосудия, суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничи-

ваться установлением формальных условий применения нормы [9]. Следовательно, выделение уголовного дела, производимое судьей, – процессуальное решение и осуществляемая на его основе деятельность судьи, направленные на разделение уголовного дела на два и более в целях проведения по ним самостоятельного рассмотрения в условиях обеспечения всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела и вынесения по нему законного, обоснованного и справедливого приговора в разумный срок. Получается, что безотносительно к тому, какой «статус» – принципа уголовного судопроизводства или общего условия предварительного расследования и судебного разбирательства – придается в науке уголовного процесса требованиям всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, без их обеспечения невозможно рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу с соблюдением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора становится не непреложным, а вероятностным результатом отправления правосудия. Если по окончании предварительного слушания судья делает отрицательный вывод о производстве выделения уголовного дела в отдельное производство, подробно мотивируя это в своем постановлении (ч. 5 ст. 325 УПК РФ), то ревизионными судебными инстанциями оно закономерно признается законным и обоснованным (см., например: апелляционные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2018 г. № 4-АПУ18-39СП [10], от 5 ноября 2017 г. № 5-АПУ17-71СП [11], от 19 сентября 2017 г. № 46-АПУ17-12СП [12], от 29 июня 2017 г. № 78-АПУ17-16СП [13], от 15 марта 2016 г. № 15-АПУ16-2СП [14]). В этом случае уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

Для научного сообщества выявление проблемы и аргументация путей ее решения – явление обыденное. Однако, с точки зрения исследовательского восприятия, научная проблема существует, если она грамотно сформулирована, четко обозначена языковыми средствами. Только в этом случае она может быть принята и обсуждена другими учеными, т.е. «поднята» на уровень юридической коммуникации. Нами не усматривается проблема применимости требований всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела в судебном разбирательстве с

участием присяжных заседателей, о чем пишет, например, А.В. Жогин [15, с. 132–138]. Разграничение полномочий председательствующего и коллегии присяжных заседателей (ст. 334 УПК РФ), недопустимость пересмотра в суде апелляционной инстанции приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей, в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 389.27 УПК РФ) не отменяет необходимости всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела судом первой инстанции. Тем более, что доказательства, относящиеся к фактическим обстоятельствам предъявленного лицу обвинения, судом апелляционной инстанции не проверяются (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (в редакции от 1 декабря 2015 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [16]). Установленный гл. 42 УПК РФ порядок исследования в судебном заседании с участием присяжных заседателей обстоятельств уголовного дела должен быть соблюден с обеспечением председательствующим сторонам в соответствии со ст. 15 УПК РФ равных возможностей по предъявлению и исследованию доказательств по уголовному делу. В то же время мнение сторон о достаточности имеющихся в уголовном деле доказательств не является обязательным для суда. Не в последнюю очередь потому, что присяжные заседатели – не статисты, а активные участники судебного разбирательства, которым предоставлены многочисленные права по исследованию фактических обстоятельств уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 333, ч. 4 ст. 335, ч. 5, 6 ст. 344 УПК РФ). Задача председательствующего – принимать необходимые меры, исключающие возможность исследования присяжными вопросов, не входящих в их компетенцию (абз. 4 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 (в редакции от 15 мая 2018 г.) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [17]).

Приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [18]). По мнению В.М. Михайлова, справедливость судебного

разбирательства органично связана со справедливостью законодательного регулирования вопросов подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей, носящего в настоящее время революционный характер [19]. Современное реформирование уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, – типичная системно-институциональная деятельность [20, с. 32–33]. Важно отметить, что наиболее надежный и эффективный институт присяжных заседателей – не заимствованный из зарубежных правовых систем, а целенаправленно построенный на национальном правовом и социокультурном базисе.

В данном контексте исследовательский интерес представляет научное обоснование решения проблемы определения законного состава суда по уголовному делу, по которому несовершеннолетним предъявлено обвинение в совершении преступления в составе группы лиц с совершеннолетним подсудимым, заявившим ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в районном суде. При внешнем, формальном восприятии в контексте ч. 5 ст. 32, ч. 2 ст. 47, ч. 4 ст. 123 Конституции РФ, ч. 2 ст. 325 УПК РФ, положения п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ вполне могут трактоваться отдельными правоприменителями как не соответствующие Конституции РФ, поскольку препятствуют применению процессуальных механизмов, учитывающих баланс интересов всех подсудимых. Действительный конституционно-правовой смысл п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, исключающий неопределенность в этом вопросе и освобождающий суд от необходимости устранять ее посредством правоприменительного решения, выявляется посредством анализа комплекса соответствующих нормативных установок различного (конституционного, международного, отраслевого) уровня и правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ. Вместе с тем идея теоретико-методологического и нормативного соотношения норм различных отраслей права как средства познания уголовно-процессуальной реальности позитивно воспринимается не всеми правоведами. Например, В.И. Анохин считает, что использование фундаментальных положений нескольких отраслей права и изучающих их юридических наук дискредитирует ученого, создавая ореол недостаточно мощного концептуалиста, «размывает созданный трудами поколений процессу-

алистов предмет науки уголовного процесса» [21], с чем невозможно согласиться. Системные представления о науке – необходимое методологическое средство научного анализа. Исследователь не навязывает системность явлению, а лишь фиксирует его системные связи. Если у науки не будет своего «ядра», то это будет не наука уголовного процесса, а некое бессистемное образование, сформированное из знаний, рецептированных из других юридических наук – конституционного права, уголовного права, криминологии, криминалистики. Иными словами, уголовно-процессуальная наука не является, в отличие, например, от кибернетики, синтетической наукой. Определение вида законного состава суда по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетними и совершеннолетним, в ситуации заявления последним ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и принципиальной невозможности выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство на основании системного анализа международно-правовых норм, а также норм Конституции РФ, УК РФ, УПК РФ, данных криминологических исследований, материалов судебной практики не свидетельствует о колебании правовой основы знаний, составляющих науку уголовного процесса. В стремлении к сохранению собственной «чистоты» наука не воспринимает, отторгает не соответствующие ее природе знания. Поэтому опасность утраты уголовно-процессуальной наукой собственного предмета изучения в принципе отсутствует. Что же касается развития юридической практики, то в настоящее время «она осуществляется на собственной основе, но за счет привлечения к решению своих задач средств, продуцируемых юридической наукой, прежде всего общей и отраслевыми теориями» [4, с. 23]. Однако методологически неверно было бы сводить понимание юридической практики исключительно к практике следственной или судебной. В ее рамках объективно существует и нормотворческая деятельность. Как указывалось ранее, одной из недавних законодательных новелл является изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет (п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ). Ее оценка активно обсуждается учеными в аспекте соответствия нормативным предписаниям, содержащимся в ч. 2 ст. 325 УПК РФ, и пределов допустимых ограничений конституционного принципа равенства граж-

дан перед законом и судом [22, с. 90–112]. На наш взгляд, коллизия норм п. 2.1 ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 325 УПК РФ отсутствует. Она (коллизия) возникает между процессуальными интересами обвиняемых соучастников (совершеннолетнего и несовершеннолетних) по вопросу о выборе законного состава суда по уголовному делу и, как следствие, между субъективными процессуальными правами, которые обвиняемые приобретают на основе этих норм. Именно в этом контексте, как представляется, надлежит соотносить положения п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ и ст. 19 Конституции РФ на предмет наличия или отсутствия конфликта конституционных ценностей.

Абсолютное равенство граждан перед законом и судом – явление в принципе недостижимое. Неравенство в уголовном судопроизводстве может проявляться в различных формах. В частности, в неодинаковых процессуальных возможностях участников уголовного судопроизводства в зависимости, в том числе, от их возрастных особенностей. Это обстоятельство отражается в дифференциации не только процессуального статуса несовершеннолетнего подсудимого, но и уголовно-процессуальной формы. Ее дифференциация, связанная с учетом особенностей личности несовершеннолетнего подсудимого и имеющая под собой сложную систему оснований, в итоге предоставляет ему дополнительные процессуальные гарантии, создает своего рода привилегии перед другими (совершеннолетними) подсудимыми (гл. 50 УПК РФ). С этих позиций следует рассматривать закрепленный в п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ запрет на рассмотрение уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, судом с участием присяжных заседателей. Рассмотрение уголовного дела в отношении несовершеннолетних судом с участием присяжных заседателей объективно и неизбежно повлечет ограничение их прав и законных интересов, на обеспечение которых нацелена процессуальная форма, предусмотренная гл. 50 УПК РФ, в которой закреплены условия и механизмы всестороннего и полного исследования обстоятельств, составляющих специфический (расширенный) предмет доказывания. Уголовно-процессуальное законодательство нашей страны на протяжении многих лет содержит многочисленные дополнительные гарантии защиты интересов несовершеннолетнего подсудимого (подозреваемого, обвиняемого). При этом возможные конфликты интересов совершеннолетних подсудимых (подозреваемых, обвиня-

емых) и их несовершеннолетних соучастников законодатель предлагает разрешать в пользу последних. Процессуальные нормы, устанавливающие особые гарантии производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не следует расценивать как подрывающие основы равенства участников уголовного судопроизводства. Их наличие в уголовно-процессуальном законе, напротив, соответствует предписаниям международных нормативных актов, приветствуется правозащитниками.

При разрешении уголовных дел в отношении несовершеннолетних подсудимых судом с участием присяжных заседателей будет весьма затруднительно обеспечить соблюдение требований международных стандартов (рекомендаций) (см. об этом: [23, с. 81–99; 24, с. 199–240; 25, с. 3–9; 26, с. 22–24]. Конституционный Суд РФ в постановлении от 20 мая 2014 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» [27] однозначно указал на нецелесообразность рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних судом с участием присяжных заседателей, обозначив ряд специфических особенностей, препятствующих вовлечению представителей народа в отправлении правосудия. Следует учитывать, что специфика разрешения вопросов, связанных с опре-

делением виновности несовершеннолетних в совершении уголовно наказуемых деяний, требует осуществления судебного разбирательства с соблюдением условий, направленных на тщательное исследование всех данных о личности несовершеннолетнего, что при наличии запретов, предусмотренных ч. 8 ст. 335 УПК РФ, невозможно. Таким образом, осуществленная федеральным законодателем дифференциация подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей по признаку возраста обвиняемого опирается на объективно обусловленные критерии, вытекающие из принципов гуманизма и справедливости. Поэтому разрешение уголовного дела в отношении несовершеннолетних подсудимых судом с участием присяжных заседателей носит дискриминационный характер.

Резюмируя изложенное, заключаем: если по уголовному делу обвиняется несколько лиц и хотя бы одно из них является несовершеннолетним, то при невозможности выделить дело в его отношении в отдельное производство заявленное совершеннолетним обвиняемым (обвиняемыми) ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей не подлежит удовлетворению. Такое дело в отношении всех обвиняемых должно рассматриваться в общем порядке, а применительно к несовершеннолетнему обвиняемому – с учетом положений гл. 50 УПК РФ.

1. Деришев Ю.В., Олефиренко Т.Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип современного российского уголовного судопроизводства // Вестн. Омск. юрид. академии. 2016. № 1(30). С. 56–60.

2. Романов С.В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2008. № 1. С. 24–37.

3. Тарасов Н.Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Рос. юрид. журн. 2012. № 3. С. 18–24.

4. Кулагин Н.И., Тумашов С.А. Соединение и выделение уголовных дел на предварительном следствии: учеб. пособие. Волгоград, 2001.

5. Кальницкий В.В., Павлов А.В. Выделение уголовного дела как условие воз-

1. Derishev Yu.V., Olefirenko T.G. *Comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the circumstances of the case as a principle of modern Russian criminal justice* // Bull. of the Omsk academy of law. 2016. № 1(30). P. 56–60.

2. Romanov S.V. *The requirement of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the circumstances of the case as a necessary condition for a preliminary investigation* // Moscow university bull. Ser. 11: Law. 2008. № 1. P. 24–37.

3. Tarasov N.N. *Legal science and legal practice: correlation in a methodological context (on the practicality of legal science and the scientific nature of legal practice)* // Russian legal journal. 2012. № 3. P. 18–24.

4. Kulagin N.I., Tumashov S.A. *Connection and allocation of criminal cases during the preliminary investigation: study aid.* Volgograd, 2001.

5. Kalnitsky V.V., Pavlov A.V. *Allocation of a criminal case as a condition for initiating an application for termination of criminal prosecution*

буждения ходатайства о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа // *Уголовное право*. 2018. № 2. С. 109–114.

6. Курченко В.Н. Выделение уголовных дел и материалов на предварительном слушании // *Законность*. 1996. № 5. С. 10–16.

7. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК РФ в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апр. 2010 г. № 8-П // *Собр. законодательства РФ*. 2010. № 18. Ст. 2276.

8. Лоцкий А.В. Выделение уголовного дела в отдельное производство. Биробиджан, 2015.

9. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева: постановление Конституционного Суда РФ от 8 дек. 2017 г. № 39-П // *Собр. законодательства РФ*. 2017. № 51. Ст. 7914.

10. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=171662 (дата обращения: 17.02.2019).

11. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1620626 (дата обращения: 17.02.2019).

12. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1579926 (дата обращения: 17.02.2019).

13. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1557424 (дата обращения: 17.02.2019).

14. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1557424 (дата обращения: 17.02.2019).

15. Жогин А.В. Суд с участием присяжных заседателей: история и перспективы развития. Хабаровск, 2016.

16. Бюл. Верховного Суда РФ. 2012. № 12. С. 3–12.

17. Бюл. Верховного Суда РФ. 2006. № 1. С. 3–12.

18. Бюл. Верховного Суда РФ. 2016. № 12. С. 3–12.

19. Михайлов В.М. Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: традиции и инновации. Калининград, 2018.

with the appointment of a judicial fine // *Criminal law*. 2018. № 2. P. 109–114.

6. Kurchenko V.N. Allocation of criminal cases and materials at the preliminary hearing // *Legality*. 1996. № 5. P. 10–16.

7. In the case of verification of the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of part two of article 30 and part two of article 325 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens R.R. Zainagutdinov, R.V. Kudaev, F.R. Fayzulin, A.D. Khasanov, A.I. Shavaev and the request of the Sverdlovsk Regional Court: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Apr. 19, 2010 № 8-P // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2010. № 18. Art. 2276.

8. Lotsky A.V. Separation of the criminal case in a separate proceeding. Birobidzhan, 2015.

9. In the case of verification of the constitutionality of the provisions of articles 15, 1064 and 1068 of the Civil Code of the Russian Federation, subparagraph 14 of paragraph 1 of article 31 of the Tax Code of the Russian Federation, article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and part one of article 54 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints of citizens G.G. Akhmadeeva, S.I. Lysyak and A.N. Sergeev: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Dec. 8, 2017 № 39-P // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2017. № 51. Art. 7914.

10. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=171662 (date of access: 17.02.2019).

11. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1620626 (date of access: 17.02.2019).

12. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1579926 (date of access: 17.02.2019).

13. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1557424 (date of access: 17.02.2019).

14. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1557424 (date of access: 17.02.2019).

15. Zhogin A.V. Jury trial: history and development prospects. Khabarovsk, 2016.

16. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 12. P. 3–12.

17. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2006. № 1. P. 3–12.

18. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 12. P. 3–12.

19. Mikhailov V.M. Criminal proceedings by a jury trial: traditions and innovations. Kaliningrad, 2018.

20. Golovko L.V. «Pocket lawyers» – is the cost of progress and the result of legislative approaches // *Criminal trial*. 2019. № 2. P. 32–33.

20. Головкин Л.В. «Карманные адвокаты» – это издержки прогресса и результат законодательных подходов // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 32–33.
21. Анохин В.И. Система юридической науки. М., 2014.
22. Норкин Е.П. Правовой статус присяжных заседателей. Севастополь, 2018.
23. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. М., 2000.
24. Марковичева Е.В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики. Орел, 2011.
25. Гришина Е.П. Концепция ювенального уголовного судопроизводства: понятие, социальное назначение и принципы // Вопросы ювенальной юстиции. 2018. № 3(69). С. 3–9.
26. Надеяева Т.В. Особенности процессуальной формы отправления правосудия по уголовным делам с участием несовершеннолетних в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
27. Собр. законодательства РФ. 2014. № 22. Ст. 2920.
21. Anokhin V.I. The system of legal science. Moscow, 2014.
22. Norkin E.P. The legal status of jurors. Sevastopol, 2018.
23. Melnikova E.B. Juvenile justice: Problems of criminal law, criminal procedure and criminology: study aid. Moscow, 2000.
24. Markovicheva E.V. Criminal juvenile justice: problems of theory and practice. Orel, 2011.
25. Grishina E.P. The concept of juvenile criminal justice: the concept, social purpose and principles // Questions of juvenile justice. 2018. № 3(69). P. 3–9.
26. Nadelyaeva T.V. Features of the procedural form of administration of justice in criminal cases involving minors in the court of first instance: auth. abstr. ... Candidate of Law. Ekaterinburg, 2018. P. 22–24.
27. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 22. Art. 2920.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Николюк Вячеслав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия; e-mail: nvv56@mail.ru;

Владыкина Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, судья в отставке; e-mail: vladikina_t@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.V. Nikolyuk, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Problems of Criminal Justice of the Russian State University of Justice; e-mail: nvv56@mail.ru;

T. A. Vladykina, Doctor of Law, Retired Judge; e-mail: vladikina_t@mail.ru

---

Применение механизмов восстановительной юстиции по уголовным делам

Рассматриваются вопросы применения механизма медиации по уголовным делам. Основываясь на таких понятиях, как восстановительная юстиция, медиация, альтернативное правосудие, анализируя порядок их применения в правовой системе, авторы делают вывод о необходимости внедрения процедуры медиации в производство по уголовным делам, предлагают этапы реализации альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, восстановительная юстиция, альтернативная процедура, медиация, уголовно-правовой конфликт, восстановительное правосудие, участники уголовного судопроизводства, потерпевший, обвиняемый.

Application of the mechanism of restorative justice in criminal proceedings

The article is devoted to the application of the mechanism of mediation in criminal cases. Based on such concepts as restorative justice, mediation, alternative justice, and the order of their application in the legal system, the paper concludes on the need for the introduction of mediation in criminal proceedings and proposes stages of implementation of the introduction of alternative resolution of criminal conflicts.

Key words: criminal proceedings, restorative justice, alternative procedure, mediation, criminal conflict, restorative justice, participants in criminal proceedings, victim, accused.

В правовых системах современных государств различают две противоположные концепции юстиции – карательную и восстановительную.

Сущность карательного правосудия заключается в том, что на первое место выдвигаются интересы государства, это прослеживается по количественному соотношению уголовных дел публичного обвинения (не менее 85%) и дел частного и частно-публичного обвинения (не более 15%). При этом интересы лиц, пострадавших от преступления, не учитываются. Такое правосудие представляет собой устоявшуюся правовую модель, имеющую как определенные достоинства, так и недостатки.

Восстановительное правосудие в первую очередь направлено на защиту законных интересов пострадавших от преступления лиц, принуждает и убеждает подсудимого (осужденного) принимать меры к восстановлению нарушенных прав потерпевших, возмещению причиненного преступлением вреда, применению других законных способов и средств возвращения потерь, понесенных от преступной деятельности. В рамках разумного применения такое правосудие имеет много положительных черт. Восстановительное правосудие преимущественно основывается на том, что совершившее преступление лицо, осознавая последствия своего деяния, активно способствует возмещению причиненного им вреда потерпевшему. При этом не имеет значения, что стало стимулом к таким действиям – же-

лание избежать уголовной ответственности или раскаяние. Главное, что в результате восстановительного правосудия удовлетворяются интересы обеих сторон путем соглашения о примирении сторон и дальнейшего прекращения уголовного дела.

В настоящее время в современном зарубежном уголовном судопроизводстве наблюдается направленность на ускорение уголовного процесса и развитие разнообразных альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, так как карательный подход при разрешении проблем преступности неэффективен как экономически, так и социально.

Программы восстановительного правосудия применяются во многих странах, в частности в Канаде, США, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Финляндии, Норвегии, Австрии, Чехии, Польше, Латвии, Литве, Болгарии и др. Общемировые тенденции восстановительного правосудия оказывают влияние и на другие страны. В ряде стран СНГ (Молдова, Казахстан, Киргизия, Украина) медиация по уголовным делам активно продвигается при осуществлении сотрудничества общественных организаций с правоохранительными органами [1, с. 79].

В настоящее время в России в соответствии с положениями Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» предусматривается нивелирование конфликтов только в гражданском и арбитраж-

ном производства [2]. Однако подобное разрешение споров не является новым в российской юридической практике. Процедуры мирового разрешения конфликтов применялись уже в дореволюционный период истории России, и основывались они не на христианском прощении, а на возмещении убытков со стороны виновных лиц. Такой подход соответствует и концепции современного восстановительного правосудия [3, с. 46].

Внедрение механизмов восстановительной юстиции в современную систему права России началось с проектов, подготовленных Общественным центром «Судебно-правовая реформа» в 1997 г. В настоящее время данную деятельность продолжает осуществлять Всероссийская ассоциация восстановительной медиации [1, с. 9]. Развитие восстановительного правосудия в направлении поиска согласительных видов разрешения уголовно-правовых конфликтов способствует достижению целей уголовного судопроизводства, установленных ст. 6 УПК РФ.

В качестве примера следует указать предусмотренные нормами Уголовного (ст. 75, 76) и Уголовно-процессуального кодексов (ст. 25) прекращение уголовного дела в случае примирения сторон, если имеются основания и соблюдаются условия, установленные законом для уголовных дел небольшой и средней тяжести. В частности, ст. 25 УПК РФ разрешает суду, следователю с согласия руководителя следственного органа и дознавателю с согласия прокурора на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в соответствии со ст. 76 УК РФ, если последний загладил причиненный вред потерпевшему.

Примирение сторон – это соглашение между потерпевшим и обвиняемым, выраженное в восстановлении обвиняемым прав потерпевшего и в одновременном отказе со стороны потерпевшего от претензий уголовно-правового характера. Потерпевший добровольно отказывается от своих первоначальных претензий и требований привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего в его отношении преступление, и выражает желание прекратить уголовное производство, возбужденное по его заявлению. Таким образом, уголовно-правовой спор между обвиняемым и потерпевшим разрешается, а нарушенные преступлением отношения восстанавливаются или сглаживаются.

В ст. 37 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод установлено: «Суд на любой стадии разбирательства может принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства дела позволяют

сделать вывод о том, что спор был урегулирован». В ст. 38 и 39 Конвенции отражена процедура мирового соглашения как дружественного урегулирования конфликта и последующего прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон [4, с. 123]. Примирению с участием посредника (медиатора), оказывающего помощь в данном процессе, в настоящее время уделяется большое внимание.

Медиация рассматривается как посредничество в урегулировании споров между субъектами при участии незаинтересованного лица (медиатора), осуществляемом во внесудебном порядке [5, с. 134].

Медиация состоит в разрешении правовых споров или конфликтов путем применения примирительных процедур без вмешательства должностных лиц правоохранительных органов. В качестве медиатора должно выступать независимое лицо, имеющее профессиональную подготовку для осуществления посреднических действий. Медиатор полномочен вести переговоры в направлении разрешения конфликта путем принятия сторонами взаимно приемлемого решения. Считаем, что для выполнения роли медиатора, в частности по уголовным делам, должно допускаться лицо, не только закончившее соответствующие курсы медиаторов по требованиям Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», но и имеющее высшее юридическое образование. Преимущественным правом при назначении медиатора должны обладать претенденты, имеющие опыт работы по уголовным делам.

Медиативное соглашение между сторонами должно содержать обязательства сторон: со стороны обвиняемого – компенсировать причиненный ущерб потерпевшему, а со стороны последнего – отказ от уголовно-правовых претензий. Таким образом должен быть найден консенсус для обеих сторон.

Внедрение в уголовное судопроизводство медиативных приемов расширяет диспозитивные начала в уголовном процессе. При этом инициаторами могут быть как сами потерпевшие, так и лица, совершившие преступления, по согласованию с должностным лицом правоохранительного органа, у которого в производстве находится уголовное дело.

Существующая концепция восстановительного правосудия позволяет применять механизм медиации во всех действующих видах производств (гражданском, уголовном, административном, арбитражном), что способствует уменьшению нагрузки в работе правоохранительных органов. Внедрение в правовой институт примирения сторон процедуры медиации позволит восстановить нарушенные преступлением права и возместить причиненный потерпевшему вред,

в уголовный процесс не будут вовлечены другие участники (понятые, свидетели, эксперты и т.д.).

Главная идея медиации состоит в том, что противоборствующие стороны, часто имеющие совершенно противоположные интересы в разрешении уголовно-правового конфликта, помогают друг другу выйти из него с наименьшими потерями. С одобрения уполномоченных государственных лиц, в производстве которых находятся материалы уголовных дел, стороны разрешают свой конфликт вне рамок уголовной юстиции, прибегая к помощи медиаторов.

Формы заглаживания причиненного преступлением вреда могут быть различными. Главное, чтобы они устраивали потерпевшего (просьба о прощении, выплата денежных средств, оказание услуг, ремонт и т.д.). Иногда для потерпевшего бывает достаточно раскаяния со стороны преступника.

Следует согласиться с Л.В. Головки, который отмечает, что «альтернативное разрешение уголовно-правовых конфликтов» является одним из наиболее радикальных способов ускорения уголовного процесса за счет его сокращения, учитывая, что производство по уголовному делу может быть завершено на одном из самых ранних этапов судопроизводства, т.е. не только в суде, но и на досудебных стадиях [6, с. 42]. В зависимости от стадии процесса различают судебную медиацию и полицейскую медиацию.

Судебная медиация применяется в судебных стадиях и по всем категориям дел. В постановлении «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития», принятом на VIII Всероссийском съезде судей 19 декабря 2012 г., указано, что принятие закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» делает судебную систему более эффективной, открытой, доступной и независимой, что является основой уважения к суду, а главное, направлено на повышение доверия граждан России к судебной власти, уверенности в способности органов правосудия профессионально и эффективно защитить их права и законные интересы [7].

Однако в действующем законе не предусмотрено применение медиации по уголовным делам. По-видимому, законодатель не рискнул ввести медиацию по всем видам судопроизводства сразу, а решил поэкспериментировать сначала только в рамках судебной медиации по гражданским делам. В то же время вопрос об актуальности введения такой формы по уголовным делам задавался уже в начале второго тысячелетия. К примеру, в 2002 г. в Центре судебно-правовой реформы под руководством И.Л. Петрухина сотрудники разработали поправки в УПК РФ по процедурам использования медиации [8, с. 158–160].

На основании указанных выше положений следует отметить, что российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство содержит значительный потенциал для формирования и развития восстановительного правосудия с целью разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Применение медиации необходимо и возможно на стадии как досудебного, так и судебного производства по уголовным делам. Чем раньше по времени движения уголовного дела будут применены возможности восстановительной юстиции, тем раньше у потерпевшего появится возможность возместить причиненный преступлением вред, а также будет меньше израсходовано государственных сил и средств на производство по уголовным делам.

Уголовное судопроизводство нуждается в модернизации, требуется изыскание оптимальных согласительных форм для достижения установленных в ст. 6 УПК РФ целей. Применение альтернативной процедуры вместо назначения наказания подтверждает курс судебной системы, направленный на гуманизацию уголовного производства, и способствует разрешению других современных проблем данной области. Одной из них является разгрузка судов, следователей, дознавателей, прокуроров путем сокращения уголовных дел в производстве в случае применения досудебной или судебной процедуры медиации.

Преимущества разрешения спора в уголовно-правовой сфере с помощью медиатора-посредника очевидны. К ним следует отнести и разрешение правового конфликта в наиболее короткие сроки с наименьшим количеством финансовых затрат, и сохранение конфиденциальности информации, и возможное дальнейшее партнерство между сторонами.

Практический опыт применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в гражданско-правовых спорах, анализ реализации норм о медиации в зарубежных государствах позволят внести качественные поправки в данный закон и перенести институт медиации в уголовное судопроизводство.

Для того чтобы интеграция института медиации в уголовное судопроизводство проходила наиболее успешно, необходимо сделать ее обязательной досудебной процедурой.

С целью внедрения механизмов восстановительной юстиции в уголовное судопроизводство предлагаем поэтапно реализовать следующие меры:

1. Разработать поправки в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующие основания, условия и процессуальный порядок медиации по уголовным делам.

2. Ввести обязанность применения медиации по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней степени тяжести.

3. Разработать шаблоны программ примирения в зависимости от категорий уголовных дел и видов преступлений.

Считаем, что становление и развитие института медиации соответствует интересам всех правовых государств, так как способствует созданию эффективной системы расследования и рассмотре-

рения уголовных дел, позволит сократить объем судебных дел и затрат, обеспечив быстроту урегулирования уголовно-правовых конфликтов и возможность нивелирования их отрицательных последствий. Кроме того, введение медиации в уголовное судопроизводство расширит доступность и разнообразие процессуальных форм, а также будет способствовать избавлению от неправомерных, силовых способов разрешения конфликтов уголовно-правового характера.

1. Кариозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014.

2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г. № 33) // Собр. законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162; 2013. № 30. Ст. 4066.

3. Замцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007.

4. Права человека: сб. междунар. док. / сост. Л.Н. Шестаков. М., 1986.

5. Смолькова И.В., Пахолкин Н.С. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Изв. ИГЭА. 2012. № 3(83).

6. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.

7. О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях: постановление VIII Всерос. съезда судей от 19 дек. 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ssrf.ru/page/22596/detail/> (дата обращения: 09.12.2018).

8. Петрухин И.Л., Кариозова Л.М., Флямер М.Г. Предлагаемые поправки к УПК РФ // Восстановительное правосудие / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.

1. Kariosova L.M. Introduction to restorative justice (mediation in response to the crime). Moscow, 2014.

2. About alternative procedure of settlement of disputes with participation of the intermediary (mediation procedure): fed. law d.d. July 27, 2010 № 193-FL (as amended on July 23, 2013 № 33) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4162; 2013. № 30. Art. 4066.

3. Zamtsov L.I. Peasant mob: the legal framework and activity of volost courts in post-reform Russia (60–80-ies of XIX century). Voronezh, 2007.

4. Human rights: coll. of intern. acts / comp. by L.N. Shestakov. Moscow, 1986.

5. Smolkova I.V., Pakholkin N.S. The concept of restorative justice in the criminal proceedings // Bull. of ISEA. 2012. № 3(83).

6. Golovko L.V. Alternatives to criminal prosecution in modern law. St. Petersburg, 2002.

7. About the condition of judicial system of the Russian Federation and the main directions: resolution of the VIII all-Russian Congress of judges d.d. Dec. 19, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.ssrf.ru/page/22596/detail/> (date of access: 09.12.2018).

8. Petrukhin I.L., Kariosova L.M., Flyamer M.G. Proposed amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Restorative justice / ed. by I.L. Petrukhin. Moscow, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Яковлева Людмила Валериевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; e-mail: yalv777@mail.ru;

Яковлев Виталий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: ykovlev_v@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

L.V. Yakovleva, Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: yalv777@mail.ru;

V.V. Yakovlev, Candidate of Law, Associate Professor, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ykovlev_v@rambler.ru

Ситуационный подход к установлению причинных связей посредством судебной экспертизы

Рассматривается актуальный для современной криминалистики вопрос, связанный с использованием ситуационного подхода в судебно-экспертной деятельности, обосновывается важность указанного подхода для установления причинных связей через проведение судебных экспертиз с целью определения отношений между явлениями, предметами и процессами в механизме преступления.

Ключевые слова: ситуационный подход, причинно-следственные связи, механизм преступления, судебная экспертиза.

Situational approach to establishing causal relations through forensic examination

In this publication, the author considers the topical issue of modern criminology related to the use of situational approach in forensic activities, substantiates the importance of this approach to establish causal relationships through forensic examinations in order to determine the relationship between phenomena, objects and processes in the mechanism of crime.

Key words: situational approach, cause-and-effect relations, mechanism of crime, forensic examination.

Сущность ситуационного подхода состоит в том, что любое познаваемое событие анализируется субъектом криминалистической деятельности во взаимосвязи и динамике составляющих его ситуаций. Это утверждение сделано Т.С. Волчецкой [1, с. 18], и с ним нужно согласиться. Следует указать, что определения ситуационного подхода в криминалистической литературе практически отсутствуют, и это вполне понятно, так как достаточно трудно выразить существенные признаки данного понятия, ограничив их определенными рамками. Вместе с тем содержательно это понятие разработано достаточно хорошо, что позволяет эффективно использовать его в научных исследованиях и правоприменительной деятельности [см., например: 2].

Использование положений ситуационного подхода актуально для криминалистической деятельности, связанной с расследованием преступлений вообще, назначением и проведением судебных экспертиз в частности, в том числе и для установления причинно-следственных связей.

Проблема установления причинных связей посредством экспертных исследований имеет свою историю. Она активно исследовалась в трудах Т.В. Церетели [3, с. 326], В.Б. Малинина [4, с. 318], Б.С. АнтимONOва [5, с. 74, 75], З.М. Соколовского [6, с. 138–139] и других известных ученых.

По нашему мнению, решение вопроса о том, назначать или не назначать судебную экспертизу для установления причинных связей в процессе расследования преступления, должно опираться исключительно на положения закона (ст. 57 УПК РФ) о ее назначении при необходимости привлечения носителей специальных знаний.

Анализ вопросов, формулируемых для разрешения экспертами, позволяет разделить их на две большие группы.

К первой группе относятся вопросы, касающиеся задания эксперту установить обстоятельство, которое еще неизвестно и для установления которого требуются специальные знания.

Во вторую группу входят вопросы, которые формулируются, когда обстоятельство известно, оно фигурирует в деле, но от эксперта требуется прокомментировать это обстоятельство, «расшифровать» его, высказать о нем свое суждение на основе специальных знаний.

Возвращаясь к вопросу о том, когда необходимо назначить экспертизу для установления причинных связей, следует разграничить (насколько это возможно) две категории экспертиз причинности.

Первая категория касается экспертиз, устанавливающих наличие (отсутствие) причинной связи между доказываемыми фактами (обстоятельствами) и «главным фактом». В более ши-

роком плане это установление причинной связи между доказательственными фактами и обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

Вторая категория экспертиз причинности – это те, которые, по выражению А.А. Пионтовского, изучают «случайные» связи, мы же будем именовать их причинными связями отражения криминалистически значимой информации, для изучения которых и создается криминалистическая теория причинности.

Таким образом, так называемые уголовно-процессуальные экспертизы причинности касаются доказательственных фактов и связей между ними, а так называемые криминалистические экспертизы причинности – исследования вещественных доказательств и документов.

Деление экспертиз на две предложенные категории необходимо хотя бы потому, что степень и форма их участия в решении вопросов причинности различаются. Первые напрямую относятся к доказыванию по делу, вторые «поставляют» материал, который может быть использован для доказывания. Первые устанавливают причинную связь в сфере объективной стороны преступления, вторые позволяют судить лишь об отражении события в материальных носителях криминалистически значимой информации, т.е. способствуют доказыванию первых обстоятельств.

Рассмотрим ситуации необходимости назначения экспертиз для уголовно-процессуального установления причинной связи между доказательственными фактами.

В уголовном процессе доказывание начинается с построения и проверок следственной версии. Приступая к расследованию, следователь располагает информацией, в том числе и той, которая заложена в материальных носителях в результате отражения в них механизма преступления. Используя эти отражения как следствие, он стремится установить причины их происхождения, каждого отражения в отдельности и всех в совокупности. Это должно позволить ему получить представление об элементах события преступления. Отсюда понятно, почему проблема установления причинно-следственных связей занимает центральное место в доказывании, а вопросы причинности и доказывания были предметом изучения юристами разных поколений (см. труды В. Владимирова [7], М.С. Строговича [8], Р.С. Белкина [9], З.М. Соколовского [10], И.М. Лузгина [11] и др.).

За установлением причинных связей для получения знаний о механизме преступления последует установление причинных связей

между общественно опасным деянием и наступившими последствиями, поскольку в уголовном праве представляют интерес только начало и конец причинного ряда, т.е. причина и следствие. «Фактически под термином причинная связь, – пишет В.Н. Кудрявцев, – нередко кроется ряд взаимодействующих явлений, которые мы в отдельности не дискутируем, так как нас интересует только начало и конец соответствующей цепи, именуемой нами причиной и следствием» [12, с. 188]. В уголовно-процессуальном аспекте перед следователем стоит задача установления причинных связей между обстоятельствами, доказательствами по делу вообще и причинных связей в доказательственных рядах в частности.

Переходя от уголовно-процессуальной причинности к криминалистической (эти условные названия представляются удобными ввиду их краткости и содержательности), мы, естественно, перенесем акцент на исследование вещественных доказательств и документов как носителей информации о событии преступления.

На первое место среди задач, решаемых при исследовании вещественных доказательств, в том числе с целью установления причинных связей, следует поставить криминалистическое отождествление. В пользу этого можно привести как минимум два аргумента. Так, решение задач отождествления предоставляет больше всего фактов, приближающих отождествленный объект к предмету доказывания за счет тех самых «случайных» причинных связей, которые индивидуализируют этот объект. Вторым аргументом – это давно и обстоятельно разработанная теория криминалистической идентификации.

С отождествлением, явным или скрытым, мы имеем дело в любом акте познания. Вся жизнь человека состоит из ответных реакций на внешние и внутренние раздражители. В поисках правильного решения мы ищем тождественные образы этих раздражителей (ситуаций), используя отождествление в самом широком смысле этого термина (отождествление рода, отождествление свойства и т.п.). При экспертном исследовании, при решении любой задачи также реализуется акт отождествления, в частности для того, чтобы убедиться в том, что представленный нам объект тот самый, который был изъят и направлен на экспертизу.

В становлении и развитии теории криминалистической идентификации могут быть отмечены как отрицательные, так и положительные моменты в определении задач отождествле-

ния (см., например, работы С.М. Потапова [13, с. 66], А.И. Винберга [14, с. 40], Н.В. Терзиева [15, с. 4], А.А. Эйсмана [16, с. 4]).

Значительное влияние на изучение рассматриваемого вопроса оказали появление категории диагностических задач, разработка их четкой классификации и выделение задач классификационных [17].

При решении вопроса о назначении экспертиз, решающих диагностические задачи, следователь должен исходить из того, что диагностика в самом общем плане позволяет определить (выделить, изучить, распознать) свойства объекта и его состояние, установить обстоятельства, свидетельствующие об изменении первоначального состояния объекта как результате отражения в нем события преступления, установить причину этих изменений и ее связь с преступным событием (мера связи будет определена следователем (судом) при оценке всех обстоятельств, собранных по делу). Напомним, что под объектом понимается как отдельный предмет, так и явление, ситуация.

Ю.Г. Корухов так определяет предмет криминалистической диагностики: «Предметом криминалистической диагностики является познание изменений, происшедших в результате совершения преступления, причин и условий этих изменений на основе избирательного изучения свойств и состояния взаимодействовавших объектов с целью определения механизма преступного события в целом или его отдельных фрагментов» [18, с. 100]. Как видно из приведенного определения, диагностика напрямую считает определение причинных связей и условий одной из своих основных задач. Диагностические задачи многозначны и разнообразны, они могут касаться самых различных вариантов установления причинных связей.

1. Установление механизма отдельных стадий (этапов, фрагментов) события преступления.

Это может быть установление причины возникновения отдельных следов, в частности направления движения транспортного средства (1) при столкновении с транспортным средством (2), их взаимного расположения в момент первичного соударения; определение направления взлома (снаружи – внутрь или внутри – наружу) по следам пролома в преграде, т.е. выявление, не имела ли место инсценировка взлома, и т.д.

Подобное определение фрагментов преступного события значимо само по себе, а в совокупности с другими обстоятельствами может играть решающую роль в установлении всей цепи причинных связей.

2. Установление пространственной структуры обстановки преступного события.

Эта задача сводится к определению границ места происшествия, что должно позволить абстрагировать его от иных внешних связей, т.е. обеспечить реализацию одного из требований к установлению причинных связей. Например, где, в каком месте происходило преступное событие, какие следы находятся в причинной связи с приходом лиц (доставкой транспорта) на место происшествия, какие следы свидетельствуют об уходе и его направлении, в каком направлении двигалось ТС. Определение локального участка местности в дальнейшем может быть использовано для отождествления следов от этого места (почвы, семян растений и т.п.) на одежде субъекта (трупа).

3. Определение вещной структуры обстановки места происшествия. При решении задач этой направленности возможно установление свойств и состояний объектов материальной обстановки места происшествия, характера изменений под действием события преступления, определение того, отображением каких действий являются эти изменения (следы).

Наряду с этим диагностика вещной структуры места происшествия позволяет установить причинную связь между этой обстановкой и выбором преступником данного места для совершения преступления, определить время совершения преступления, подбор средств и выполнение приемов совершения преступления, определяемых обстановкой места.

Определение структуры вещной обстановки позволяет предположить наличие причинной связи между этой структурой и следами, обнаруженными на одежде и теле преступника, на транспортном средстве (проверяемом).

4. Установление временных характеристик преступного события. Решение задач этой категории позволяет устанавливать: когда, в какой период времени произошло преступное событие; как долго оно могло продолжаться, судя по оставленным следам и примененным техническим средствам; в какой последовательности совершались действия (фрагменты) преступного события; какие следы образовались раньше, а какие позже и т.п.

Признаки, позволяющие устанавливать указанные характеристики, достаточно разнообразны, но должны быть известны следователю и учитываться им при определении причинных связей и назначении экспертизы: это и атмосферные условия (дождя, после дождя), и сигналы передачи по радио и телевидению, идущие в определенное время; это

проращение плесени и развитие трупных вредителей (их личинок) как показатель длительности нахождения трупа в конкретном месте, это время, требуемое для совершения определенных действий.

5. Определение свойств действующих объектов (предметов, орудий, лиц, транспортных средств) позволяет устанавливать количество объектов (преступников), характер их функционирования (обладало ли лицо профессиональными или преступными навыками взлома), какое производственное оборудование и какие навыки были применены при изготовлении огнестрельного оружия или взрывчатого устройства, исправно ли транспортное средство, если неисправно, то какова причина этой неисправности, и т.п.

Данная группа обстоятельств позволяет установить причинную связь в отдельном звене, в двух последовательных звеньях (свойства объекта и время его действия), а также во всей причинной связи преступного события в целом.

6. Ретроспективное исследование причинно-следственных связей. В эту группу входят многие задачи из указанных ранее, в частности задачи, касающиеся определения состояния действовавших при совершении преступления объектов. И выделение группы задач по установлению причины события (действия) вполне оправданно. Такие задачи (точнее их решение) имеют прямой выход на установление причинно-следственных связей, что и определяет их значение для дела.

7. Прогнозирование действия причинно-следственных связей и необходимых для этого условий. Здесь прогнозируется возможность несостоявшегося действия причины, когда это имеет значение для расследования или определения тяжести содеянного. Например, «каковы могли быть последствия срабатывания данного СВУ в вагоне метрополитена в тоннеле»; «каковы могли быть последствия таких-то действий конкретного лица при захвате самолета»; «какие следы могли (должны) были остаться на скрывшемся ТС в результате данного ДТП» и т.п.

8. Установление механизма преступного события в целом. Этот вид исследования может быть поименован интегративной дисциплиной, где решаются многие из задач, упомянутых ранее. Это своего рода ситуационный анализ в диагностике, когда используются все формы отражаемой информации: личностной – об участниках события преступления (активных и пассивных); предметной – об объектах, отражаемых и отражающих (иначе говоря, об иден-

тифицируемых и идентифицирующих), операционной – обо всех материальных действиях, имевших место при подготовке, совершении и сокрытии преступления.

9. Установление соответствия (несоответствия) события, ситуации, описываемой участниками процесса, реальным событиям. Это не проверка и оценка доказательств, что не является функцией судебного эксперта. Это моделирование возможной (или реальной) ситуации на основе специальных знаний и сопоставление ее с материалами дела (протоколом допроса, схемой и протоколом ДТП и т.п.). По своей сути это экспертное видение ситуации на основе анализа всей собранной по делу информации с логическим установлением причин каждого реального отражения. Несовпадение этой модели с зафиксированными материалами дела может означать либо умышленное, либо небрежное искажение информации и требовать новой проверки.

10. Установление криминогенных факторов, составляющих элементы причин и условий преступного события. Задачи данной группы ставят своей целью выяснение обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Эти обстоятельства могут располагаться в широком спектре причин и условий: от коррупционных связей, созданных для совершения преступлений через решение организационных и управленческих вопросов (неправильное размещение дорожных знаков, ненадлежащая система внешнего наблюдения с помощью видеокamer), до чисто технических причин и условий (недостатки конфигурации замка, не обеспечивающего надлежащих условий запираения; технические несовершенства бланка документа, обуславливающие возможность его подделки, и т.п.).

Аналогичную классификацию задач криминалистической диагностики дает Е.А. Холина [19, с. 75–78].

Анализ приведенных выше 10 категорий диагностических задач, решаемых экспертизой, свидетельствует о том, что каждая из категорий связана с установлением причины, следствия, условий. Вопрос «Каким образом оставлены следы?» может быть трансформирован в вопрос «Какова причина образования следа, или что явилось причиной и условиями данного отражения?». Причины отражения события преступления, причины изменения обстановки, в которой совершалось преступление, условия его совершения и условия отражения – эти и подобные им вопросы составляют содержание каждой из приведенных групп.

В сформированных группах решаются вопросы причинности по оставленным последствиям и прогнозируется возможное развитие причины, «не сработавшей» в силу известных обстоятельств, т.е. причины, которая из возможной не превратилась в действующую. Формирование таких групп достаточно закономерно. Задачи непосредственного установления настолько значимы,

что они могут считаться общими, главными при установлении причинно-следственных отношений.

В целом же приведенные группы могут служить хорошим ориентиром для следователя при решении им вопроса, какие причинные связи и с помощью какой экспертизы могут быть установлены, какие для этого необходимо сформулировать вопросы.

1. Волчецкая Т.С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии. Калининград, 2012.

2. Яблоков Н.П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии. Калининград, 2012.

3. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963.

4. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999.

5. Антимонов Б.С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Тр. научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. М., 1948.

6. Соколовский З.М. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинных связей явлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1968.

7. Владимиров В. Учение об уголовных доказательствах. Харьков, 1882.

8. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

9. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966.

1. Volchetskaya T.S. Genesis, modern tendencies and prospects of development of forensic situation theory at the present stage // Situational approach in legal science and law enforcement activity: proc. of the Intern. sci. and practical conf. «Actual problems of use of the situational approach in the legal science and law enforcement activity», dedicated to the 10th anniversary of the scientific school of forensic situation theory. Kaliningrad, 2012.

2. Yablokov N.P. The situational approach as one of the methods of scientific cognition in forensic mindset of the subjects of forensic activities // Situational approach in legal science and law enforcement activity: proc. of the Intern. sci. and practical conf. «Actual problems of use of the situational approach in the legal science and law enforcement activity», dedicated to the 10th anniversary of the scientific school of forensic situation theory. Kaliningrad, 2012.

3. Tsereteli T.V. Causation in criminal law. Moscow, 1963.

4. Malinin V.B. Causation in criminal law: issues of theory and practice: diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 1999.

5. Antimonov B.S. To the question about the concept and importance of causation in civil law // Proceedings of the scientific session of the All-Union institute of legal sciences, July 1–6, 1946. Moscow, 1948.

6. Sokolovsky Z.M. Problems of use in criminal proceedings of special knowledge at establishment of causal communication of the phenomena: diss. ... Dr of Law. Kharkov, 1968.

7. Vladimirov V. The doctrine of criminal evidence. Kharkov, 1882/

8. Strogovich M.S. Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process. Moscow, 1955.

9. Belkin R.S. Gathering, research and evaluation of evidence. Moscow, 1966.

10. Sokolovsky Z.M. Problems of use of special knowledge in criminal proceedings at establishment of causal connection of the phenomena: diss. ... Dr of Law. Kharkov, 1968.

10. Соколовский З.М. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве при установлении причинной связи явлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1968.
11. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973.
12. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
13. Потапов С.М. Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право. 1940. № 1.
14. Винберг А.И. Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы // Советское государство и право. 1961. № 6.
15. Терзиев Н.В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности: лекции по криминалистике. М., 1961.
16. Эйсман А.А. Некоторые вопросы теории исследования вещественных доказательств // Вопросы криминалистики. 1962. № 5(20).
17. Снетков В.А. Проблемы криминалистической диагностики // Тр. ВНИИ МВД СССР. 1972. Вып. 23.
18. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика для экспертов. М., 2007.
19. Холина Е.А. Установление причинно-следственных связей при производстве судебных экспертиз. М., 2012.
11. Luzgin I.M. Methodological problems of investigation. Moscow, 1973.
12. Kudryavtsev V.N. The objective side of the crime. Moscow, 1960.
13. Potapov S.M. Principles of forensic identification // Soviet state and law. 1940. № 1.
14. Vinberg A.I. Pressing issues of theory and practice of forensic examination // Soviet state and law. 1961. № 6.
15. Terziev N.V. Identification and determination of generic (group) affiliation: lectures on forensic science. Moscow, 1961.
16. Eysman A.A. Some questions of the theory of the study of physical evidence // Forensic science issues. 1962. № 5(20).
17. Snetkov V.A. Problems of forensic diagnostics // Proceedings of the National research institute of the Ministry of the Interior of the USSR. 1972. Iss. 23.
18. Koruhov Yu.G. Forensic diagnostics for experts. Moscow, 2007.
19. Kholina E.A. Establishment of cause-and-effect relationships in the production of forensic examinations. Moscow, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Игнатьев Михаил Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.E. Ignatyev, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov; e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

---

Симоненко Дмитрий Александрович
Ефанов Сергей Иванович
Агеенков Александр Александрович

Ограничение конституционных прав граждан при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий, связанных с проникновением в жилище: проблемы и пути их решения

На основе практических ситуаций рассматриваются вопросы, связанные с возможностью проникновения сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел в жилище граждан против их воли. Проводится анализ уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Даются рекомендации сотрудникам по практическим действиям в различных ситуациях.

Ключевые слова: жилище, неприкосновенность, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, оперативный сотрудник, проникновение против воли, преступление.

The restriction of the constitutional rights of citizens when performing specific investigative measures related to the forcible entry by police: problems and their solutions

The article is devoted to the case study related to the possibility of the forcible entry into the housing against will of its owners by the police investigators. The authors review criminal law, law of criminal procedure and investigative legislation. In addition, they provide instruction for acting in different situations.

Key words: home, inviolability, investigative activity, investigative measures, police investigator, entry against the will, crime.

Борьба с преступностью является основной задачей всех правоохранительных органов нашей страны, а своевременное задержание лиц, совершивших преступления, – залогом успешного расследования уголовного дела и неотвратимости наказания.

К сожалению, в практической деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) России и научной среде вопросы, касающиеся возможности, оснований и пределов проникновения в жилые помещения помимо воли проживающих там граждан, до настоящего времени являются дискуссионными. Вместе с тем они крайне актуальны, поскольку от правомерности действий сотрудников зависит не только охрана прав и свобод граждан, но и защищенность самого оперативника, их осуществляющего. Рассмотрению данных вопросов и будет посвящена наша статья.

Представим себе ситуацию, периодически возникающую в деятельности ОВД, когда оперативный сотрудник, например, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) реализует имеющуюся информацию о возможном факте

получения незаконного вознаграждения, взятки либо коммерческого подкупа соответствующим лицом. Все разговоры сторон фиксируются, деятельность тщательно документируется, но на финальном этапе, уже после самого факта получения денег, фигурант внезапно исчезает за дверями своей квартиры, на просьбы оперативника не реагирует, дверь не открывает, сам не выходит, предмет преступления не выдает. Альтернативной может являться ситуация, при которой фигурант задержан и находится с оперативником, однако все доказательства преступной деятельности или предметы преступления находятся дома, а он сам категорически возражает против проникновения туда. В таких ситуациях перед оперуполномоченным встает непростой вопрос: что ему делать дальше и в каких именно пределах? Возможно ли проникновение в жилое помещение против воли получателя незаконного вознаграждения до возбуждения уголовного дела и как именно?

Отметим, что необходимо четко разделять вопросы проникновения в жилище и проведения в нем последующего обследования. В соответствии со ст. 25 Конституции РФ [1] жилище

неприкосновенно. Никто не вправе проникать в него против воли проживающих там лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. То есть основной закон страны императивно установил только два основания проникновения в жилище против воли проживающих там лиц: первое – это наличие четко установленных случаев, предусмотренных законом; второе – на основании судебного решения.

Абсолютная ценность права на неприкосновенность жилища подчеркивается, в числе прочих, еще и тем обстоятельством, что нарушение этого права в соответствии со ст. 139 УК РФ признается преступлением. Сотрудник же правоохранительных органов, нарушивший данное право, будет в совокупности дополнительно нести еще ответственность и по ст. 286 УК РФ за превышение должностных полномочий.

Рассматривая первое основание, отметим, что случаи проникновения в жилище могут быть предусмотрены только законами федерального уровня, к которым обоснованно относятся конституционные федеральные законы и федеральные законы Российской Федерации. Никакие законы регионального уровня, а также нормативные правовые акты различных министерств и ведомств, в том числе и федерального уровня, устанавливать их не могут.

Все подобные случаи проникновения в жилище по правовому содержанию целесообразно разделить на две основные группы:

1) проводимые в рамках исполнения законов федерального уровня, но не в рамках уголовного процесса;

2) проводимые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Рассмотрение первой группы считаем целесообразным начать с Федерального закона «О полиции» [2]. Действительно, ст. 15 данного Закона предусматривает право проникновения сотрудника полиции в жилище. Причем его вхождение будет всегда законным, если не противоречит воле проживающих там лиц. Данное условие не будет выполняться в случае:

если хотя бы одно из проживающих в жилище лиц в любой форме выражает свое несогласие с проникновением туда сотрудника полиции;

если лицо, проживающее в жилище, пребывает в состоянии, исключающем возможность самостоятельного выражения согласия или несогласия с проникновением сотрудника полиции в жилище (бессознательное состояние, тяжелая степень опьянения и т.п.);

если в жилище отсутствует кто-либо из проживающих там лиц.

Все остальные случаи считаем целесообразным отнести к тем, при которых проникновение будет считаться проведенным с согласия соответствующих лиц.

Статья 15 Федерального закона «О полиции» предлагает следующие варианты вхождения в жилые помещения против воли проживающих там лиц:

1) для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;

2) для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления;

3) для пресечения преступления;

4) для установления обстоятельств несчастного случая.

Однако применительно к рассматриваемой ситуации могут быть использованы только второй и третий случаи, поскольку непосредственно в квартире преступлений не совершалось, массовых беспорядков и чрезвычайных ситуаций не случалось, несчастных случаев не возникало. При этом в случаях, когда фигурант находится с сотрудником, второе положение просто неприменимо. Для случаев же пресечения преступления проникновение в жилище формально допускается. Вместе с тем необходимо отметить, что подобная информация должна иметься у оперативника (либо он должен ею потенциально обладать) и найти соответствующее отражение как минимум в деле оперативного учета. Проникновение же «на всякий случай» не допускается.

Данный вариант вхождения в жилище будет законным только в том случае, если там непосредственно совершается какое-либо преступление. Сюда формально подходят случаи с хранением наркотических средств, взрывчатых веществ и оружия. Однако если оперативник собирает изъяты, например, не запрещенные к свободному обороту деньги, вещи и т.п., являющиеся предметом либо орудием преступления, а также вещественными доказательствами, то вхождение «для пресечения преступления» будет незаконно, поскольку их хранение не образует самостоятельного преступления и не нарушает каких-либо норм. Таким образом, очевидно, что проникновение в жилище против воли задержанного и находящегося с сотрудником фигуранта при рассматриваемых условиях на основании ст. 15 Федерального закона «О полиции» будет считаться незаконным, и все полученные в этом случае результаты также будут признаны незаконными.

Отметим, что если фигурант укрылся от сотрудника за дверью своей квартиры, то предлагаемый Федеральным законом «О полиции»

вариант вхождения, предусматривающий задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, следует считать приемлемым. Вместе с тем оперативникам необходимо учитывать, что в данном случае проникновение должно быть вызвано необходимостью принятия именно оперативных, срочных мер, не терпящих никаких отлагательств. То есть проникновение должно осуществляться сразу, когда оперативник уверен в том, что преступник зашел в жилище, а не спустя некое значительное время, когда нет точной уверенности в этом, а также в том, что в настоящее время преступник находится там. Это будет соответствовать нормам законодательства, логике правоприменения и сформировавшейся позиции Конституционного Суда РФ [3].

Несмотря на кажущуюся простоту изложения, в правоприменительной практике этот способ используется нечасто, поскольку его понимание варьируется в отличающихся ситуациях. В практических органах и научных кругах существуют разные точки зрения по этому вопросу. Так, некоторые считают, что в этом случае «...термин “лицо, подозреваемое в совершении преступления” используется законодателем в административно-правовом, а не в уголовно-процессуальном смысле» [4; 5, с. 124]. Другие полагают, что речь идет именно об уголовно-процессуальных мерах, что предусматривает применение положений ст. 91 УПК РФ [6, с. 37].

Не вдаваясь в полемику по этому вопросу, отметим лишь, что каждая из указанных точек зрения обоснованна и имеет право на существование. Мы отчасти согласны с обеими позициями, но считаем, что такая конструкция указанных правовых норм не обеспечивает правовую защиту сотрудников полиции, проникающих в жилище граждан против их воли. Это дает широкий выбор квалификации их действий различными субъектами контроля и будет способствовать проявлению пассивности в работе оперативных подразделений.

В связи с этим, по нашему мнению, в Федеральный закон «О полиции» необходимо внести изменения, дополнив ч. 3 ст. 15 пунктом 5 следующего содержания: «5) для задержания лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, и (или) скрывающихся с места совершения ими такого деяния, а также установления обстоятельств совершенного преступления». В таком случае оперативник ЭБиПК сможет на законных основаниях проникнуть в жилище против воли проживающих там лиц и не опасаться возможного наступления уголовной ответственности за превышение полномочий и незаконное проникновение в жилище.

Примерно такая формулировка используется в положениях Федерального закона «О федеральной службе безопасности» [7] (далее – ФЗ о ФСБ). Так, предусмотрено ст. 13 право на беспрепятственное вхождение в жилые помещения развито в положениях ст. 14.1 «Проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории» и является более проработанным. Там прямо указано на то, что допустимо входить в жилые помещения против воли проживающих там граждан, в том числе и со взломом запирающих устройств, в следующих случаях:

- 1) для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;
- 2) для задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления;
- 3) для пресечения преступления;
- 4) для установления обстоятельств несчастного случая;
- 5) для задержания лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, и (или) скрывающихся с места совершения ими такого деяния.

Это позволяет соответствующим должностным лицам на законных основаниях проникать в жилище граждан против их воли для задержания граждан, застигнутых на месте преступления либо скрывающихся после его совершения. Вместе с тем стоит учитывать, что совершать подобные действия имеют право только военнослужащие органов ФСБ, и никто другой. Поэтому сотрудник подразделения ЭБиПК воспользоваться данной нормой самостоятельно не может.

Наряду с Федеральным законом «О полиции», возможность проникновения в жилище против воли проживающих там лиц предусмотрена п. 11 ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] (далее – ФЗ об ОРД), п. 3 ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», и в ряде случаев при различных организационно-тактических ситуациях указанные положения могут использоваться и сотрудниками подразделений ЭБиПК.

Возможность проникновения в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан дает и ст. 3 Жилищного кодекса РФ [9]. Она подтверждает неприкосновенность жилища, но позволяет совершать данные действия в трех ситуациях: 1) для задержания лиц,

подозреваемых в совершении преступлений; 2) для пресечения совершаемых преступлений; 3) для установления обстоятельств совершенного преступления либо произошедшего несчастного случая. В рассматриваемом нами случае это абсолютно применимо, совершенно справедливо и необходимо активно использовать.

Второй группой случаев проникновения в жилище граждан против воли проживающих там лиц является проникновение в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

Наиболее правильным и законным в предлагаемой нами ситуации будет проведение следственного действия, как обыск. В соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ [10] он допустим и при отсутствии судебного решения, с чем согласился и Конституционный Суд РФ [11]. Вместе с тем необходимо учесть, что обыск проводится только при наличии возбужденного уголовного дела и на основании соответствующего постановления. Реальное же положение дел в правоохранительной сфере на сегодняшний день таково, что, пока пройдет процедура согласования полученных результатов ОРД, все следы преступления преступниками уже давно будут уничтожены. К тому же оперативники, к сожалению, стараются подключать следственные органы лишь на завершающей стадии документирования преступных действий лиц. Вследствие этого теряются наступательность, оперативность и внезапность при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Выходом из данной ситуации, по нашему мнению, является использование института неотложных следственных действий. В соответствии со ст. 157 УПК РФ при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания, к которому относится и сотрудник оперативного подразделения, имеет право на самостоятельное возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий. Сделать это может любой из оперативников того же органа дознания, проводившего ОРМ, по письменному распоряжению руководителя органа. Единственное ограничение – он не должен был принимать участие в непосредственном осуществлении ОРМ в отношении фигуранта.

Действующий УПК РФ предусматривает такую возможность и дает полное право на проведение неотложных следственных действий, направленных на закрепление доказательственной базы, фиксацию обстановки и предметов преступления. Однако в подобном

случае соответствующий руководитель оперативного подразделения должен заранее предусмотреть методическую подготовку этого сотрудника и обеспечить его необходимыми бланками. При таком алгоритме действий входение в помещение против воли проживающих там лиц будет осуществлено в соответствии с правовыми нормами и нарушений конституционных прав граждан не прогнозируется.

Вторым основанием проникновения в жилище против воли проживающих там лиц можно считать установленное ст. 25 Конституции РФ наличие судебного решения. Действительно, в практике нередки ситуации, когда оперативниками получают решения районных или областных судов на проведение ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Вместе с тем наличие на руках данного документа может создать у оперативника ложное представление о том, что указанное в законе «решение суда» у него есть, и с ним он фактически может проводить обыск, но только оформить его протоколом осмотра, актом либо протоколом изъятия. На самом деле ситуация обстоит далеко не так.

Опыт практической деятельности и многочисленные документы суда позволяют обоснованно утверждать, что судами на основании ходатайств оперативных подразделений даются разрешения именно на проведение ОРМ, перечисленных в ФЗ об ОРД, а не каких-либо еще. А такого вида ОРМ, как проникновение в жилище, закон не предусматривает. Причем ни в одном из подготовленных и изученных нами документов не имелось указаний на возможность проведения ОРМ «против воли». А в таком случае условия проникновения в жилище, обозначенные в Конституции РФ, отсутствуют.

В данном случае речь идет исключительно об осмотре помещения. Вопросы проникновения в жилище «против воли» должны быть особо оговорены и иметь отражение в постановлении суда. А без этого подобный документ дает возможность оперативнику провести осмотр жилища лишь в случае согласия лица. То есть в соответствии с действующим законодательством в случае проникновения в жилище сотрудник должен ограничиться лишь внешним осмотром помещения без каких-либо активных действий. Действия же поискового характера фактически будут по своему содержанию подменять рассматриваемое ОРМ проведением следственных действий «обыск» либо «осмотр места происшествия», на которые необходимых документов нет. А если фактически прово-

дятся следственные действия, то необходимо соблюдать форму и основания их проведения. В противном случае полученные результаты и доказательства однозначно будут признаны судом как полученные незаконно. Подобная позиция основана на определениях Конституционного Суда РФ [12; 13] и учитывается нижестоящими судами при рассмотрении жалоб граждан на схожие по своему содержанию действия оперативников.

Таким образом, очевидно, что подобное решение суда без конкретного указания на проникновение в жилище «против воли» дает возможность проведения лишь внешнего осмотра помещения, но никак не проникновения в него, и об этом необходимо постоянно помнить.

Отдельно предлагаем остановиться на возможности проникновения в жилище против воли проживающих там лиц, обозначенной в ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД. Напомним, что в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, допускается проведение ОРМ, ограничивающих право на неприкосновенность жилища, с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его проведение.

Вместе с тем, по нашему мнению, возможность проникновения в жилище фигуранта против его воли после его задержания без предмета преступления, который находится дома, на основании данных норм довольно иллюзорна.

Во-первых, это должны быть конкретные случаи, не терпящие отлагательства, которые могут привести к совершению конкретного самостоятельного преступления. Применительно к нашей ситуации первоначального задержания «взяточполучателя» необходимость немедленного проведения обследования жилого помещения с целью изъятия доказательств его преступной деятельности отсутствует. Предметы или орудия преступления находятся в относительно известном нам месте, и далее действовать необходимо процессуальными мерами. Следуя логике законодателя, в данном случае необходимо решить вопрос о возбуждении уголовного дела и проведении уже следственного действия – обыска, поскольку задержанный находится с сотрудником, нахождение денег и

иных документов, не запрещенных к свободному обороту, не содержит самостоятельного состава преступления, а изымать их необходимо уже с соблюдением конституционных и уголовно-процессуальных норм. Поэтому данное условие не соблюдается.

Во-вторых, признаки документируемого преступления должны обязательно относиться к категории тяжких и особо тяжких, и никаких иных.

В-третьих, должно проводиться именно ОРМ. Как уже отмечалось, действующее законодательство такого ОРМ, как «проникновение в жилище», не содержит. Проведение же «обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при отсутствии согласия лица невозможно по изложенным выше обстоятельствам.

Очевидно, что все эти положения не содержат законодательного разрешения на проникновение в жилище против воли проживающих там лиц. В данном контексте речь идет больше о проведении технических либо поисковых мероприятий без первоначального получения разрешения суда или о негласном обследовании жилища. Возможностей же проникновения в жилище против воли проживающих там лиц указанные положения не дают.

Таким образом, подводя итог нашим размышлениям, позволим себе сделать следующие основные выводы.

1. Наиболее оптимальным, законодательно и тактически правильным будет являться проникновение сотрудников полиции в жилище против воли проживающих там лиц с целью изъятия предметов и орудий преступления на основании ст. 3 Жилищного кодекса РФ.

2. Проникновение в жилище сотрудников полиции против воли проживающих там лиц на основании решения суда дает такую возможность только в случае прямого указания на это в решении суда.

3. Проникновение в жилище против воли проживающих там лиц при отсутствии постановления о производстве обыска или решения суда с соответствующими указаниями не дает права сотрудникам полиции на производство поисковых действий.

4. Для законодательного подкрепления возможности проникновения в жилище сотрудников ОВД против воли проживающих там лиц с целью изъятия предметов и орудий преступления необходимо внести изменения в ст. 15 Федерального закона «О полиции».

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.

2. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 17 февр.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Комарова Алексея Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 18 статьи 11 Закона Российской Федерации «О милиции»: определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2001 г. № 61-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Аврутин Ю.Е., Булавин С.П., Соловей Ю.П., Черников В.В. Комментарий к Федеральному закону «О полиции»: постатейный. М., 2012.

5. Давыдов С.И. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при разрешении типичных оперативно-розыскных ситуаций // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов всерос. круглого стола, 3 нояб. 2011 г. / Российская академия правосудия (Северо-Западный филиал). СПб., 2011.

6. Соловей Ю.П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции» // Административное право и процесс. 2012. № 3.

7. О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ // Рос. газ. 1995. 16 апр.

8. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. 1995. 18 авг.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

9. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ // Рос. газ. 2005. 15 янв.

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № 911-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чумакова Александра Владимировича на нарушение его конститу-

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 // Russian newsp. 1993. Dec. 25.

2. About the police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 № 3-FL // Russian newsp. 2011. Febr. 17.

3. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Komarov Alexey Borisovich on violation of his constitutional rights by paragraph 18 of article 11 of the Law of the Russian Federation «On Militia»: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. March 6, 2001 № 61-O [Electronic resource]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

4. Avrutin Yu.E., Bulavin S.P., Solovey Yu.P., Chernikov V.V. Commentary on the Federal Law «On Police»: article by article. Moscow, 2012.

5. Davydov S.I. Problems of compliance with the constitutional rights of citizens when resolving typical operational-search situations // Constitutional and legal problems of operational-search activity: proc. of the All-Russian round table, Nov. 3, 2011 / Russian Academy of Justice (North-West Branch). St. Petersburg, 2011.

6. Solovey Yu.P. Entry (penetration) of police officers into residential and other premises, on land plots and territories as a measure of state coercion provided by the Federal Law «On Police» // Administrative law and process. 2012. № 3.

7. On the Federal Security Service: fed. law d.d. Apr. 3, 1995 № 40-FL // Russian newsp. 1995. Apr. 16.

8. On the Operational-Search Activity: fed. law d.d. Aug. 12, 1995 № 144-FL // Russian newsp. 1995. Aug. 18.

10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2001 № 174-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. I. Art. 4921.

9. Housing Code of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 2004 № 188-FL // Russian newsp. 2005. Jan. 15.

11. On refusal to accept for consideration of the complaint of citizen Kiyatov Nikolay Anatolyevich on violation of his constitutional rights by the provisions of article 194 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 6, 2010 № 911-O-O [Electronic resource]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

12. About refusal to accept for consideration of the complaint of citizen Chumakov Alexander Vladimirovich on violation of his constitutional rights by the provisions of article 8 of the Federal Law «On Operational Search Activity» and articles 123 and 125 of the Code of Criminal Procedure

ционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 123 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18 дек. 2003 г. № 498-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Позднякова Олега Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 5 и пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 25 янв. 2012 г. № 52-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2003 № 498-O [Electronic resource]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

13. About refusal to accept for consideration of the complaint of a citizen Pozdnyakov Oleg Alexandrovich about violation of his constitutional rights by part two of article 5 and paragraph 8 of part one of article 6 of the Federal Law «On Operational Search Activity»: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Jan. 25, 2012 № 52-O-O [Electronic resource]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Симоненко Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, заместитель начальника (по учебной и научной работе) Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; тел.: +79611856964;

Ефанов Сергей Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; e-mail: s.efanov74@mail.ru;

Агеенков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; e-mail: santiago82@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

D.A. Simonenko, Candidate of Law, Deputy Chief (for academic and scientific work) of the Ryazan branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +79611856964;

S.I. Efanov, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Operational Search Activity of the Ryazan branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: s.efanov74@mail.ru;

A.A. Ageenkov, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Operational Search Activity of the Ryazan branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: santiago82@mail.ru

---

Жеребцов Алексей Николаевич

Принципы назначения административного наказания и их реализация в деятельности административно-юрисдикционных органов

Рассмотрена система принципов назначения административного наказания, сформулированных в решениях Конституционного Суда РФ, раскрывается их содержание, анализируются возможности их реализации в правоприменительной деятельности судов и иных органов и должностных лиц административной юрисдикции, предлагаются пути совершенствования института назначения административного наказания в действующем Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: принципы, юридическая ответственность, назначение наказания, правовая позиция, административное наказание, административно-правовая санкция, административное правонарушение, административная юрисдикция.

Principles for appointing administrative sanctions and their implementation in practice of administrative and jurisdictional bodies

The paper considers the system of the guidelines for the appointment of administrative punishment, contained in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, revealed their contents in the legal positions of the Court analyses the possibilities for their implementation in law enforcement, courts and other bodies and officials of administrative jurisdiction, suggests ways of improving the institute of appointment of administrative punishment in the existing Code of the Russian Federation about administrative offences.

Key words: principles, legal responsibility, punishment, legal position, administrative penalties, administrative-legal sanction, administrative offence, administrative jurisdiction.

В настоящее время есть все основания утверждать, что в деятельности Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) формируются правовые позиции, оказывающие существенное влияние на дальнейшее развитие, совершенствование и повышение эффективности правовой системы в целом, отдельных ее отраслей, подотраслей и институтов. Нельзя не признать и того обстоятельства, что в настоящее время КС РФ сформулировал систему принципов, предопределяющую основополагающие начала, базовые положения, лежащие в основе назначения административного наказания. Анализ существующих постановлений и определений КС РФ, в той или мере затрагивающих проблемы юридической ответственности, позволяет выделить следующие принципы назначения наказания:

принцип индивидуализации наказания (см.: постановление КС РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности

и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» [1] и др.);

принцип обеспечения баланса публичных и частных интересов при назначении наказания – баланса основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств (см.: постановление КС РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» [2] и др.);

принцип справедливости, соразмерности (пропорциональности) и разумности (см.: постановление КС РФ от 30 марта 2018 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 43 Федерального закона “Об охоте и о

сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой некоммерческого партнерства «Спортивно-охотничий клуб «Румелко-Спортинг»» [3], от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» (п. 3.2 ч. 3) [4], от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» [5] и др.);

принцип недопустимости избыточного государственного принуждения (см.: постановление КС РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» [6] и др.);

принцип дифференциации ответственности (см.: п. 4.2 постановления КС РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» [7] и др.).

Здесь следует подчеркнуть, что приведенная система принципов интерпретируется КС РФ в их совокупности и тесной взаимосвязи, что свидетельствует об их комплексной природе и генетической взаимосвязи в процессе пра-

воприменения судом и органами и должностными лицами административной юрисдикции.

Представленные принципы КС РФ позиционирует как принципы юридической ответственности, общепризнанные принципы привлечения к ответственности, принципы назначения наказания и т.п. Все это свидетельствует о насущной потребности их применения в процессе привлечения к юридической ответственности, в том числе и к ответственности административной, тем более что положения ст. 6 и 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (с изменениями и дополнениями) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [8] предписывают обязательность решений КС РФ для всех субъектов российской правовой системы. Одновременно ч. 5 ст. 79 приведенного закона содержит положение, согласно которому с момента вступления в силу постановления КС РФ, которым нормативный акт или отдельные его положения признаны не соответствующими Конституции РФ, либо постановления КС РФ о признании нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ в данном КС РФ истолковании не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений, признанных таким постановлением КС РФ не соответствующими Конституции РФ. Также не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с истолкованием, данным в постановлении КС РФ. Следует признать, что сформулированные КС РФ принципы назначения административного наказания являются обязательными для применения не только судами, но и иными административно-юрисдикционными органами и их должностными лицами. Между тем остаются проблемными вопросы, во-первых, толкований содержания этих принципов КС РФ, во-вторых, возможности их реального использования в правоприменительной деятельности по привлечению правонарушителя к административной ответственности.

Принцип индивидуализации наказания в правовых позициях КС РФ определяется как необходимость не только соответствовать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привле-

каемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений. Применение одинаковых мер ответственности за различные по степени опасности административные правонарушения без надлежащего учета характеризующих виновное в совершении административно-противоправного деяния лицо обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции РФ идеям справедливости и гуманизма и несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за административные правонарушения (см.: постановление КС РФ от 25 февраля 2014 № 4-П [6]). Признавая значимость данного принципа, следует отметить, что без его реализации достичь цели административного наказания невозможно. Это обстоятельство неоднократно отмечалось и в правовых позициях КС РФ и иных судебных органов. Так, в постановлении КС РФ от 12 мая 1998 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второй части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года “О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением” в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан» [9], признающем необходимость реализации принципа индивидуализации административного наказания, отмечается, что вызывает сомнения применительно к административным наказаниям и правилам их применения наличие среди видов абсолютно определенных (недифференцированных) административно-правовых санкций. Между тем такого рода санкции по-прежнему содержатся в действующих нормах административно-деликтного права [10, с. 7–9].

Все приведенные положения свидетельствуют об определенных трудностях осуществления рассматриваемого принципа назначения наказания. Во-первых, в действующем КоАП РФ большое количество абсолютно определенных санкций, которые исключают какую-либо индивидуализацию административной ответственности. Однако это не значит, что административно-правовые санкции норм об административной ответственности не могут быть

абсолютно определенными. Во-вторых, в тех ситуациях, когда административно-правовая санкция допускает реализацию принципа индивидуализации ответственности, его претворение в жизнь осложняется иными факторами, например практическим отсутствием возможности реализации принципа дифференциации административной ответственности. Беря за основу приведенные положения, однако, следует признать, что закрепление в КоАП РФ или законе субъекта РФ об административной ответственности того или иного вида административно-правовой санкции еще не является единственным фактором, позволяющим реализовывать принцип индивидуализации административной ответственности. На реализацию данного принципа влияют и иные факторы: а) законодательное закрепление классификации административных правонарушений по характеру их тяжести; б) форма вины лица, совершившего административное правонарушение; в) закрепление квалифицирующих признаков в составах административных правонарушений; г) закрепление общих правил назначения административного наказания; д) предоставление возможности принятия решения по делу об административном правонарушении на основе административного усмотрения. Представленные положения весьма осложняют возможность применения принципа индивидуализации административной ответственности в практике деятельности судов и органов (должностных лиц) административной юрисдикции.

Содержание принципа обеспечения баланса публичных и частных интересов при назначении наказания, который иногда формулируется как принцип баланса основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств, в правовых позициях КС РФ заключается в предопределении на основе требований справедливости и равенства баланса конституционно значимых ценностей, публичных и частных интересов, прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений (см.: определение КС РФ от 15 января 2016 г. № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД “Об объявлении амнистии”» [11]). Иначе интерпретируя позицию КС РФ, следует отметить: учет баланса публичных и частных интересов при назначении наказания заключается в реализации на основе справедливости и соразмерности публичного интереса в адми-

нистративном наказании, выраженного в ст. 3.1 КоАП РФ, и частного интереса, заключающегося в недопустимости ограничения естественных и неотчуждаемых, международно признанных и конституционно гарантированных прав и свобод человека. Следует подчеркнуть то обстоятельство, что данный принцип реализуется преимущественно судебными органами и его применение практически исключается при рассмотрении дела об административном правонарушении органами и должностными лицами исполнительной власти. Осуществление данного принципа должно производиться с учетом принципа недопустимости избыточного государственного принуждения. Именно соблюдение данного баланса позволяет избежать избыточного государственного принуждения, что, в свою очередь, не позволяет достичь целей административного наказания. Данный принцип весьма активно применяется в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В абз. 4 п. 23.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [12] отмечается, что «...при назначении наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации судья должен исходить из действительной необходимости применения к иностранному гражданину или лицу без гражданства такой меры ответственности, а также из ее соразмерности целям административного наказания, с тем чтобы обеспечить достижение справедливого баланса публичных и частных интересов в рамках производства по делу об административном правонарушении». Подобное положение содержится и в других документах Верховного Суда РФ. Так, например, в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2008 г., утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17 сентября 2008 г., отмечается, что «...при назначении дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации по ч. 1 ст. 18.8 КоАП РФ судья должен исходить из действительной необходимости применения к иностранному гражданину или лицу без гражданства такой меры ответственности, а также из ее соразмерности целям административного наказания, с тем чтобы обеспечить достижение справедливого баланса публичных и

частных интересов в рамках административного судопроизводства» [13, с. 5]. Следует признать, что принцип обеспечения баланса публичных и частных интересов при назначении административного наказания весьма активно осуществляется субъектами судебной власти, и это обоснованно. А как реализуется данный принцип в деятельности органов и должностных лиц исполнительной власти? Здесь следует отметить, что он может быть применен лишь при назначении административного наказания в виде административного штрафа. Необходимо признать, что в практике деятельности административно-юрисдикционных органов данный принцип практически не реализуется. Так, в постановлении Верховного Суда РФ от 29 декабря 2015 г. № 71-АД15-10 [14] отмечается, что при рассмотрении жалобы на постановление врио начальника отделения УФМС России по Калининградской области в Черняховском районе от 25 марта 2015 г. № 181 судом было признано (именно судом, а не административно-юрисдикционным органом), что при назначении административного наказания был соблюден принцип обеспечения баланса публичных и частных интересов в пределах санкций, закрепленных в ч. 1 ст. 19.15 КоАП РФ. Представляется, что само должностное лицо, назначая наказание мигранту в пределах санкции ч. 1 ст. 19.15 КоАП РФ, конечно, не исходило из принципа обеспечения баланса публичных и частных интересов при назначении административного наказания, а основывало свои выводы на общих правилах назначения наказания, закрепленных в гл. 4 КоАП РФ. Но это не всегда возможно на практике. Так, в постановлении Верховного Суда РФ от 7 ноября 2018 г. № 18-АД18-58 [15] отмечается, что при назначении административного наказания за правонарушение, предусмотренное ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, был нарушен принцип недопустимости избыточного государственного принуждения при применении административной ответственности, что одновременно влечет нарушение баланса публичных и частных интересов при реализации административной ответственности. При этом нарушение данных принципов было совершено судом при назначении дополнительного наказания в виде административного выдворения. Здесь необходимо обратить внимание на неразрывную связь принципов баланса публичных и частных интересов и недопустимости избыточного государственного принуждения. Фактически данные принципы являются «двумя сторонами одной медали».

Подводя итог рассмотрению данного принципа, следует признать, что его эффективная реализация возможна лишь судебными органами и практически исключается органами и должностными лицами исполнительной власти из-за ограниченности применения ими видов и размеров административно-правовых санкций.

Принцип справедливости, соразмерности (пропорциональности) и разумности в правовых позициях КС РФ определяется следующим образом: справедливость – баланс между ценностями, выраженными в признании и гарантировании права лица (см.: постановление КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» [16]); соразмерность (пропорциональность) означает, что ограничение федеральным законом прав и свобод должно отвечать требованиям справедливости, быть адекватным, пропорциональным, соразмерным и необходимым для защиты основных конституционных ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, а государственное вмешательство – обеспечивать частное и публичное начала в различных сферах деятельности (см.: постановления КС РФ от 16 июля 2018 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 69 Воздушного кодекса Российской Федерации, подпункта 1 пункта 2 статьи 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 3 и 6 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение недополученных ими доходов от предоставления услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от платы за эти услуги, в связи с жалобами публичного акционерного общества “Аэропорт Кольцово” и акционерного общества “Международный аэропорт Нижний Новгород”» [17], от 18 июля 2003 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона “Об акционерных обществах”, статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО “Медиа-Мост” и ЗАО “Московская Незави-

симая Вещательная Корпорация”» [18]); разумность – соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей (см.: постановление КС РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева» [19]). Фактически содержание данных принципов назначения административного наказания заключается в том, что административное наказание является справедливым, когда при его назначении учтены все обстоятельства административного дела и соблюдены все общие правила его назначения. Принцип соразмерности (пропорциональности) во взаимосвязи с принципом сочетания публичных и частных интересов заключается в назначении такого размера административного наказания, предусмотренного санкцией административно-правовой нормы, который достигал бы цели наказания и не допускал бы ограничение естественных и неотчуждаемых конституционных прав и свобод человека. В связи с этим уместно привести положения абз. 4 п. 23.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”» [20] где предписывается, что «...при назначении наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации судья должен исходить из действительной необходимости применения к иностранному гражданину или лицу без гражданства такой меры ответственности, а также из ее соразмерности целям административного наказания, с тем чтобы обеспечить достижение справедливого баланса публичных и частных интересов в рамках производства по делу об административном правонарушении». Это положение свидетельствует, что реализация принципа соразмерности (пропорциональности) возможна лишь при условии применения сложных и относительно определенных административно-правовых санкций, что весьма ограничено для органов и должностных лиц административной юрисдикции. Связующим звеном принципов справедливости и соразмерности (пропорциональности) выступает принцип разумности назначения административного наказания.

Одним из ключевых принципов, сформулированных в правовых позициях КС РФ, явля-

ется принцип недопустимости избыточного государственного принуждения при применении административной ответственности. Содержание данного принципа в правовых позициях КС РФ интерпретируется как обеспечение баланса основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений (см.: постановление КС РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П [6], определение КС РФ от 26 ноября 2018 г. № 2845-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Вениамина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» [21]). Нарушение данного принципа назначения административного наказания всегда влечет к недостижению целей наказания. В связи с этим он является весьма значимым не только для судов, рассматривающих дело об административном правонарушении, но и для органов административной юрисдикции. При этом в науке справедливо отмечается, что порой размер назначаемого административного наказания может быть соотнесен с уголовным наказанием, что не является нормальным явлением, нарушающим рассматриваемый принцип [22]. В связи с этим сформировавшаяся практика построения административно-правовых санкций нуждается в совершенствовании [23; 24].

Реализация принципа недопустимости избыточного государственного принуждения при назначении административного наказания осуществляется в комплексе с принципами индивидуализации, дифференциации, соразмерности, справедливости и разумности. Одновременно избыточность административного наказания заключается в применении такой меры государственного воздействия, которая фактически выступает карой за совершенное правонарушение, носит явно выраженный фискальный и ликвидационный (для юридического лица или индивидуального предпринимателя) характер. В практике Верховного Суда РФ неоднократно отмечалось, что применение чрезмерного размера административного наказания может быть компенсировано посредством применения норм пп. 3.2, 3.3 и 3.6 ст. 4.1 КоАП РФ [25]. В другом постановлении Верховного Суда РФ от 20 июля 2015 г. № 85-АД15-3 [26] указывается, что назначение административного наказания должно основываться на данных, подтверждающих действительную необходимость применения к лицу административного наказания в пределах нормы, предусматрива-

ющей ответственность за административное правонарушение, и именно той меры государственного принуждения, которая с наибольшим эффектом достигала бы целей восстановления социальной справедливости, исправления правонарушителя и предупреждения совершения новых противоправных деяний, а также ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения справедливого баланса публичных и частных интересов.

Применение рассматриваемого принципа при назначении административного наказания в пределах установленных санкций в отдельных случаях также вызывает определенные трудности, что свидетельствует об избыточности государственного принуждения, предусмотренного в самой административно-деликтной норме. Это обстоятельство также свидетельствует о проблемности реализации данного принципа и необходимости отказа от фискально-ликвидационного подхода к построению административно-правовых санкций норм об административной ответственности.

Принцип дифференциации ответственности толкуется в правовых позициях КС РФ следующим образом: дифференциация ответственности основывается на существенных обстоятельствах, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, – характере правонарушения, опасности для находящихся под охраной закона ценностей, личности и степени вины правонарушителя, обеспечивает адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения (см.: постановления КС РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» [27], от 4 декабря 2017 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхеммеля» [28]); дифференциация составов административных правонарушений, а также определение мер административной ответственности должно основываться на объективных характеристиках административных правонарушений и соответствовать принципам и нормам Конституции РФ (см.: постановление КС РФ от 22 апреля 2014 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности частей 5 и 7 статьи 12.16, части 1.2 статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи

с запросом группы депутатов Государственной Думы» [29]). Реализация данного принципа весьма осложнена содержанием действующего административно-деликтного законодательства. Мы ранее отмечали, что первичным критерием отраслевой дифференциации административной ответственности следует признать виды объектов административно-правовой охраны (ст. 1.2 КоАП РФ), а также способ построения состава административного правонарушения; условия, способствующие совершению административного правонарушения; иные обстоятельства, обуславливающие индивидуализацию административного наказания [30]. Учет этих обстоятельств при реализации принципа дифференциации при назначении вида и размера административного наказания весьма затруднителен.

Изложенные положения позволяют признать, что предназначение дифференциации административной ответственности сводится в конечном счете к следующему: во-первых, к формированию в рамках совершенствования административно-деликтного законодательства системы принципов административной ответственности, которая формирует основополагающие начала в процессе административно-юрисдикционной деятельности органов и должностных лиц исполнительной власти. Во-вторых, дифференциация административной ответственности как технико-юридический метод (прием) законодательной деятельности предназначена для нормативного конструирования норм Общей части административно-деликтного закона (закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях), построения общих и специальных составов административных правонарушений его Особенной части, конструирования административно-правовых санкций (установления вида и размера административного наказания). В-третьих, дифференциация административной ответственности предназначена для классификации по типичным общим признакам правонарушений с целью повыше-

ния эффективности правоприменительной деятельности по привлечению к административной ответственности, освобождения от административной ответственности, назначения вида и размера административного наказания, в том числе ниже низшего предела или освобождения от его исполнения. Это означает, что дифференциация административной ответственности имеет как законотворческое, так и правоприменительное значение.

В заключение следует отметить:

1. Принципы назначения административного наказания, которые сформулированы в правовых позициях КС РФ, выступают значимым юридическим инструментарием для достижения целей административного наказания, определенных в ст. 3.1 КоАП РФ. К таковым КС РФ относит принципы: индивидуализации наказания; обеспечения баланса публичных и частных интересов при назначении наказания; справедливости, соразмерности (пропорциональности) и разумности, недопустимости избыточного государственного принуждения; дифференциации ответственности.

2. Содержание приведенных принципов назначения административного наказания определено в правовых позициях КС РФ, а сами принципы являются обязательными для всех судов России, административно-юрисдикционных органов и их должностных лиц.

3. Реализация принципов назначения административного наказания, предложенных КС РФ, имеет проблемы, обусловленные несовершенством административно-деликтного законодательства. В связи с этим насущным вопросом современной реформы административно-деликтного законодательства является не только нормативное закрепление этих принципов, но и совершенствование института назначения административного наказания в целом, а также норм Особенной части КоАП РФ, допускающих возможность применения рассматриваемых принципов в процессе привлечения правонарушителя к административной ответственности.

1. Собр. законодательства РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

2. Собр. законодательства РФ. 2000. № 9. Ст. 1066.

3. Собр. законодательства РФ. 2018. № 15, ч. V. Ст. 2238.

4. Собр. законодательства РФ. 2016. № 52, ч. V. Ст. 7729.

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 14. Art. 1302.

2. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2000. № 9. Art. 1066.

3. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2018. № 15, pt. V. Art. 2238.

4. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 52, pt. V. Art. 7729.

5. Собр. законодательства РФ. 2010. № 29. Ст. 3983.
  6. Собр. законодательства РФ. 2014. № 10. Ст. 1087.
  7. Собр. законодательства РФ. 2017. № 51. Ст. 7914.
  8. Собр. законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
  9. Собр. законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2173.
  10. Романов М.Л. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник административного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
  11. Вестн. Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.
  12. Рос. газ. 2013. 31 дек.
  13. Бюл. Верховного Суда РФ. 2008. № 11.
  14. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/1701965faf350dbb4ecb957be3e68dd4/> (дата обращения: 14.01.2019).
  15. Постановление Верховного Суда РФ от 7 нояб. 2018 г. № 18-АД18-58. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 14.01.2019 г.).
  16. Собр. законодательства РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.
  17. Собр. законодательства РФ. 2018. № 30. Ст. 4810.
  18. Собр. законодательства РФ. 2003. № 30. Ст. 3102.
  19. Собр. законодательства РФ. 2008. № 30, ч. 2. Ст. 3695.
  20. Рос. газ. 2013. 31 дек.
  21. Определение Конституционного Суда РФ от 26 нояб. 2018 г. № 2845-О. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.01.2019).
  22. Князев С.Д. Конституционные стандарты административной ответственности в правовой системе Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 16–22.
  23. Жеребцов А.Н., Вербицкий А.В. Построение административно-правовых санкций в КоАП РФ: от усмотрения к формированию научно-обоснованной концепции // Современное право. 2018. № 5. С. 23–30.
  24. Жеребцов А.Н. Критерии построения административно-правовых санкций, содержащих наказание в виде административного штрафа // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2018. № 3. С. 80–86.
  25. Обзор практики рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с назначением административ-
5. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 29. Art. 3983.
  6. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 10. Art. 1087.
  7. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2017. № 51. Art. 7914.
  8. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1994. № 13. Art. 1447.
  9. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 20. Art. 2173.
  10. Romanov M.L. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as the source of administrative law: auth. abstr. ... Candidate of Law. Saratov, 2011.
  11. Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2016. № 3.
  12. Russian newsp. 2013. Dec. 31.
  13. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. № 11.
  14. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/1701965faf350dbb4ecb957be3e68dd4/> (date of access: 14.01.2019).
  15. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Nov. 7, 2018 № 18-AD18-58. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 14.01.2019).
  16. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 21. Art. 2697.
  17. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2018. № 30. Art. 4810.
  18. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 30. Art. 3102.
  19. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2008. № 30, pt. 2. Art. 3695.
  20. Russian newsp. 2013. Dec. 31.
  21. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Nov. 26, 2018 № 2845-O. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 14.01.2019).
  22. Knyazev S.D. Constitutional standards of administrative responsibility in the legal system of the Russian Federation // Administrative law and process. 2014. № 2. P. 16–22.
  23. Zherebztov A.N., Verbitsky A.V. Build administrative and legal sanctions of the code of administrative offences: the discretion to the formation of science-based concept // Modern law. 2018. № 5. P. 23–30.
  24. Zherebztov A.N. Criteria for construction of administrative-legal sanctions containing punishment in administrative penalties // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2018. № 3. P. 80–86.
  25. The courts review cases about administrative offences connected with the appointment of administrative punishment in the form of

ного наказания в виде конфискации, а также с осуществлением изъятия из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, вещей и иного имущества в сфере оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, явившихся орудием совершения или предметом административного правонарушения: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 сент. 2018 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2019).

26. Постановление Верховного Суда РФ от 20 июля 2015 г. № 85-АД15-3. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2019).

27. Собр. законодательства РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.

28. Собр. законодательства РФ. 2017. № 51. Ст. 7910.

29. Собр. законодательства РФ. 2014. № 18, ч. IV. Ст. 2288.

30. Жеребцов А.Н., Вертинская А.Н. Дифференциация административной ответственности: понятие, критерии, значение // Современное право. 2018. № 9. С. 24–29.

confiscation, as well as exceptions to unlawful possession of person committed an administrative offence, things and other property in ethylic alcohol, alcoholic and alcohol-containing products, tool or the subject of administrative offence: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Sept. 19, 2018. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 15.01.2019).

26. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. July 20, 2015 № 85-AD15-3. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 15.01.2019).

27. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2018. № 19. Art. 2812.

28. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2017. № 51. Art. 7910.

29. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 18, pt. IV. Art. 2288.

30. Zherebtsov A.N., Vertinskaya A.N. Differentiation of administrative responsibility: the concept, the criteria, value // Modern law. 2018. № 9. P. 24–29.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России; e-mail: admgan@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.N. Zherebtsov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: admgan@mail.ru

---

Административная деятельность по профилактике правонарушений учащихся в образовательных организациях: тенденции рационализации

Рассматривается деятельность по профилактике административной деликтности на уровне образовательных организаций. Предлагаются авторские критерии назначения на должности педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Обосновывается необходимость и разъясняются правила ведения внутришкольного учета, на который ставятся учащиеся образовательных организаций в случае систематического предделиктного или противозаконного поведения. Даются рекомендации по модернизации административной деятельности органов образования по профилактике правонарушений учеников.

Ключевые слова: органы управления образованием, правонарушения несовершеннолетних, специальные учебно-воспитательные учреждения, социальный педагог, внутришкольный учет, карточка учета подростка, карточка учета семьи.

Administrative activities on the prevention of offenses of students in educational institutions: the rationalization trends

The activities on the prevention of administrative delinquency at the level of educational organizations are considered. The scientific article proposed the author's criteria for the appointment to the positions of teaching staff of organizations engaged in educational activities. The necessity is justified and the rules of the intra-school accounting is explained, on which students of educational organizations are put in case of systematic pre-delict or illegal behavior. Recommendations have been made on the modernization of the administrative activities of educational bodies on the prevention of student offenses.

Key words: education authorities, juvenile delinquency, special educational institutions, social educator, school accounting, adolescent record card, family record card.

Школа – это мастерская, где формируется
мысль подрастающего поколения,
надо крепко держать ее в руках,
если не хочешь выпустить из рук будущее!
Анри Барбюс

Одними из наиболее острых и социально значимых задач, которые стоят перед нашим обществом в настоящий момент, безусловно, являются поиск путей уменьшения роста административной деликтности среди несовершеннолетних лиц и увеличение результативности правозащитной и правоохранительной административной деятельности в этой области. Важность скорейшего решения данной проблемы определена не только тем, что в России продолжает сохраняться довольно сложная криминогенная ситуация, но и тем, что в круг организованной преступности вовлекается все больше молодых людей, преступными группами, основанными молодежью, совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления, понижается возраст право-

нарушителей. Криминализация молодежной среды лишает социум перспективы в обозримом будущем достичь социального равновесия, гармонии и благополучия.

На сегодня необходимо провести подробное исследование причин, способствующих совершению правонарушений лицами, не достигшими восемнадцати лет, и на его основе разработать профилактические меры, которые в будущем обеспечат последовательное сокращение административных деликтов и преступлений несовершеннолетних. Значительное внимание в системе предупреждения правонарушений следует уделить всестороннему решению сложных вопросов первичной превенции молодежных правонарушений. При этом необходимо сконцентрироваться на

вовлечении в первичную профилактическую работу членов семьи и ближайшего окружения тех подростков, которые склонны к антиобщественным проявлениям. Однако следует отметить, что примерно половину времени дети проводят в стенах учебных заведений неполного среднего образования, именно там могут вырабатываться их неправомерные воззрения и убеждения, а потом и совершаться некоторые виды административных деликтов. По этой причине, как справедливо подчеркивает Д.З. Зиядова, учреждениям образовательной системы как центральному после семьи субъекту социализации подрастающего поколения принадлежит существенная роль в профилактике административных деликтов и преступных деяний среди учеников общеобразовательных учреждений [1, с. 11].

Итак, пристальное внимание подросткам, склонным к противоправному поведению, должны уделять служащие органов управления образованием и работники дошкольных образовательных, общеобразовательных, профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования (это касается несовершеннолетних студентов и курсантов первых курсов обучения), так как именно указанные должностные лица, наряду с родителями, значительную часть времени проводят с несовершеннолетними, имеют возможность выявления и пресечения негативного воздействия на подростков, способны предотвратить антиобщественные поступки подрастающего поколения и в целом вносят крайне весомый вклад в формирование жизненных установок молодых людей. К сегодняшнему дню «образовательное пространство школы – это место, где формируется и отрабатывается социальный опыт ученика» [2]. Школьник, посещая образовательную организацию, не просто учится жить в обществе. Именно в школе, под руководством учителя он проходит путь социализации личности [3, с. 43].

Довольно отчетливо ситуацию в системе образования изобразила Н.И. Крюкова, подметив, что диверсификация типов общеобразовательных школ, их коммерциализация умножили расслоение в обществе, внесли элемент социальной напряженности в молодежную среду, повысили конфликтность в обществе и увеличили стимулы асоциальной, противозаконной мотивации поведения детей и молодых людей [4]. Но в последние годы обстановка в подростковой среде начала изменяться в лучшую сторону. На уровне управленческого

звена системы образования – органов управления образованием регионов Российской Федерации – осуществляется активная работа в отношении предупреждения деликтов несовершеннолетних лиц. В настоящее время осуществляется административная деятельность по развитию сети специализированных учебно-воспитательных заведений закрытого и открытого типа, кадетских школ и кадетских школ-интернатов, кадетских классов в общеобразовательных школах, образовательных учреждений для подростков, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, имеющих проблемы в развитии, воспитании, учебе, поведении и адаптации в социуме.

Административная деятельность по профилактике правонарушений не достигших восемнадцатилетия лиц непосредственно на уровне образовательных организаций состоит в следующем:

- определении и ведении учета детей, пребывающих в социально опасном положении, а также не посещающих или регулярно пропускающих без уважительных причин уроки в образовательных организациях;

- посещениях по месту жительства ребенка, находящегося в социально опасном положении или живущего в неблагоприятной семье, с составлением в письменной форме акта обследования жилищно-, материально-бытовых условий семьи;

- принятии решения об оказании содействия семье в воспитании, развитии и учебе ребенка;

- привлечении молодого человека к посещению спортивной секции, творческого, технического или другого кружка, клуба (с учетом выясненных причин его неблагополучия);

- принятии комплексных мер по реализации обязанности получения подростками группы риска среднего (полного) общего образования [5].

Построение правозащитной административной деятельности по профилактике правонарушений учащихся диктует потребность создания в образовательной организации условий, которые не провоцируют девиантного поведения, а увеличивают безопасное для молодого человека жизненное пространство.

В наибольшей степени эффективны в административной деятельности по упреждению делинквентных подростковых проявлений школы с качественно сформированной структурой внеурочной деятельности, которые максимально учитывают заинтересованность лиц различных возрастов, в первую очередь несовершеннолет-

них старше десяти лет. Организация в школах структурных подразделений дополнительного образования, материализация досуговых программ, реализация творческой самостоятельности (художественной, музыкальной, технической), создание научных и спортивных секций, формирование факультетского досуга – все это представляет мощный ресурс превенции девиантного поведения несовершеннолетних.

Таким образом, превентивный потенциал образовательных организаций, в частности школ, заключается в том, что там подросток сможет максимально реализовать свой потенциал и найти применение своим талантам. В Уставе школы следует прописать нормы общественного и законопослушного поведения, поскольку без этого нельзя результативно решать комплексные задачи обучения и воспитания школьников.

Исходя из номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, утвержденной Правительством РФ [6], старшими сотрудниками в коллективе школы, занимающимися административной деятельностью по профилактике правонарушений несовершеннолетних, являются заместитель директора по воспитательной работе, социальной защите и охране детства и социальный педагог.

На сегодня в ст. 46 «Право на занятие педагогической деятельностью» Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» регламентируется: «Право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование и отвечающие квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам» [7]. Профессиональные стандарты (специалист по работе с семьей, специалист в области воспитания, иные по рассматриваемому направлению), которые утверждаются Министерством труда и социальной защиты РФ, содержат сведения о допуске при назначении на должность лишь в разделе «Требования к образованию и обучению», в котором представлены следующие формулировки: «Высшее образование по профилю профессиональной деятельности, рекомендуется обучение по программам повышения квалификации, в том числе в форме стажировки». Мы считаем необходимым внесение в данные профессиональные стандарты существенных коррективов, касающихся дополнительных требований, указанных в подзаконных нормативных правовых актах, о минималь-

ном стаже работы по некоторым профессиям. В частности, это касается социального педагога: «Для назначения на должность социального педагога необходим стаж работы по специальности (педагогической профессии) не менее трех лет».

Кроме того, необходимо установить систему отстранения от должности некомпетентных руководителей образовательных организаций, не способных к выявлению семей с детьми, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, с целью оказания помощи и поддержки; к организации оказания адресных социально-бытовых, медико-социальных, психолого-педагогических и социально-юридических видов помощи таким семьям, к оценке результативности принятых мер. В квалификационных справочниках и профессиональных стандартах следует зафиксировать дополнительные требования к работе в должности директора общеобразовательной организации и профессиональной образовательной организации – непрерывный стаж работы не менее одного года в должности социального педагога образовательной организации.

Основными задачами социальных педагогов школ являются:

- исследование психолого-медико-педагогических особенностей личности обучающегося, микросреды и условий жизнедеятельности;

- поиск первопричин и мониторинг общественной делинквентности учеников;

- выявление интересов и потребностей, конфликтных ситуаций, отклонений в поведении учеников;

- реализация социально-педагогического содействия и помощи дезадаптированным обучающимся;

- подключение всех учеников к общественно полезной деятельности с учетом их потребностей, способностей, потенциала;

- протекция прав учеников в согласованности с действиями всевозможных общественных институтов правового государства.

В целях достижения позитивных результатов в своей правозащитной административной деятельности социальные педагоги, по словам Г.Г. Федоровой, «реализуют диагностику педагогических позиций семьи, позиций в ней несовершеннолетнего ребенка; проводят персональное консультирование, включение родителей в тренинговые группы, устремленные на обучение результативному родительскому взаимодействию с детьми; сообщают родителям о разнообразных общественных, психологических и медицинских центрах и службах

населенного пункта» [8, с. 354], верифицируют движение обучаемых; предотвращают отсеивание учеников из школы; исследуют социальные проблемы учащихся; ведут административно-предупредительную деятельность с учениками из социально неблагополучных семей и семей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации; реализуют социальную защиту обучаемых из неблагополучных семей; реализуют административные меры по трудовому устройству учеников; проводят патронаж опекаемых; консультируют классных руководителей, выступают на общешкольных и классных родительских собраниях, совещаниях и педагогических советах.

Социальные педагоги школ ведут системные исследования учебной и досуговой деятельности социально не защищенных категорий учащихся. Значительное внимание в их административной деятельности следует уделять привитию школьникам норм здорового образа жизни, формированию ответственного отношения учащихся к собственному здоровью. Социальные педагоги вместе с классными руководителями акцентируют внимание школьников, родителей на проблеме потребления табака, рассказывают о губительном влиянии никотина и компонентов табачного дыма на систему органов дыхания человека, формируют отрицательное отношение к вредным привычкам.

Значительная роль в организации сотрудничества школы и семьи отводится классным руководителям. Именно от их деятельности зависит то, насколько семьи оценят и поддержат политику, реализуемую школой при обучении и воспитании учащихся, примут участие в ее воплощении. Классными руководителями проводится масштабная работа с родителями, систематически организуются лекции по воспитанию учеников сообразно их возрастным особенностям, родительские собрания, коллективные мероприятия с ребятами, их родителями и родственниками. Данная работа направлена на рост педагогической культуры родителей, на координацию деятельности семьи и образовательной организации, на укрепление воспитательно-просветительских возможностей.

Предупредительная административная деятельность применительно к подросткам-делинквентам реализуется по ходатайству руководящего звена органа или учреждения, выполняющего предупреждение предделиктного поведения и административных деликтов лиц, не достигших социальной зрелости (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделения полиции по делам несо-

вершеннолетних), а также на основании заявления родителей (законных представителей) несовершеннолетнего.

По мнению А.Я. Минина, организация превентивной работы в образовательной организации среди склонных к противоправному поведению учащихся должна проводиться по направлениям организации социальной среды, информационно-воспитательного пространства, применения моделей общественного и оперантного обучения, организации ценностно-смыслового досуга, выработки комплексных установок на здоровый образ жизни, персональную ответственность за здоровье, гармонию с окружающим миром, организацию предупреждения криминологического рецидива [9, с. 10–11].

В случае противозаконного поведения ученика он или его семья ставятся на профилактический учет (внутришкольный учет) в образовательной организации. Как правило, внутришкольный учет ведется на основании разработанного в соответствии с федеральными нормативными правовыми актами по профилактике правонарушений несовершеннолетних «Положения о постановке учащихся на внутришкольный учет», которое согласовывается с Советом профилактики школы и утверждается директором государственной образовательной организации. Положение, как правило, состоит из нескольких разделов, включающих основные цели, задачи по ранней профилактике школьной дезадаптации, девиантного поведения обучающихся, основания и порядок организации деятельности по постановке на внутришкольный учет и снятию с учета. В приложениях к Положению о постановке учащихся на внутришкольный учет могут дополнительно приводиться образцы документов (представление на постановку на внутришкольный учет, краткая характеристика обучающегося, план индивидуальной профилактической работы, карта индивидуального психолого-педагогического и профилактического сопровождения обучающегося, состоящего на внутришкольном учете, карточка индивидуального изучения и учета учащегося(йся), представление на снятие с внутришкольного учета и иные).

Учет обучающихся и семей, находящихся в социально опасном положении, – это эффективный административный ресурс школы, представляющий собой совокупность персонифицированных правозащитных превентивных мероприятий, реализуемых в образовательной организации по отношению к ученику и неблагополучной семье и направленных на профи-

лактику безнадзорности, административных правонарушений и других отрицательных проявлений в среде обучающихся, обнаружение и ликвидацию причин и обстоятельств, способствующих делинквентному поведению школьников, социально-педагогическую реабилитацию учеников и семей, которые находятся в социально трудном положении.

Постановка на внутришкольный учет носит профилактический характер и является основанием для проведения персональной превентивной работы. В большинстве случаев на такой учет в соответствии с Положением о постановке учащихся на внутришкольный учет ставятся несовершеннолетние школьники, которые:

нарушают Устав школы: регулярно не выполняют домашние задания, отказываются от учебной деятельности во время уроков, не носят канцелярские принадлежности, тетради, учебники, отсутствуют во время проведения контрольных работ, неуважительно относятся к учителям, разговаривают во время занятий;

регулярно опаздывают на уроки;

не посещают или систематически пропускают по неуважительным причинам уроки в образовательных организациях (принцип общеобязательности обучения в школе является базисом раннепрофилактической работы образовательной организации, «он реализует социализирующее воздействие школы на значительное количество учащихся, обеспечивает появление в жизни ребенка квалифицированных специалистов в сфере педагогики и психологии, которые могут сопутствовать несовершеннолетнему в непростом и противоречивом процессе его личностной эволюции, следовательно, школа должна принимать максимально возможные меры по регулярному посещению ее учениками» [10, с. 12]);

занимаются бродяжничеством или попрошайничеством;

отстают по большинству предметов или остаются без уважительных причин на второй год;

были замечены в потреблении табачных изделий, спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо других психоактивных веществ;

издеваются над младшими учениками или более слабыми сверстниками, над учащимися иной национальности, другого вероисповедания;

причисляются к неформальным молодежным объединениям или организациям

антиобщественной или противоправной направленности;

систематически наносят вред школьному имуществу или личным вещам учеников, уничтожают их;

систематически совершают административные проступки или преступные деяния и состоят на учете у инспектора по делам несовершеннолетних территориального органа внутренних дел или в муниципальной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Если имеется необходимость, на внутришкольный учет также могут быть поставлены обучающиеся, вернувшиеся из спецшкол, спецучилищ закрытого типа или воспитательных колоний для несовершеннолетних преступников.

Постановка учащихся на внутришкольный учет осуществляется директором по коллективному представлению заместителя руководителя по воспитательной (социальной) работе и классного руководителя (воспитателя, социального педагога), как правило, на основании решения Совета профилактики школы. В документе обязательно должны быть зафиксированы причины постановки учащегося на внутришкольный учет, дана его персональная характеристика.

Как правило, на каждого обучающегося, находящегося на внутришкольном учете, классным руководителем (воспитателем, социальным педагогом) заводится «Карточка персонального обследования и учета учащегося(йся)» («Карточка учета подростка»), копия которой хранится у заместителя руководителя по воспитательной работе, социальной защите и охране детства. На подучетного несовершеннолетнего специалисты и учителя школы с помощью сотрудников полиции, работников социальной защиты населения, органов опеки и попечительства подготавливают план персональной превентивной работы, который проверяется и подписывается заместителем руководителя школы по воспитательной работе, социальной защите и охране детства. На такого подростка, кроме того, заполняют карточку индивидуального психолого-педагогического и профилактического сопровождения, в которую клеивается фотография.

Также на внутришкольный учет ставятся семьи с несовершеннолетними детьми, в которых отцы, матери или законные представители не исполняют конституционных обязанностей по содержанию и обучению детей, злоупотребляют наркотиками, алкоголем, оказывают деструктивное воздействие на поведение детей, втягивают их в асоциальные и незаконные

действия (бродяжничество, попрошайничество и иное предделиктное поведение, административные проступки, преступные деяния) и допускают применительно к своим детям жестокое обращение и принуждение. На внутришкольный учет ставятся и семьи, состоящие на превентивном учете в территориальных органах полиции, комиссии по делам несовершеннолетних, органах социальной защиты населения. Как правило, на каждую семью, находящуюся на внутришкольном учете, классным руководителем (воспитателем, социальным педагогом) заводится «Карточка учета семьи», второй экземпляр которой хранится у заместителя руководителя школы по воспитательной (социальной) работе.

Снятие с внутришкольного учета учащихся или семей происходит главным образом по решению Совета профилактики государственной образовательной организации на основании коллективного представления заместителя руководителя по воспитательной (социальной) работе, классного руководителя (воспитателя, социального педагога), а также, при необходимости, по поступившим сведениям из подразделения полиции по делам несовершеннолетних, органов социальной защиты населения о позитивных изменениях условий жизнедеятельности учащегося или неблагополучной семьи.

С внутришкольного учета снимаются и обучающиеся, окончившие государственную образовательную организацию, изменившие место жительства и перешедшие в другую школу, направленные в специальное (открытого или закрытого типа) учебно-воспитательное учреждение, а также по иным объективным основаниям.

По Положению о постановке учащихся на внутришкольный учет ответственность за организацию ведения внутришкольного учета, подготовку и оформление подобающей документации, а также за согласованность действий с иными органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, как правило, приказом директора школы возлагается на заместителя директора по воспитательной работе, социальной защите и охране детства, а собственно ведение учета – на классного руководителя или социального педагога.

Для того, чтобы в дальнейшем оптимизировать правозащитную административную деятельность по внутришкольному учету, следует организовать подготовку и направление по утвержденным формам необходимой информации об учениках и семьях группы риска, состоящих на учете в государственных образовательных организациях, в Единую информационную базу данных о детях, которые должны проходить обучение в образовательных организациях, реализующих общеобразовательные программы соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Важно осуществлять контрольную деятельность за ведением в школах, профессиональных училищах учета обучающихся из неблагополучных семей, проводить систематический разбор работы государственных образовательных организаций с учениками и семьями, находящимися на учете, и минимум два раза в течение учебного года обсуждать его результаты на совещании руководителей государственных образовательных организаций.

1. Зиядова Д.З. *Теоретические и прикладные проблемы преступности среди учащихся общеобразовательных учреждений: региональный аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.*

2. Виленский М.Я., Мещерякова Е.В. *Образовательное пространство как педагогическая категория // Педагогическое образование и наука. 2002. № 2.*

3. Поликашина О.В. *О роли образовательных организаций в профилактике правонарушений несовершеннолетних // Наука и школа. 2016. № 6.*

4. Крюкова Н.И. *Преступность несовершеннолетних в России, ее причины и пути преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. URL: <http://www.dissercat.com/content/prestupnost-nesovershennoletnikh-v-rossii-ee-prichiny-i-puti-preodoleniya>*

1. Ziyadova D.Z. *Theoretical and applied problems of crime among students of educational institutions: a regional aspect: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2006.*

2. Vilensky M.Ya., Mescherekova E.V. *Educational space as a pedagogical category // Pedagogical education and science. 2002. № 2.*

3. Polikashina O.V. *On the role of educational organizations in the prevention of juvenile delinquency // Science and school. 2016. № 6.*

4. Kryukova N.I. *Juvenile delinquency in Russia, its causes and ways to overcome: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 1997. URL: <http://www.dissercat.com/content/prestupnost-nesovershennoletnikh-v-rossii-ee-prichiny-i-puti-preodoleniya>*

5. *On Measures to Prevent Neglect and Juvenile Delinquency in the Krasnodar Region: law of the*

5. О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 21 июля 2008 г. № 1539-КЗ. URL: <http://www.zakaz.krd.ru/www/home.nsf/webdocs/4b96b646a38ffe3bc32574d7003488b3.html>

6. Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций: постановление Правительства РФ от 8 авг. 2013 г. № 678 // Собр. законодательства РФ. 2013. № 33. Ст. 4381.

7. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федорова Г.Г. Социально-педагогическая деятельность по профилактике правонарушений среди подростков в условиях общеобразовательной школы // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2012. № 5.

9. Минин А.Я. Правовые вопросы противодействия опасному девиантному поведению обучающихся в школе: высшей и общеобразовательной // Наука и школа. 2016. № 1.

10. Михайлова С.Н. Социально-криминологическая роль городских общеобразовательных школ в раннем предупреждении преступности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007.

Krasnodar Region d.d. July 21, 2008 № 1539-RL. URL: <http://www.zakaz.krd.ru/www/home.nsf/webdocs/4b96b646a38ffe3bc32574d7003488b3.html>

6. On Approval of the Nomenclature of Positions of Pedagogical Workers of Organizations Engaged in Educational Activities, Positions of Heads of Educational Organizations: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Aug. 8, 2013 № 678 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 33. Art. 4381.

7. On Education in the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 2012 № 273-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

8. Fedorova G.G. Socio-pedagogical activity on the prevention of crime among adolescents in a secondary school // Regional education of the XXI century: problems and prospects. 2012. № 5.

9. Minin A.Ya. Legal issues to counter the dangerous deviant behaviour of students in school: higher and general education // Science and school. 2016. № 1.

10. Mikhailova S.N. Socio-criminological role of urban schools in the early warning of juvenile delinquency: diss. ... Candidate of Law. Tomsk, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беженцев Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России; e-mail: adovd@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Bezhentsev, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: adovd@mail.ru

---

Затолокин Александр Александрович

Обеспечение прав собственника (водителя) при перемещении и хранении задержанного транспортного средства

Проведен анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы привлечения к ответственности водителя за нарушение правил остановки или стоянки, взыскания платы за перемещение и хранение транспортного средства. Рассмотрены предоставляемые законодательством права водителей (собственников), возникающие при задержании, перемещении, хранении и возврате транспортных средств.

Ключевые слова: задержание транспортного средства, конституционные права, конфиденциальность персональных данных, водитель, собственник транспортного средства.

Ensuring the rights of the owner (driver) during the movement and storage of the detained vehicle

The article analyzes the current legislation in terms of bringing the driver to liability for violating the rules of stopping or parking, as well as collecting fees for moving and storing the vehicle. The rights granted by law to drivers (owners) arising from the detention, movement, storage and return of vehicles are considered.

Key words: detention of a vehicle, constitutional rights, confidentiality of personal data, driver, owner of vehicle.

В настоящее время большой резонанс в обществе приобретают вопросы применения задержания, последующей эвакуации, хранения и возврата транспортных средств, водители которых нарушили правила остановки и стоянки. О высоком уровне недовольства граждан существующим порядком задержания транспортных средств свидетельствуют события, происходящие в разных населенных пунктах нашей страны и широко обсуждаемые в средствах массовой информации:

«В Москве следователи ищут тех, кто поджег эвакуатор на стоянке Центра организации дорожного движения на юге столицы»;

«Сразу три машины горели в ночь на среду, 10 сентября, в Череповце. Специалисты называют причиной всех возгораний поджог. Первый пожар произошел около часа ночи на улице Первомайской. Там загорелся эвакуатор»;

«В Краснодаре подожгли еще три эвакуатора, принадлежащих местным предпринимателям. За неделю в городе сгорело уже пять таких машин» [1].

Анализ подобных происшествий позволяет считать, что причиной поджогов эвакуаторов по всей стране является реакция водителей, транспортные средства которых были задержаны и эвакуированы, т.е. налицо недовольство граждан процедурами задержания, эва-

куации и хранения, выраженное в крайней, противоправной форме – в форме физического уничтожения эвакуаторов.

Общественный запрос на необходимость совершенствования процедур задержания, эвакуации, хранения и возврата транспортных средств детерминирует поправки в законодательстве, регламентирующем данную сферу общественной жизни. Так, в 2016 г. были внесены существенные изменения в порядок расчета стоимости перемещения, хранения задержанного транспортного средства, скорректированы основания его задержания, установлен предельный срок оплаты за перемещение и хранение (который не должен составлять менее 30 дней со дня перемещения) [2]. Кроме того, подверглись изменениям и дополнениям законодательные акты субъектов Российской Федерации, регулирующие вопросы, связанные с перемещением задержанных транспортных средств, их хранением, возвратом и оплатой расходов на перемещение и хранение [3].

Подобная гуманизация законодательства должна была послужить снижению напряженности в обществе, вызванной неудовлетворенностью граждан процедурами задержания, эвакуации, хранения и возврата транспортных средств. Однако этого не последовало ввиду того, что, несмотря на столь либеральное законодательство, регулирующее рассматрива-

емые вопросы, имеет место банальное нарушение прав человека и гражданина. В целях демонстрации типичных нарушений прав собственника (водителя) при перемещении и хранении задержанного транспортного средства рассмотрим действующий алгоритм работы сотрудников полиции и сотрудников эвакуационных служб на примере применения меры обеспечения производства (задержание транспортного средства) по ч. 4, 5 ст. 12.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях (Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги, запрещающими остановку или стоянку транспортных средств...).

Всю процедуру эвакуации задержанного транспортного средства можно представить в виде следующего алгоритма:

1. Выявление признаков административного правонарушения сотрудником полиции и принятие решения о задержании транспортного средства с его последующей эвакуацией.

На данном этапе сотрудник полиции в целях пресечения нарушения водителем требований дорожного знака 3.27 «Остановка запрещена», установленного совместно со знаком дополнительной информации (табличкой) «Работает эвакуатор», применяет меру обеспечения производства «задержание транспортного средства», далее составляет соответствующий протокол и вызывает сотрудника эвакуационной службы.

2. Перемещение задержанного транспортного средства на специализированную стоянку и его хранение до момента возврата владельцу, представителю владельца или лицу, имеющему при себе документы, необходимые для управления данным транспортным средством.

Этот этап подразумевает совершение погрузочно-разгрузочных действий должностным лицом, транспортировку и помещение задержанного транспортного средства на специализированную стоянку, а также его хранение.

3. Возврат задержанного транспортного средства владельцу, представителю владельца или лицу, имеющему при себе соответствующие документы.

Необходимо отметить, что согласно действующему законодательству [4] возврат транспортного средства осуществляется незамедлительно после устранения причины его задержания. Иными словами, после появления водителя (владельца, представителя владельца или иного лица, имеющего соответствующие документы) сотрудник полиции оформляет решение о возврате задержан-

ного транспортного средства, а должностное лицо, ответственное за хранение, возвращает транспортное средство.

Проведенное социологическое анкетирование 241 водителя¹ дает основание предполагать, что вполне понятный алгоритм действий в реальности представляет собой целый перечень практически непреодолимых препятствий в возвращении законным путем задержанного транспортного средства.

Во-первых, на этапе погрузки задержанного транспортного средства (до начала транспортировки) в случае появления водителя (владельца, представителя владельца или иного лица, имеющего соответствующие документы) в нарушение действующего законодательства, обязывающего незамедлительно вернуть транспортное средство владельцу, автомобиль по различным причинам транспортируется на специализированную стоянку.

Подобные действия должностных лиц являются прямым нарушением вещных прав граждан по владению и пользованию транспортным средством.

Во-вторых, не редки случаи, при которых правила остановки и стоянки нарушил водитель, а забирать транспортное средство явился собственник. В подобной ситуации в нарушение законодательства сотрудники полиции пытаются либо привлечь к административной ответственности невинного человека, навязывая ему штраф по ч. 4 или 5 ст. 12.16 КоАП РФ, либо требуют от собственника вызвать водителя, нарушившего ПДД.

Такой подход является грубым посягательством на конституционные права и свободы человека и гражданина в части предоставления возможности не свидетельствовать «против себя самого, своего супруга и близких родственников» [5]. В приведенной ситуации собственник имеет право забрать свой автомобиль, не указывая при этом данные нарушителя ПДД.

В-третьих, несмотря на действующее с 2016 г. право на отсрочку платежа за услуги по эвакуации и хранению задержанных транспортных средств, должностные лица специализированных стоянок отказывают в выдаче автомобилей без оплаты соответствующих услуг.

Невозможность произвести срочную оплату услуг по эвакуации и хранению задержанного транспортного средства вполне оправданы как процессуальным правом на апелляцию у предполагаемого нарушителя ПДД, отсутствием в

¹ Результаты социологического опроса, проведенного на улично-дорожной сети г. Краснодара в январе 2019 г.

действиях собственника (лица, не нарушавшего ПДД) состава и события правонарушения, так и отсутствием денежных средств.

Действия должностных лиц специализированных стоянок по незаконному удержанию транспортного средства и ограничению прав на его эксплуатацию не только являются грубейшим нарушением прав и свобод человека и гражданина, но и образуют состав соответствующего правового деликта.

В-четвертых, должностные лица специализированных стоянок в нарушение федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации при возврате задержанного транспортного средства требуют от водителя (владельца, представителя владельца или иного лица, имеющего соответствующие документы) расписку, в которой указываются персональные данные (иногда требуют предоставить копию паспорта гражданина Российской Федерации) и в которой лицо обязуется оплатить услуги эвакуации и хранения в определенный срок, а такие требования являются противоправными.

Следует заметить, что законодатель четко определил перечень документов, предоставляемых должностному лицу специализированной стоянки при возвращении задержанного транспортного средства:

свидетельство о регистрации транспортного средства;

решение сотрудника полиции о возврате указанного транспортного средства.

Соответственно, требование со стороны сотрудников специализированных стоянок к водителю (владельцу, представителю владельца или иного лица, имеющего соответствующие документы) о предоставлении иных бумаг при возврате автомобиля является грубым нарушением норм, регламентирующих общественные отношения в данной сфере.

Передача сотрудником полиции персональных данных водителя (владельца, представителя владельца или иного лица, имеющего соответствующие документы) должностным лицам специализированных стоянок также будет являться прямым нарушением права человека и гражданина на частную жизнь и наруше-

нием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [6].

Нами были рассмотрены лишь наиболее типичные примеры нарушения прав собственника (водителя) при задержании, эвакуации и последующем возврате транспортных средств.

В завершение необходимо отметить, что соблюдение прав собственника (водителя) при перемещении и хранении задержанного транспортного средства будет способствовать снятию напряженности в обществе, повысит престиж правоохранительной деятельности и улучшит имидж государственных органов в целом, позволит избежать финансовых претензий к государственным органам в случае неправомерной эвакуации (услуги которой, согласно КоАП РФ, оплачиваются за счет средств федерального бюджета). Решением проблемы нарушения прав собственника (водителя) в рассматриваемой сфере будет ужесточение контроля за деятельностью эвакуационных служб. Государство в лице соответствующих органов обязано реагировать на все имеющиеся обращения граждан о противоправных действиях субъектов эвакуации. В случае выявления нарушения прав собственника (водителя) государственные органы должны незамедлительно пресекать противоправные действия, в том числе рассматривать вопросы о привлечении виновных лиц к ответственности по ст. 12.35 КоАП РФ (Незаконное ограничение прав на управление транспортным средством и его эксплуатацию) в случае неправомерного удержания автомобиля на специализированной стоянке и ст. 137 УК РФ (Нарушение неприкосновенности частной жизни) в случае незаконной передачи персональных данных эвакуационным службам.

Кроме того, рассматривая проблемные вопросы, связанные с эвакуацией транспортных средств, необходимо заметить, что получение платы за услуги по эвакуации – это не способ извлечения сверхприбылей от транспортировки наибольшего количества машин, а лишь возможность компенсировать расходы, понесенные уполномоченной организацией, вовлеченной в деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения.

1. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2670625> (Москва); <https://www.alt.kp.ru/online/news/1839953/> (Череповец); https://www.gazeta.ru/auto/2014/11/24_a_6312981.shtml (Краснодар) (дата обращения: 26.01.2019).

1. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2670625> (Москва); <https://www.alt.kp.ru/online/news/1839953/> (Череповец); https://www.gazeta.ru/auto/2014/11/24_a_6312981.shtml (Krasnodar) (date of access: 26.01.2019).

2. Об утверждении Методических указаний по расчету тарифов на перемещение и хранение задержанных транспортных средств и установлению сроков оплаты: приказ Федеральной антимонопольной службы от 15 авг. 2016 г. № 1145/16 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 26.01.2019).

3. О внесении изменений в Закон Краснодарского края «О перемещении задержанных транспортных средств на специализированные стоянки на территории Краснодарского края, об их хранении, оплате расходов на перемещение и хранение и о возврате транспортных средств»: закон Краснодарского края от 4 мая 2018 г. № 3795-КЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 26.01.2019).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 26.01.2019).

5. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 26.01.2019).

6. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 26.01.2019).

2. On Approval of Guidelines for Calculating Rates for Moving and Storing Detained Vehicles and Setting Payment Deadlines: order of the Federal Antimonopoly Service d.d. Aug. 15, 2016 № 1145/16 [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru> (date of access: 26.01.2019).

3. On Amendments to the Law of the Краснодар Region «On the Transfer of Detained Vehicles to Specialized Parking in the Краснодар Region, on Their Storage, Payment of the Costs of Moving and Storing and Returning Vehicles»: law of the Краснодар Region d.d. May 4, 2018 № 3795-RL [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru> (date of access: 26.01.2019).

4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru> (date of access: 26.01.2019).

5. URL: <http://www.constitution.ru> (date of access: 26.01.2019).

6. On Personal Data: fed. law d.d. July 27, 2006 № 152-FL [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru> (date of access: 26.01.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Затолокін Александр Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Zatolokin, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity of Law Enforcement Agencies of the Краснодар University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

---

Шкеля Олег Викторович

Сравнительные аспекты порога трезвости водителей транспортных средств

Рассматривается законодательство Российской Федерации, регулирующее нормы о привлечении к ответственности водителей транспортных средств, находящихся в состоянии опьянения. Анализируется российский и зарубежный опыт установления порога трезвости. Отдельное внимание уделяется проблеме привлечения водителей, госпитализированных в тяжелом состоянии для оказания неотложной медицинской помощи в медицинские организации, к административной ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ. На основании проведенного исследования предлагается внести изменения в КоАП РФ.

Ключевые слова: транспортное средство, административное правонарушение, алкогольное опьянение, порог трезвости, водитель транспортного средства.

Comparative aspects of a threshold of sobriety of drivers of vehicles

In article the legislation of the Russian Federation regulating norms on prosecution of drivers of the vehicles which are in state of intoxication is considered. It is analyzed Russian and foreign experience of establishment of a sobriety threshold. Special attention is paid to a problem of involvement of the drivers hospitalized in a serious condition for rendering emergency medical service in the medical organizations to administrative responsibility according to article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences. On the basis of the conducted research it is offered to make changes in the Code of the Russian Federation on Administrative Offences.

Key words: vehicle, administrative offense, alcohol intoxication, sobriety threshold, vehicle driver.

Вопросам безопасности дорожного движения на автомобильных дорогах всегда уделялось много внимания как со стороны общества, так и со стороны органов государственной власти. Ежегодно в законодательство нашей страны вносится много изменений в указанной сфере, что подтверждает актуальность темы.

Как свидетельствует изученный опыт, принятие и реализация законодательства, касающегося важного фактора риска – управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, способствуют сокращению смертности в ДТП и дорожно-транспортного травматизма. Так, с 2008 г. по настоящее время, по данным Всемирной организации здравоохранения, в 89 странах мира, в которых в общей сложности проживает 66% населения мира (4,55 млрд человек), действует всеобъемлющее законодательство об управлении транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, устанавливающее предельно допустимый уровень содержания алкоголя в крови (УСАК), равный 0,05 г/дл (количество алкоголя, находящегося в кровотоке, обычно измеряется в граммах на децилитр) или ниже, что соответствует передовой практике. Необходимо подчеркнуть, что в 17 государствах рекомендован к принятию закон, допу-

скающий управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения на основе УСАК, равного 0,05 г/дл и ниже, а в ряде стран, таких как Мали, Марокко и Объединенные Арабские Эмираты, такой закон уже действует. Однако 34 страны мира либо совсем не имеют законодательного запрета управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, либо используют нормы, основанные на менее надежных измерителях, чем уровень содержания алкоголя в крови (таких как оценка уровня интоксикации человека на базе клинических признаков и симптомов) [1].

Рассматривая суть проблемы, необходимо провести небольшой ретроспективный анализ российского законодательства, регулирующего ответственность водителей транспортных средств, находящихся в состоянии опьянения. Важно отметить, что за последнее десятилетие неоднократно менялся «порог трезвости» водителей: до 2009 г. допускалось наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха; в 2010 г. был введен «нулевой порог». Данное решение привело к значительному увеличению количества водителей, привлеченных к административной ответственности, многочисленным спорам и жалобам. В 2013 г. Президентом РФ В.В. Путиным был подписан закон, который

впервые в истории отечественного административного законодательства ввел категорию «минимально допустимое содержание алкоголя», заключающееся в «возможной суммарной погрешности измерения, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха». В соответствии с примечанием к ст. 12.8 КоАП РФ административная ответственность наступает в случае, когда установлен факт употребления веществ, вызывающих алкогольное опьянение, который может быть подтвержден только наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений (0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха). То есть допустимая погрешность технического средства измерения уже включена в этот показатель, и ее не нужно прибавлять к данной величине. Если показания технического средства измерения составляют 0,161 или 0,17 миллиграмма абсолютного этилового спирта на один литр выдыхаемого воздуха, то факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ считается установленным.

В рамках рассматриваемой проблемы нельзя не упомянуть и зарубежный опыт. Как отмечают А.Г. Зернин и С.М. Мостовой, в области, связанной с контролем трезвости, за рубежом в последнее время прослеживаются две тенденции: в качестве первой следует назвать снижение допустимого предельного уровня концентрации алкоголя в крови; вторая предусматривает при определении концентрации алкоголя в организме водителя переход от исследования крови к исследованию выдыхаемого воздуха, чему способствовали разработка и широкое внедрение в практику избирательных к алкоголю анализаторов паров алкоголя в выдыхаемом воздухе, обладающих малой погрешностью, способностью регистрировать протоколы исследования и избегать каких-либо ошибок при пробоотборе [2, с. 5].

В значительной группе стран установлены более жесткие, чем в международных актах, требования, которые предусматривают, что для всех категорий водителей соответствующая величина равна 0,00 граммов чистого алкоголя на 1 литр крови (Венгрия, Румыния, Словакия, Украина, Чехия, Азербайджан, Афганистан, Бангладеш, Бахрейн, Иран, Йемен, Катар, Коморские острова, Кувейт, Мавритания, Маршалловы острова, Пакистан, Саудовская Аравия). Согласно Венской конвенции о дорожном движении в национальных законодательствах должен быть предусмотрен «допустимый уровень содержания алкоголя в крови, а в соответ-

ствующих случаях – в выдыхаемом воздухе», но не более 0,25 мг на литр воздуха и 0,50 г чистого алкоголя на литр крови.

В современной России в случае возникновения дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, когда водитель находится в тяжелом состоянии и ему необходима госпитализация для оказания неотложной медицинской помощи в медицинских учреждениях, заключение «установлено состояние опьянения» составляется на основе результатов химико-токсикологического исследования биологического объекта (кровь или моча) при наличии абсолютного этилового спирта в концентрации 0,5 и более грамма на один литр крови.

В соответствии со ст. 27.12 КоАП РФ установление состояния опьянения проводится непосредственно должностным лицом, которое уполномочено осуществлять государственный надзор и контроль за безопасностью движения, посредством освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, которое оформляется актом освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, а также врачами медицинских организаций, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности с указанием соответствующих работ и услуг (составляется акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения).

Таким образом, возникает проблема привлечения водителей, госпитализированных в тяжелом состоянии для оказания неотложной медицинской помощи в медицинские организации, к административной ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ. До 1 июня 2016 г. установление факта наличия опьянения проводилось на основании приказа Министерства здравоохранения РФ от 14 июля 2003 г. № 308, в соответствии с которым освидетельствование на состояние опьянения осуществлялось путем проведения газохроматографического исследования, результаты которого оформлялись заключением судебно-химического исследования с указанием концентрации этилового спирта в процентном соотношении, т.е. наличия абсолютного этилового спирта в концентрации 0,5 и более грамма на один литр крови. Однако в марте 2016 г. был утвержден новый приказ Министерства здравоохранения РФ от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)», в котором указано, что «положительным результатом исследования выдыхаемого воздуха считается наличие

абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха» [3], а указания о наличии абсолютного этилового спирта в крови в концентрации 0,5 грамма на один литр крови и более отсутствуют. Вместе с тем отбор биологического объекта (кровь, моча) для направления на химико-токсикологические исследования производится.

Кроме того, Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» введена уголовная ответственность за повторное совершение правонарушений, которые связаны с управлением транспортным средством в состоянии опьянения и невыполнением требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения [4]. Примечание к ст. 264.1 УК РФ определяет, что находящимся в состоянии опьянения является лицо, которое управляло транспортным средством, при установлении факта употребления данным лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, определяющегося наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, которая превышает возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, а также при наличии в организме такого лица наркотических средств или психотропных веществ, либо лицо, которое управляло транспортным средством и не выполнило законные требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации. Следует отметить, что наличие абсолютного этилового спирта в концентрации, которая превышает возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, определяет факт употребления водителем веществ, вызывающих алкогольное опьянение [5].

На основании вышеизложенного можно предположить, что при наличии события, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, привлечь водителя, ранее госпитализированного в тяжелом состоянии для оказания неотложной медицинской помощи в медицинские организации, к уго-

ловной ответственности будет проблематично по причине того, что факт наличия опьянения установлен путем проведения газохроматографического исследования, по результатам которого оформляется заключение судебно-химического исследования, в котором указывается концентрация этилового спирта в процентном соотношении, а именно наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,5 и более грамма на один литр крови.

Ранее для разрешения данной правовой коллизии нами предлагалось внести изменения в ст. 12.8 КоАП РФ, а именно примечание ст. 12.8 КоАП РФ изложить в следующей редакции:

«Примечание. Употребление водителем, управляющим транспортным средством, веществ, вызывающих алкогольное или наркотическое опьянение, либо психотропных веществ запрещается. Административная ответственность, предусмотренная настоящей статьей и частью 3 статьи 12.27 настоящего Кодекса, наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,5 и более грамма на один литр крови, или в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека» (некоторые позиции автора, изложенные в данной статье, были им опубликованы ранее: [6]).

Предложенные нами изменения нашли отражение в Федеральном законе от 3 апреля 2018 г. № 62, который утвердил новую предельно допустимую норму содержания алкоголя в организме водителя. Статью 12.8 КоАП РФ дополнили формулировкой «наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови...».

Внесение данных изменений позволит устранить правовую коллизию привлечения к ответственности водителя, находящегося в бессознательном состоянии и не имеющего возможности подышать в алкотестер или в течение получаса дважды сдать анализ мочи. Данные изменения позволят исключить возможность ухода водителей транспортных средств от ответственности, а также более четко устанавливать «состояние опьянения» водителя на основании проведения анализа крови.

1. Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире – 2013 / Всемирная организация здравоохранения; пер. докл. на рус. яз. и верстка выполнены изд-вом «Весь Мир (Москва)». Тверь, 2013.

2. Зеренин А.Г., Мостовой С.М. Пособие для врачей психиатров-наркологов и врачей общей практики по вопросам медицинского освидетельствования на состояние опьянения. М., 2007.

3. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 18 дек. 2015 г. № 933н. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс РФ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) с постатейными материалами / под. ред. А.Б. Борисова. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Шкеля О.В. Об обеспечении привлечения к ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Общество и право. 2015. № 4. С. 286–288.

1. State of Global Road Safety Report 2013 / World Health Organization; transl. in Russian and layout made by the publication «All World (Moscow)». Tver, 2013.

2. Zerenin A.G., Mostovoy S.M. Manual for doctors psychiatrists, narcologists and general practitioners in medical examinations on the state of intoxication. Moscow, 2007.

3. On the procedure for conducting a medical examination on the state of intoxication (alcohol, drugs or other toxic): order of the Ministry of Public Health of Russia d.d. Dec. 18, 2015 № 933n. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

4. Criminal Code of the Russian Federation. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

5. Comment to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (itemized) with itemized materials / ed. by A.B. Borisov. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

6. Shkelya O.V. On ensuring the prosecution of an administrative offense under article 12.8 of the Code of the Russian Federation about administrative offences // Society and law. 2015. № 4. P. 286–288.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шкеля Олег Викторович, заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583770.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

O.V. Shkelya, Deputy Head of the Chair of Administrative Activity of Law Enforcement Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583770.

Карнаушенко Леонид Владимирович

Государство и право: антропологический потенциал

Рассматриваются государство и право как ключевые институциональные элементы социальной системы. Анализируются социальные функции государства. Исследуются дискуссионные вопросы об антропологическом потенциале государства и права. Отмечается, что с возникновением электронного государства в XXI в. данная гносеологическая проблема приобретает новое содержание.

Ключевые слова: государство, граждане, право, социальные отношения, антропологический потенциал, электронное государство.

The state and the law: anthropological potential

The state and law as the key institutional elements of the social system are considered. Social functions of the state are analyzed. Discussions on the anthropological potential of the state and law are researched. It is noticed that with the emergence of e-state in the XXI century this epistemological problem takes on new meaning.

Key words: state, citizens, law, social relations, anthropological potential, e-state.

На протяжении веков государство и право выполняли ключевые функции по обеспечению стабильности, безопасности, целостности общества. Возникновение первых государств в древности способствовало развитию права прежде всего как системы общеобязательных для граждан норм, поддерживаемых силой государства. Государство – один из ключевых социальных институтов, критически важных для существования общества в различные периоды его истории.

Уникальный статус института государства может быть проанализирован исходя из выполняемых им функций, выступающих индикатором его положения в социальной системе. Как отмечают исследователи, функция государства – это «комплексная динамическая система направлений и содержания деятельности государства, определяемая совокупностью институционально нормированных интересов государства, общества и индивида на определенном этапе исторического развития» [1]. А.А. Куковский указывает, что «функции государства определяют как основные направления деятельности государства, обусловленные его сущностью и содержанием, а также стоящими перед ним на том или ином этапе его развития целями, задачами и его социальным значением» [2].

Значительное внимание в научных публикациях уделяется социальным функциям государства. По мнению Е.М. Охонина, «социальная функция государства представляет собой одно из основных направлений его деятельности, осуществляемое в общественных отношениях, по обеспечению гражданам достойного уровня

жизни, разрешению социальных противоречий и защите согласованных интересов граждан на основе признаваемых в обществе и законодательно закрепленных социальных стандартов» [3].

Именно выполнение государством социальных функций позволяет большинству граждан воспринимать его как духовно близкое образование в рамках парадигмы общественного договора, а также иных идеологических, мировоззренческих конструкций. Государство в данном аспекте приобретает «человеческие» черты, предоставляя людям возможности для полноценной жизни, решая многие повседневные проблемы граждан, улучшая, таким образом, их социальное настроение и жизнеощущение. Антропологический потенциал государства весьма важен при осуществлении им мероприятий управления, особенно принуждения к следованию требованиям норм права. Государству необходима обратная связь с гражданами, понимание важности принимаемых мер, в том числе и так называемых «непопулярных», ограничивающих права и свободы людей, их экономические, социальные, политические и культурные потребности.

Проблема видится нам в том, что с течением времени государственная власть все больше обезличивалась, «бюрократизировалась», постепенно превращаясь в системное надиндивидуальное начало. Данная тенденция способствовала репрезентации государства и права в сознании людей как некоего подобия машины, «механизма». Такой ракурс представлений об упомянутых институциональных структурах нивелирует человеческий фактор – как в про-

цессе государственного управления и, в том числе, правотворчества, так и применительно к гражданам. В связи с этим очевидной научной и управленческой перспективностью характеризуются работы, направленные на изучение антропологического потенциала государства, его правотворчества и правоприменения.

Л.С. Мамут справедливо указывает, что «во все времена те мыслители, умы которых занимала политика, публичная власть и ее атрибуты, обсуждали вопросы, связанные со значимостью и условиями приемлемости государства, с оценкой меры его человечности» [4].

Как отмечает В.И. Павлов, «человек растворяется, нивелируется в социальных системах, и уже сами системы становятся более значимыми предикатами социальной реальности, чем человек, их составляющий. Действительно, для подобного рода анализа есть свои основания, но они как раз и связаны с фундаментальным изменением сознания современного человека. Более того, это происходит с современным человеком во всех сферах социальной реальности сегодня» [5].

Социальные институты, в том числе государство и право, не существуют отвлеченно, вне ноосферы – широкой сферы разумной деятельности человека (по мысли представителей философии русского космизма К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и др.). Именно очеловечивание и одушевление социальной и природной среды, по мнению исследователей, является целью прогрессивного развития цивилизации. Данный ракурс анализа вполне возможно распространить и на такой элемент социальной среды, как институты государства и права [6, с. 142–148].

Г.Д. Гриценко обращает внимание на то, что «возникшее и продолжающее существовать как результат целенаправленной деятельности социальных субъектов право, в конечном счете, замыкается своими функциями, содержанием и структурой на человеке, поэтому при исследовании проблем становления права на передний план выдвигается сугубо человеческий (антропный) фактор» [7, с. 211].

Человек выступает не только объектом, но и субъектом государственно-правовых отношений. Именно субъектность людей зачастую упускается из вида исследователями, в то время как для адекватного научного анализа требуется «учет физиологических, биологических, психологических и социальных потенциалов человека во всем их единстве. Они требуют преломления решений государства сквозь призму того, насколько они будут соответствовать неотъемлемым константам человеческого бытия. При антропологическом анализе государство понимается как совокупность всех людей,

созидающих его, в отличие от природных образований. Его положительная сторона заключается в широте анализа, поскольку государство рассматривается как проявление самых разнообразных действий людей по его созданию» [8].

О.А. Пучков справедливо обращает внимание на то, что для современного права «характерно, что ему весьма редко удается учесть значение биопсихофизической основы человека в единстве с закономерностями социальных структур; тем не менее, правовое регулирование в качестве своей сверхзадачи должно иметь в виду именно это обстоятельство. Человек должен стать центром правового регулирования» [9].

Когда государство начинает безраздельно доминировать над личностным началом, могут возникать разнообразные противоречия и напряжения социальной системы, часть из них может привести к непрогнозируемым трансформациям политической системы, становлению диктаторских режимов, самой опасной разновидностью которых является тоталитаризм, контролирующей политическую, экономическую, социальную и духовную сферы жизни общества.

Именно поэтому, как полагают исследователи, необходимо учитывать тот факт, что «не только государство определяет положение человека в обществе и человек не может существовать вне государства, но и то, что государство немислимо без человека, наделенного определенным статусом. Человек выступает одновременно субъектом и объектом во взаимодействии с государством, его “творцом” и его “продуктом”» [8].

В контексте изложенного справедлива целевая установка юридической антропологии, предполагающая, что «важно изучать право не только в его официальном, нормативно-институциональном виде (в форме законов, подзаконных актов, других официальных нормативных положений), но и в неофициальном виде. Исследователь-антрополог, погружаясь в социальную среду, открывает для себя и для других право таким, каким его видят непосредственные участники социально-правовых конфликтов, люди, представляющие разные социальные группы, сословия, классы» [10].

Вместе с тем согласно методологии юридической антропологии весьма важно избегать другой крайности – представления человеку безграничной свободы, диктата гражданина над государством. Вполне справедливо, что «антропологи призывают государство уважать интересы человека, учитывать его неповторимые свойства. Они, может быть, сами того не замечая, основываются не на доверии к человеку, его способности созидать социально-пра-

вокой мир, а на признании главенства государства, его возможности быть “добрым” опекуном для своих граждан и проявлять милосердие к личности» [10].

Именно антропологический подход к праву находит свое выражение в том, что задается особый вектор научного анализа, как фундаментального, так и практического. Подобное исследование находит свое выражение «в том, что изучается человек, находящийся в системе правоотношений, который не только обязан и должен, но и имеет право. Это обстоятельство предопределило стремление проанализировать главную социально-юридическую ценность человека – его свободу» [9, с. 4].

Антропологический подход реализует свой высокий эвристический потенциал в том, что акцентирует внимание не на «формально-юридическом подходе, позитивистской интерпретации права, а сосредотачивается на человеке как непосредственном носителе субъективного права, его особой ценности и значимости в объективном праве, обосновывает существование многообразных форм права, национальных правовых систем, а также создает инструмент для понимания сущностных качеств и свойств права не только в узком позитивном смысле, но и права как социального явления, более широкого понятия, чем позитивное право» [11, с. 11].

Актуальность антропологического подхода к пониманию институтов государства и права особенно зримо проявляется в условиях социума XXI в. Происходящие изменения во всех сферах и подсистемах общества под влиянием информационной революции, «интернетизации» и глобализации общества приводят к пересмотру места и роли человека в системе социальных отношений, росту самосознания личности, тенденций эгоизма, стремления к удовлетворению широких материальных потребностей.

Как указывает Г.Д. Гриценко, «в условиях становления информационного общества абсолютизация формальной свободы личности, преобладание рационализма и индивидуализма низводят право до уровня машины, производящей единообразные формы из весьма разнообразного материала человеческого поведения» [7, с. 177].

В обществе начала XXI в. наблюдается ряд кризисных явлений в системе права, в том числе «гипертрофия права, юридический формализм, незащищенность человека от правовых экспериментов, правового бюрократизма, навязывания чуждых моральных идеалов и ценностей посредством права» [11, с. 7].

В современном постиндустриальном обществе происходят масштабные трансформации, вследствие чего серьезно меняются облик,

функциональный репертуар, статусно-ролевое положение институтов, подсистем. В частности, трансформация классического института государства закономерно приводит к появлению так называемого электронного государства, генезис которого стал новым этапом в восприятии гражданами государственной власти, норм права. Характер электронного государства, его атрибутивные характеристики предполагают именно обезличенность как инструмент объективации социальных взаимоотношений, особенно в сфере государственного управления, реализации нормативных правовых актов. Хотя на данный момент электронное государство целесообразно рассматривать скорее как переходную форму, определенную экспериментальную модель осуществления государственной власти в ближайшем будущем, а не принципиально изменившееся содержание, все же следует обратить внимание на тенденции снижения роли именно антропологического потенциала государства в обществе XXI в. Данная тенденция вызывает определенную озабоченность, так как потеря духовной связи между институтом государства, его правовой системой и гражданами, призванными соблюдать требования норм права, может привести к дисфункциональности не только в социально-политической сфере локальных обществ; ореол распространения данного эффекта может оказаться гораздо шире, затрагивая основные сферы и подсистемы общества.

Таким образом, государство и право характеризуются определенным антропологическим потенциалом, который напрямую зависит от исторического контекста их бытования, особенностей реализации государственной власти, осуществления правотворчества. Одной из основных проблем, связанных с функционированием институциональных структур государства и права, являются перманентные риски «обезличивания» управленческих мероприятий, которые оказывают деструктивное влияние, прежде всего, на сознание граждан. В результате во многом утрачивается духовно-нравственная база добровольного, инициативного, осознанного сотрудничества граждан и государства, последнее позиционируется в сознании людей как довлеющая система, далекая от интересов, проблем обычного человека. Именно так нарастает социокультурный дисбаланс в сознании граждан, вследствие чего наблюдается ряд негативных эффектов, в том числе нигилизм, абсентеизм, в ряде случаев радикализм и экстремизм. Несмотря на то, что в разных государствах проблема проявляется неодинаково, общая тенденция развития отмеченного противоречия не может не вызывать обеспокоенность.

1. Добрынин Е.Ю. К вопросу о понимании функции государства // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. «Право». Вып. 9. 2007. № 4. С. 10–14.

2. Куковский А.А. Некоторые вопросы определения понятия «функции государства» // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. «Право». 2009. № 19. С. 6–9.

3. Охохонин Е.М. Эволюция социальной функции государства // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. «Право». 2009. № 28. С. 29–35.

4. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. М., 1998.

5. Павлов В.И. Синергично-антропологическая концепция правового сознания (к постановке проблемы) // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. Минск, 2010. С. 54–65.

6. Фесенкова Л.В. Учение о ноосфере в современной экологической ситуации // Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 142–148.

7. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция): дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2003.

8. Антонова Е.Л., Антонов Р.Е. Антропологическое измерение государства в контексте междисциплинарных исследований // Альманах современной науки и образования. 2016. № 7(109). С. 12–15.

9. Пучков О.А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве: теоретические основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

10. Архипов С.И. Антропологическая теория права // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 5. С. 5–13. URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/Архипов_0.pdf (дата обращения: 20.11.2018).

11. Агафонова Е.А. Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

1. Dobrynin E.Yu. To the question about understanding the functions of the state // Bull. of the South Ural state university. Ser. «Law». Vol. 9. 2007. № 4. P. 10–14.

2. Kukovsky A.A. Some questions of definition of the concept «functions of the state» // Bull. of the South Ural state university. Ser. «Law». 2009. № 19. P. 6–9.

3. Ohohonin E.M. The evolution of social functions of the state // Bull. of the South Ural state university. Ser. «Law». 2009. № 28. P. 29–35.

4. Mamut L.S. The state in the value dimension. Moscow, 1998.

5. Pavlov V.I. Synergetic-anthropological concept of legal consciousness (to the problem statement) // Law in modern Belarusian society: coll. of sci. papers. Minsk, 2010. P. 54–65.

6. Fesenkova L.V. The theory of the noosphere in the modern ecological situation // Higher education in Russia. 2008. № 1. P. 142–148.

7. Gritsenko G.D. Law as a socio-cultural phenomenon (philosophical and anthropological concept): diss. ... Dr of Philosophy. Stavropol, 2003.

8. Antonova E.L., Antonov R.E. Anthropological dimension of the state in the context of interdisciplinary research // Almanac of modern science and education. 2016. № 7(109). P. 12–15.

9. Puchkov O.A. Legal anthropology and development of the science of state and law: theoretical foundations: diss. ... Dr of Law. Ekaterinburg, 2001.

10. Arkhipov S.I. Anthropological theory of law // Electronic appendix to the Russian legal journal. 2016. № 5. P. 5–13. URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/Архипов_0.pdf (date of access: 20.11.2018).

11. Agafonova E.A. Legal anthropology: conceptual ideas and principles: diss. ... Candidate of Law. Rostov-on-Don, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583414.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583414.

Рассказов Леонид Павлович

Английский закон о Лондонском порте 1908 г. в условиях глобальных изменений в управлении морским транспортом

В статье рассмотрены основные положения английского закона о Лондонском порте от 21 декабря 1908 г. и сделан вывод о том, что изъятие этого торгового порта из частных рук и передача его в управление коллегиальному органу, представляющему практически все заинтересованные стороны, с обязательным публичным ежегодным отчетом, позволили сделать работу этого стратегического предприятия Великобритании более прозрачной, а значит, и более успешной. В свете изучения аналогичных мер в иных государствах мира в исследуемый период автор приходит к выводу о том, что в конце XIX – начале XX в. в мире сложилась четкая тенденция по взятию под государственный контроль основных транспортных артерий и всех их составляющих, в том числе и на водном транспорте.

Ключевые слова: порт Лондона, закон, портовое управление, коллегиальность, изъятие, государственный контроль.

The English Port of London Act of 1908 in the context of global changes in the management of maritime transport

The article discusses the main provisions of the English Port of London Act d.d. December 21, 1908 and concluded that the removal of this commercial port from private hands and its transfer to the management of a collegial body, representing virtually all interested parties, with a mandatory public annual report, allowed us to make the work of this strategic UK enterprise more transparent, and therefore more successful. In the light of the study of similar measures in other countries of the world in the period under study, the author comes to the conclusion that at the end of the XIX – the beginning of the XX century in the world was a clear tendency to take the main transport arteries and all their components under state control, including on water transport.

Key words: port of London, law, port management, collegiality, withdrawal, state control.

Период конца XIX – начала XX в. является знаковым в истории развития законодательства многих стран в области регулирования деятельности морского торгового транспорта и обеспечивающей эту деятельность инфраструктуры. Именно в этот период государство, ранее исполнявшее скорее роль «ночного сторожа», все более активно включается в текущие процессы, стремясь не только дать новый импульс к развитию целой отрасли, но и направить его в нужное русло путем установления необходимых норм и средств контроля за его реализацией.

Не обошел данный процесс и морские торговые порты, в деятельность которых многие государства длительное время практически не вмешивались. В России правовые основы организации деятельности морских торговых портов, по мнению Б.В. Змерзлого, были заложены соответствующими положениями от 7 мая 1891 г. и от 12 июня 1901 г. с последующими

дополнениями и изменениями [1, с. 472–473; 2, с. 10–14]. Согласно этим законоположениям практически все сколько-нибудь значимые порты получили государственную портовую администрацию.

Правовое регулирование управления торговыми портами Италии было заложено Уставом торгового мореплавания 1871 г. и тоже сконцентрировано в руках государства [3, с. 517–526].

В Германии к концу XIX в. основные торговые порты также были взяты под контроль государства, в том числе и крупнейший из них – порт Гамбурга [4, с. 162–165].

Во «Владычице морей» Великобритании с середины XIX в. можно отметить весьма активный процесс разработки и консолидации нормативных правовых актов, регулирующих деятельность торгового мореплавания [5–8]. В то же время, как отмечали и исследователи начала XIX в., и современные, именно в этой стране управление морскими торговыми портами

оставалось в частных руках, без какого-либо серьезного вмешательства в этот процесс государства, осуществлявшего лишь отдельные надзорные функции [9; 10, с. 506–517].

С изменением в начале XX в. социально-экономической ситуации в мире, как в экономической сфере, так и в области организации морской торговли и деятельности портовой инфраструктуры, Великобритания постепенно стала терять свое первенство. Вывод о том, что государство обязано озаботиться выверенной организацией деятельности морских торговых портов, стал очевиден. В этом контексте принятие 21 декабря 1908 г. специального закона «об улучшении организации Лондонского порта и его управления с относящимися сюда вопросами» стало логически верным шагом [11].

При разработке данного законодательного акта главный вопрос, безусловно, заключался в том, кем в последующем будет управляться порт Лондона. Именно поэтому первая часть закона и получила название «Учреждение Лондонского Портового Управления». В ней, в частности, предусматривалось, что для заведывания этим портом, для поддержания в нем порядка и производства улучшений и для иных предусматриваемых этим законом целей создается особое Управление (далее – Портовое Управление) (п. 1 ст. 1). Оно представляло собой корпорацию под названием «Лондонское Портовое Управление», которой присваивались общая печать и право приобретать и арендовать землю для исполнения положений данного закона, но без прав привилегированного владения (*licence in mortmain*) (п. 2 ст. 1).

Портовое Управление состояло из председателя, товарища председателя и других членов, избираемых и назначаемых установленным порядком (п. 3 ст. 1). Председатель и товарищ председателя избирались Портовым Управлением; лицо, определяемое на ту или другую из указанных должностей, могло (но не обязано было) быть из числа членов Управления по выбору или по назначению (п. 4 ст. 1).

Выборных членов было 18, из них 17 избирались плательщиками налогов, владельцами пристаней и собственниками подвижного состава на реке, один избирался владельцами пристаней (п. 5 ст. 1) [11, с. 1].

Членов по назначению было 10 чел.: назначаемых от Адмиралтейства – 1, Департамента Торговли – 2, Советом Лондонского Графства (из числа своих членов) – 2; Советом Лондонского Графства (из лиц посторонних) – 2;

Лондонским Городским Управлением (из числа своих членов) – 1; Лондонским Городским Управлением (из числа посторонних) – 1; Корпорацией «Trinity House» – 1 (п. 6 ст. 1).

С целью обеспечения представительства рабочих в Портовом Управлении один из его членов по назначению Департамента Торговли должен был выбираться этим Департаментом по совещании с теми из представительных организаций рабочих, какие Департамент признавал наиболее компетентными для указаний по этому вопросу, а один из членов Портового Управления от Совета Лондонского Графства таким же образом должен был назначаться последним по совещании с теми из представительных организаций рабочих, какие признавались им наиболее компетентными для указанной цели (п. 7 ст. 1) [11, с. 2].

Также устанавливалось, что Портовое Управление могло уплачивать председателю, товарищу председателя и председателю комиссий – всем или отдельным лицам из их числа – содержание, размер которого определялся самим Управлением (п. 9 ст. 1). По нашему мнению, это дискриминационная норма, так как, к примеру, те же представители рабочих оказывались в наименее выгодном положении и в силу своей занятости и привязанности к основному месту работы не могли в полной мере на безоплатной основе участвовать в работе комиссий.

Порядок ведения дел Портового Управления, а также избрание и назначение его членов определялись специальными правилами. При этом первые выборные члены вместо избрания в порядке, установленном этим законом, должны были назначаться Департаментом Торговли по совещании с лицами и учреждениями, обладающими, по мнению Департамента, знаниями и опытом в области торговли или судоходства Лондонского порта; первый председатель, если Департамент признавал это уместным, мог быть назначен Департаментом, причем в таком случае размер его содержания (если оно вообще назначалось) определялся Департаментом (п. 11 ст. 1).

В отношении портовых приспособлений и вспомогательных средств устанавливались следующие права и обязанности Портового Управления.

В обязанность Портового Управления входило в возможно короткий срок по наступлении назначенного срока (ст. 49) ознакомиться с состоянием реки, портовыми приспособлениями и вспомогательными средствами, существу-

ющими в Лондонском порте, и принимать затем те из нижеприведенных мер, которые им признавались необходимыми в силу этого закона:

а) продолжать любое из предприятий компаний доков, переданных Портовому Управлению;

б) приобретать и продолжать всякое предприятие, предоставляющее или имеющее целью предоставить приспособления или вспомогательные средства для погрузки, выгрузки или склада товаров в Лондонском порту [11, с. 3];

в) строить, оборудовать, поддерживать любые доки, набережные, молы, шлюзы, пристани, здания, железные дороги и прочие подобные сооружения;

г) осуществлять иные права, переходящие к Портовому Управлению на основании настоящего закона или ему предоставляемые (ст. 2).

После назначенного срока (ст. 49) предприятия компаний «London and India Docks Company», «Surrey Commercial Dock Company» и «Milwall Dock Company» (компании доков) передавались Портовому Управлению, причем Управление должно было выдать этим компаниям или кому они указали в вознаграждение за их предприятия портовые облигации, выпускаемые на основании этого закона, на следующие суммы:

а) «London and India Docks Company» 7978876 фунтов стерлингов облигациями «А» и на 9893835 фунтов облигациями «В»;

б) «Surrey Commercial Dock Company» 522000 фунтов стерлингов облигациями «А» и 2388485 фунтов стерлингов облигациями «В»;

в) «Milwall Dock Company» 651276 фунтов стерлингов облигациями «А» и 928504 фунта облигациями «В» (п. 1 ст. 3).

Эти облигации заменяли действовавшие облигации и прочие капитальные бумаги компаний доков (п. 2 ст. 3) [11, с. 4].

По передаче предприятия Портовое Управление вступало во владение им и могло осуществлять все права, полномочия и преимущества данной компании; равным образом с упразднением компании оно принимало на себя ее все обязанности, обязательства и долги (кроме облигационных), возникшие на основании законов, местных или общих, или иных постановлений, касающихся компании, как и все их прочие обязанности, долги и обязательства (п. 3 ст. 3).

Кроме того, устанавливалось, что Департамент Торговли может издавать распоряжения (orders), которые могли оказаться необходи-

мыми для передачи предприятий и для предоставления возможности Портовому Управлению вести предприятия, передача которых уже состоялась (п. 4 ст. 3).

В развитие предыдущего положения ст. 4 устанавливалось, что Портовое Управление и владельцы предприятия, предоставляющего или имеющего целью предоставить портовые приспособления или удобства для загрузки, выгрузки или склада товаров в Лондонском порту, имеют право с согласия Департамента Торговли вступать между собой в соглашения о передаче данного предприятия Портовому Управлению; при этом Департамент Торговли по ходатайству Портового Управления или владельцев предприятия мог издавать распоряжения, необходимые для выполнения такого соглашения. Всякое такое распоряжение, если предприятие принадлежало компании, могло содержать постановления о выкупе и погашении облигаций или облигационного капитала компании и о закрытии компании; если же вся сумма вознаграждения по соглашению или какая-либо часть его принималась в портовых облигациях, то распоряжением Департамента Торговли мог быть установлен срок, в течение которого должно было состояться постановление о выкупе этих портовых облигаций (п. 1 ст. 4) [11, с. 5].

В случае если Портовое Управление желало приобрести какое-либо предприятие подобного рода, но было не в состоянии прийти к соглашению с владельцами его, оно имело право ходатайствовать о внесении для этой цели в Парламент соответствующего билля (п. 2 ст. 4).

Также Портовому Управлению и Совету Лондонского Графства позволялось заключать между собой соглашения на предмет приобретения Портовым Управлением или передачи ему на известных условиях различных дамб и пристаней, принадлежащих этому Совету или арендуемых им, вместе с правом издавать обязательные постановления, устанавливать пошлины, сборы или платежи, взимать и взыскивать их, равно как и со всеми другими правами, полномочиями и распорядительной властью, какими обладал или какие мог осуществлять Совет в отношении указанных дамб и пристаней. По приобретении или передаче таковых все перечисленные права, полномочия и распорядительная власть присваивались Портовому Управлению и подлежали осуществлению от его имени (ст. 5).

Кроме того, Департамент Торговли по ходатайству Портового Управления получил право издавать постановления, разрешающие:

а) постройку и оборудование доков, набережных, молов, пристаней, зданий, железных дорог и прочих относящихся сюда сооружений, названных в данном постановлении;

б) покупку или иной, помимо соглашения, способ приобретения участков земли, указанных в постановлении;

в) установление, взимание, взыскание пошлин, сборов, платежей и пр. за пользование сооружениями, проектируемыми на основании постановления Департамента Торговли по этой статье, и предоставляющие права по заведыванию этими сооружениями, названными в данном постановлении [11, с. 6];

г) Портовому управлению причислять к капиталу как часть стоимости постройки, разрешенной постановлением, проценты на суммы, реализованные на покрытие расходов по возведению такого сооружения и по приобретению земли для этой цели, на срок и с такими ограничениями, какие указаны в постановлении.

При этом оговаривалось, что:

во-первых, постановлением, издаваемым на основании этой статьи, не может быть разрешено принудительное приобретение земельного участка, расположенного к западу от меридиана 6° восточной долготы от Гринвича, или участка, который достался владельцу на основании местного закона, временного устава или приказа, имеющего силу парламентского акта;

во-вторых, постановление, разрешающее возведение новых сооружений, налагает на Портовое Управление обязанность устроить для лиц, которые будут служить в новых сооружениях, жилые помещения, какие Совет Торговли от времени до времени может признать нужными;

в-третьих, ничто в этой статье без согласия Департамента Земледелия и Рыболовства не может служить основанием для приобретения общественной или имеющей общественное значение земли, места, предназначенных для развлечений, общественного луга или иного открытого места, отведенного для общего пользования, или же места, занятого закрытым уже кладбищем (п. 1 ст. 6).

Перед изданием приказа на основании этой статьи Департамент Торговли должен был назначить беспристрастное лицо, не состоящее на службе ни в каком правительственном учреждении, для производства публичного рас-

следования о полезности предполагаемой меры; если такое лицо докладывало или Департамент Торговли признавал, что вследствие значительного протяжения или особого местоположения участка [11, с. 7], предположенного к принудительному отчуждению, равно как ввиду особого назначения участка или в силу каких-либо иных обстоятельств, он не должен быть принудительно отчужден без санкции Парламента, то в таком случае приказ Департамента должен был носить лишь временный характер и не имел силы без утверждения его Парламентом (п. 2 ст. 6).

Всякое распоряжение, изданное на основании этой статьи, которым разрешались покупка и приобретение земли иным, помимо соглашения, способом, включалось в поземельные законы, как бы представляя собой специальный закон, изданный на общем основании этих законов (п. 3 ст. 6).

Любое иное распоряжение, кроме «временного распоряжения (provisional order)», изданного Департаментом Торговли на основании этой статьи, вступало в силу лишь после того, как проект его в течение тридцати дней находился во время сессии в обеих палатах Парламента; если какая-либо из палат в течение этих тридцати дней представляла Его Величеству адрес с возражениями против упомянутого проекта, то дальнейшее движение дела приостанавливалось, но это нисколько не препятствовало изданию нового распоряжения (п. 4 ст. 6).

Содержал Закон 1908 г. и постановления об охране фарватера Темзы, которыми предусматривалось, что после назначенного срока (ст. 49) Портовому Управлению передаются все права, полномочия и обязанности властей, охраняющих фарватер реки Темзы (в этом законе называемых «Управлением Фарватера»), в отношении реки Темзы вниз от береговой границы Лондонского порта; равным образом от Управления Фарватера переходят к Портовому Управлению фонд судоходства по нижнему течению, все обязательства, всякого рода капиталы, назначенные для погашения облигации «А» Управления Фарватера, подлежащие выкупу [11, с. 8], а также все вообще имущество, которое оно арендует или приобрело, и обязательства, которые оно заключило в связи с заведыванием фарватером Темзы вниз от береговой границы Лондонского порта (п. 1 ст. 7).

Устанавливалось, что все узаконения, относящиеся к Управлению Фарватера (за исключением регулирующих средства, отчеты и

заемные операции его), поскольку они не отменялись этим законом и поскольку касались передаваемых прав, полномочий, обязанностей, имущества и долгов, имеют такую же силу, как если бы ссылки на Управление Фарватера были заменены ссылками на Портовое Управление.

При этом оговаривалось, что:

а) во всех таких узаконениях упоминания о Лондонском порте рассматривают согласно определению его в этом законе;

б) во всех таких узаконениях упоминания о реке Темзе выше и ниже Teddington Lock рассматривались как упоминания о реке Темзе выше и ниже береговой границы Лондонского порта;

в) в определении «Темзы» в ст. 3 Закона 1894 г. «Об охране фарватера Темзы» слова «воображаемая прямая линия, проведенная от входа в бухту Янтлет в графстве Кент до городской границы против острова Канвей в графстве Эссекс» заменяются словами «морская граница Лондонского порта»; в том же определении после слов «железнодорожная компания» надлежит вставить слова «и никакая часть реки Медвей в пределах юрисдикции властей, охраняющих ее фарватер»;

г) оговорка к п. 1 ст. 83 Закона 1894 г. «Об охране фарватера Темзы» (о пространстве, в пределах которого дозволяется осуществлять право землечерпания) заменялась такой: «При этом оговаривается, что Департамент Торговли может, по ходатайству Портового Управления, путем издания временного приказа, расширить пространство [11, с. 9], в пределах которого дозволяется осуществлять права по этому пункту, включив в него такую часть устья реки Темзы и берегов ее к востоку от морской границы Лондонского порта, в пределах, обозначенных временным приказом, какая расположена к западу от нее»;

д) в Законе 1894 г. «Об охране фарватера Темзы» отменялись только те постановления, которые освобождали пассажирские суда от потонного сбора;

е) в Законе 1905 г. «Об охране фарватера Темзы» отменялись постановления, ограничивающие срок, в течение которого могли быть потребованы и взысканы увеличенные потонные сборы, разрешенные этим законом;

ж) узаконения, касающиеся прав и обязанностей в отношении палубных ботов и увеселительных судов, не применялись к Портовому Управлению;

з) права и обязанности Портового Управления и его чинов в отношении рыболовных судов, рыбы и рыбной ловли, если не издан или пока не издан приказ в порядке, указанном ниже, простирались до линии, проведенной от бухты Янтлет до городской границы против острова Канвей, но не к востоку от этой линии; однако Департамент Земледелия и Рыболовства мог, с согласия Департамента Торговли, издать приказ, который либо

1) изымал из морского рыболовного округа Кента и Эссекса заключающуюся в нем часть Лондонского порта и распространял упомянутые права и обязанности Портового Управления и его чинов на часть Лондонского порта к востоку от указанной линии; либо

2) распространял пределы морского рыболовного округа Кента и Эссекса на часть Лондонского порта к западу от указанной линии, обозначенную в приказе, и изымал эту часть из того пространства, в пределах которого Портовое Управление и его чинов могли осуществлять свои права и обязанности, всякий приказ, изданный для этой цели имел силу [11, с. 10], как если бы он был издан в изменение установленных правил на основании Закона 1888 г. «О регулировании морского рыболовного промысла»;

и) если Портовое Управление отменяло разрешение, выданное для одной из целей, поименованных в ст. 109 и 110 Закона 1894 г. «Об охране фарватера Темзы», чинами Управления Фарватера или их предшественниками и имевшее силу в момент наступления назначенного срока (ст. 49), или отказало в выдаче разрешения для какой-либо из означенных целей на приемлемых условиях, то лицо, имевшее разрешение, или лицо, ходатайствовавшее о его выдаче, могло жаловаться на отмену или отказ Департаменту Торговли; решение Департамента Торговли считалось окончательным и обязательным для обеих сторон;

к) пункт 4 ст. 193 Закона 1894 г. «Об охране фарватера Темзы», касающийся опубликования изменений в обязательных постановлениях и добавлений к ним, не подлежал применению;

л) постановления, предоставляющие полномочия по принятию мер против загрязнения рек, не подлежали применению в отношении притоков Темзы в графстве Мидельсекс (п. 2 ст. 7).

При этом указывалось, что ничто в этой статье не должно рассматриваться в смыс-

ле предоставления Портовому Управлению какого-либо права или интереса в русле или на берегу реки Темзы к востоку от указанной линии, проведенной от бухты Янтлет к городской границе против острова Канвей, или в смысле предоставления Портовому Управлению права без согласия надлежащего правительственного учреждения занимать, пользоваться или распоряжаться частью русла или берега Темзы к востоку от упомянутой линии или уполномочивать на это какое-либо лицо, если эта часть находится во владении или в ведении означенного учреждения; ст. 116 и 239 Закона 1894 г. «Об охране фарватера Темзы» не подлежали применению в отношении Темзы к востоку от упомянутой линии; однако правительственное учреждение могло передать Портовому Управлению на условиях, установленных по взаимному соглашению с ним, всякий интерес или право короля по праву короны, или по праву владения Ланкастерским герцогством, или по праву учреждения – в части русла или берега Темзы, находящейся в ведении данного учреждения между упомянутой линией и линией, проведенной от мыса Warden до входа в бухту Havengore (п. 3 ст. 7) [11, с. 11].

Регулировал Закон 1908 г. и такой важный вопрос, как деятельность общества перевозчиков. В нем указывалось, что в силу этого закона к Портовому Управлению переходили все права и обязанности старшин и членов «общества перевозчиков и грузчиков реки Темзы», а также совета старшин и соревнователей указанной артели в отношении:

а) регистрации подвижного состава на реке и выдачи патентов на плавание;

б) выдачи грузчикам и перевозчикам свидетельств на производство их промысла;

в) управления, заведывания и наблюдения за грузчиками и перевозчиками (включая учреждение мест стоянки и назначение надзирателей). Равным образом от артели к Портовому Управлению переходило имущество артели, арендуемое ею или приобретенное, и обязательства, возникшие в связи с передаваемой собственностью согласно изложенному, правами и обязанностями (п. 1 ст. 11) [11, с. 16].

Необходимо упомянуть и о том, что Законом предусматривалось, по утверждению Парламентом временного приказа с таблицей, взимание портовых сборов со всех товаров, ввозимых в Лондонский порт из стран по ту сторону моря или каботажом либо вывозимых из него. Размер сборов определялся Портовым Управ-

лением, однако при этом должны были приниматься во внимание случаи освобождения товаров от сборов или понижения ставок, если это было предусмотрено временным приказом или допущено Портовым Управлением. С целью сохранения стабильности в торговле определялось, что портовые сборы в любом случае не должны превышать ставок, которые были определены временным приказом Департамента Торговли до издания Закона (п. 1 ст. 13) [11, с. 21–22].

Следует также указать, что на основании Закона 1908 г. Портовому Управлению для целей осуществления его прав и обязанностей на основании настоящего закона или для иных целей, касающихся управления Лондонским портом, для поддержания в нем порядка или мер по его улучшению, предоставлялось право:

а) распоряжаться любыми зданиями, изменять или расширять их, отчуждать землю или сооружения, которые перешли к Портовому Управлению в силу этого Закона или которыми оно владело на ином основании;

б) приобретать, арендовать, строить и снабжать обстановкой необходимые здания и помещения;

в) приобретать, покупать и арендовать землю или совершать обмен землей;

г) назначать правителя канцелярии, секретаря, казначея и иных служащих по необходимости;

д) поддерживать билли в Парламенте или возражать против них и выступать в судебных делах в качестве истца или ответчика [11, с. 37]. При этом вводились и некоторые ограничения на такое распоряжение (ст. 26).

С целью скорейшего ознакомления со стоящими перед ним задачами устанавливалось, что Портовое Управление в возможно короткий срок должно ознакомиться с изысканиями русла и берегов реки и вод, подверженных действию приливов, в пределах Лондонского порта (ст. 30).

Закон также предусматривал, что рельсовые и разъездные пути, составляющие часть какого-либо дока, принадлежащего Портовому Управлению, считаются железными дорогами. В этом случае Портовое Управление признавалось железнодорожным обществом по отношению к тем постановлениям законов 1854–1888 гг. о движении по железным дорогам и каналам, которые касались сквозных тарифов (ст. 31) [11, с. 41].

Нашлось в Законе место и норме, устанавливающей, что Портовое Управление обязано

представлять Департаменту Торговли ежегодно донесение о своих операциях, каковое представляется Департаментом на рассмотрение Парламента (ст. 36) [11, с. 44].

В завершение рассмотрения выделенных нами положений Закона о Лондонском порте укажем, что содержались в нем и постановления переходного характера (ст. 54–63), направленные на смягчение возможных негативных факторов перестройки управления важнейшим портом страны [11, с. 54–69]. Последующее же после принятия Закона 1908 г. изъятие порта Лондона из частных рук и передача его в управление коллегиальному органу, представляющему практически все заинтересованные стороны, введение обязательного публичного ежегодного отчета позволили сделать работу этого страте-

гического предприятия Великобритании более прозрачной, а значит, и более успешной.

Очевидно, кроме прочего, следует указать и на тот факт, что Великобритания далеко не позже всех обратила внимание на необходимость установления государственного контроля за морскими портами. Так, в частности, А.С. Сергеев отмечает, что в США морские порты находятся в собственности государственных корпораций, объединенных Американской ассоциацией портовых администраций с 1912 г. [12, с. 80], что, по нашему мнению, говорит в пользу общего вывода о том, что в конце XIX – начале XX в. в мире сложилась четкая тенденция по взятию под государственный контроль основных транспортных артерий и всех их составляющих, в том числе и на водном транспорте.

1. Змерзлый Б.В. *Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. Симферополь, 2014.*

2. Змерзлый Б.В. *Развитие системы управления портами Черного и Азовского морей в XX в. // Митна справа. 2015. С. 10–14.*

3. Любинецкий А.Н. *Правовое регулирование управления торговыми портами Италии по Уставу торгового мореплавания 1871 г. // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, 19–20 апр. 2018. Симферополь, 2018. С. 517–526.*

4. *Германские законы о торговом мореплавании / под ред. В.С. Садовского. СПб., 1902.*

5. *Свод морских торговых постановлений издания 1871 г. / пер. с англ. лейтенант Андрей Деливорн. СПб., 1872.*

6. *Систематический сборник английских законоположений о торговом мореплавании (Лиз и Бигхем). СПб., 1885.*

7. *Английский закон о торговом мореплавании 25 авг. 1894 г. / под ред. члена-делопроизводителя С.П. Веселаго. СПб., 1903.*

8. *Английский закон о торговом мореплавании 21 дек. 1906 г. СПб., 1908.*

9. *Гольдштейн Л.М. Морское право России, Германии, Франции, Англии и Швеции. СПб., 1903.*

10. *Коваль А.В. Управление морскими торговыми портами Великобритании по Своду морских торговых постановлений 1871 г. //*

1. *Zmerzly B.V. Legal regulation of merchant shipping in the Black Sea-Azov region in the late XVIII – early XX centuries. Simferopol, 2014.*

2. *Zmerzly B.V. Development of the port management system of the Black and Azov Seas in the XX century // Customs law. 2015. P. 10–14.*

3. *Lyubinetsky A.N. Legal regulation of the management of commercial ports of Italy under the Charter of merchant shipping of 1871 // Modern trends in the development of law in the context of globalization: comparative legal aspect: proc. of the III All-Russian sci. and practical conf. with Intern. participation of faculty members, postgraduates and students, Apr. 19–20, 2018. Simferopol, 2018. P. 517–526.*

4. *German laws on merchant shipping / ed. by V.S. Sadovsky. St. Petersburg, 1902.*

5. *The Code of Maritime Trade Regulations d.d. 1871 / transl. from English by lieutenant Andrei Delivorn. St. Petersburg, 1872.*

6. *A systematic collection of English regulations on merchant shipping (Liz and Bigham). St. Petersburg, 1885.*

7. *English law on merchant shipping d.d. Aug. 25, 1894 / ed. by clerk member S.P. Vesely. St. Petersburg, 1903.*

8. *English Merchant Shipping Act d.d. Dec. 21, 1906. St. Petersburg, 1908.*

9. *Goldstein L.M. Maritime law of Russia, Germany, France, England and Sweden. St. Petersburg, 1903.*

10. *Koval A.V. Management of the UK sea trade ports on the basis of the Sea trade regulations of 1871 // Modern trends in the development of*

Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, 19–20 апр. 2018. Симферополь, 2018. С. 506–517.

11. *Английский закон о лондонском порте 21 дек. 1908 г. / Министерство торговли и промышленности; Отдел торговых портов. СПб., 1910.*

12. *Сергеев А.С. Модели управления морскими портами в условиях свободного режима коммерческой деятельности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 2(71). С. 78–89.*

law in the context of globalization: comparative legal aspect: proc. of the III All-Russian sci. and practical conf. with Intern. participation of faculty members, postgraduates and students, Apr. 19–20, 2018. Simferopol, 2018. P. 506–517.

11. *English Port of London Act d.d. Dec. 21, 1908 / Ministry of Commerce and Industry; Department of Commercial Ports. St. Petersburg, 1910.*

12. *Sergeev A.S. Models of management of sea ports in the conditions of free mode of commercial activity // Customs policy of Russia in the Far East. 2015. № 2(71). P. 78–89.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рассказов Леонид Павлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета; e-mail: mail@kubsau.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.P. Rasskazov, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru

---

Грицай Владимир Викторович
Яблонский Иван Владимирович

Основные тенденции развития миграционных процессов в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

На основе анализа архивных материалов, публикаций правовых документов предпринята попытка оценить интенсивность и направления миграционных процессов в Российской империи. Дана характеристика переселенческой политики царизма. Сделан вывод о том, что активные действия государства по организации переселенческой политики в указанный период в основном решили проблему перераспределения населения, это положительно сказалось на социально-политической и экономической ситуации в стране.

Ключевые слова: миграционные процессы, переселенческая политика, административно-территориальное деление, иммиграция, эмиграция, Переселенческое управление, ходоки, Столыпинская аграрная реформа.

The main trends in the development of migration processes in the Russian Empire in the late XIX – early XX century

In the article, based on the analysis of archival materials, publications of legal documents, an attempt is made to assess the intensity and direction of migration processes in the Russian Empire. The characteristic of the Tsarist migration policy is given. It was concluded that the active actions of the state in organizing the resettlement policy during this period basically solved the problem of the redistribution of the population, without a doubt, that was a positive impact on the socio-political and economic situation in the country.

Key words: migration processes, immigration policy, administrative-territorial division, immigration, emigration, Resettlement committee, walkers, Stolypin agrarian reform.

В дореволюционной России понятия «миграция» в современном смысле этого слова не существовало, все отношения, касающиеся перемещения населения, именовались переселенческой политикой. В отечественной историографии того периода миграции понимались лишь как процессы перемещения людей, и это вполне традиционное определение касалось и перемещения через границу империи, т.е. эмиграции (выезда) и иммиграции (въезда). Для обозначения внутренних миграционных процессов употреблялся термин «переселение» и его производные.

Историко-правовой науке XIX – начала XX в. также незнаком термин «внутренняя миграция», по крайней мере, применительно к российской действительности, его использование в нормативных документах того периода не отмечено.

Исходя из этого, внутреннюю политику Российской империи, касающуюся вопросов перемещения населения внутри государства, можно именовать переселенческой политикой, вполне отождествляя ее с политикой миграционной.

Хронологические рамки рассматриваемого периода объясняются учреждением и началом активной работы Переселенческого управления как структуры, призванной упорядочить миграционные процессы, и Октябрьской революцией, которая упразднила все органы прежней власти.

Уже со второй половины XIX в., фактически сразу после отмены крепостного права в 1861 г., в России начала складываться очень сложная миграционная и демографическая ситуация. Как справедливо заметил в начале прошлого века А.А. Кауфман, «...все переселенческое движение 60-х и 70-х годов было самовольным, нелегальным» [1, с. 81]. Это особенно справедливо для черноземных губерний России, где малоземелье ощущалось острее всего. Крестьяне покидали эти территории с многочисленными нарушениями имевшегося порядка, как правило, за всеми числилась неуплата различных недоимок, как следствие, у них отсутствовали документы, разрешающие перемещение, – паспорта. По Уставу о Паспортах 1846 г. внутренний паспорт (вид на жительство) являлся не столько документом, удостоверя-

ющим личность, сколько документом, подтверждающим право его владельца на свободное перемещение в пределах империи [2, с. 1]. В такой ситуации интенсификация миграционных потоков неизбежно приводила бы к осложнению криминогенной обстановки, росту преступности и в конечном счете потере контроля государства над окраинами обширной империи. Что касается направлений миграционных потоков, то в XIX – начале XX в. они имели и разный характер, и разное направление.

В интересующий нас период переселение в Сибирь и на Дальний восток являлось основным миграционным потоком, призванным обеспечить решение не только аграрного вопроса, но и некоторых политических вопросов. По разным оценкам, в этом направлении мигрировало около 4,5 млн человек из чуть более 8 млн мигрантов в целом по стране [3, с. 23].

Говоря о нормативном и правовом обеспечении миграционного процесса, необходимо отметить две тенденции его развития. В период со второй четверти XIX в. наибольшее распространение имели меры, ограничивающие миграционные процессы.

Такие меры были четко обозначены 13 июля 1889 г. принятием закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», в ст. 1 которого указывалось: «Переселение допускается не иначе как с предварительного на то разрешения Министров внутренних дел и государственных имуществ. Лица, предпринявшие переселение без сего разрешения, возвращаются в места приписки распоряжениями административных властей» [4, ст. 1].

С начала XX в. царское правительство отказалось от политики сдерживания переселенческого движения. Это объясняется как минимум двумя причинами.

Во-первых, ограничительные меры не давали должного эффекта. Известный советский историк Зайончковский писал: «...Если переселение крестьян, казалось бы, должно было ослабить земельный голод путем организации массовой колонизации, то закон 1889 г. ставил своей задачей, елико возможно, сдержать это движение, ставя многочисленные рогатки тем, кто хотел уйти на новые земли. Однако действительность показала, что практически этот закон не приостанавливал колонизационного потока...» [5, с. 203].

Во-вторых, статус переселенца становился все более привлекательным. В моральном плане переселение давало ощущение свобо-

ды, в материальном отношении – получение ссуды на обустройство хозяйством, практически неограниченное пользование ресурсами осваиваемой территории.

Необходимы были меры разрешительно-регулирующего характера. Особенно щедрым на такие меры российское правительство было с начала царствования Николая II. Уже в год коронации (1896) вышли закон о выдаче ссуд переселенцам и Высочайше утвержденное 15 апреля 1896 г. мнение Государственного Совета, несколько изменившего правила 1889 г., 23 мая 1896 г. вышел закон о землеустройстве в Сибири.

Политика правительства стала постепенно меняться в сторону все большего смягчения запретительных норм для крестьян-переселенцев, расширения возможностей легального переселения, предоставления крестьянам различной, прежде всего денежной, помощи. Правительство «...отказалось от попытки сдерживать его административными мерами и разрешило свободу переселения в 1904 г...» [6, с. 250], поскольку понимало, что сдерживание переселенческого движения не самый лучший способ нормализации отношений в этой сфере.

В этом же году правительство обратило внимание на ходячее движение и подготовило «Положение Комитета Сибирской железной дороги о посылке ходячих в Сибирь от отдельных семей», Высочайше утвержденное 7 декабря 1896 г. [7, с. 1151].

Миграционные процессы в Российской империи данного периода невозможно себе представить без рассмотрения ходячества – феномена, выработанного самой жизнью. По современному определению ходячество – это процесс отправки одного из членов семьи или представителя общины на место планируемого переселения. Такой представитель и назывался «ходячком». Он имел целью наиболее подробно разведать место будущего поселения, убедиться в его пригодности для своей семьи и семей других членов общины. В определениях дореволюционных авторов еще присутствует термин «семейное ходячество», где подчеркивается родовой характер явления, и «групповое ходячество», где выделяется принцип соседский. Семейное ходячество значительно преобладало над групповым. По утверждению А.А. Кауфмана, 97% всех ходячих были ходячками семейными в период, когда ходячество было свободным и не обремененным административным воздействием [1, с. 71].

Широчайшее распространение этого явления, делавшее его неременным атрибутом миграции – переселения, вынуждало прави-

тельство обеспечить его нормативно. Ходачество приобретает официальный статус и правовую основу. Это не замедлило сказаться на миграционных процессах. Значительно сократилось количество неконтролируемых переселенцев, сократился процент самовольного движения [8, с. 188].

Правительству важно было решить вопрос нехватки земли у крестьян, уберечь крестьянскую массу от революционных элементов. Помимо восполнения недостатка сельскохозяйственных земель у беднейших слоев крестьянства, правительство интересовал и колонизационный потенциал крестьянского переселенческого движения. Крестьяне из Европейской России способствовали освоению пустующих окраин империи, а также их русификации и христианизации.

Переселенческая политика для Российского государства была всегда актуальной и играла все более значимую роль по мере разрастания территории империи. Во второй половине XIX в. масштабы переселения стали столь велики, что потребовалось создание специального органа для обеспечения переселения. Такой орган при правительстве, решающий задачи организации государственных миграций, – Переселенческое управление – был создан 2 декабря 1896 г. при Министерстве внутренних дел (МВД). В марте 1905 г. Переселенческое управление передано Главному управлению землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) для сосредоточения в ведомстве землеустройства и земледелия заведования переселенческим делом. Это было необходимо для обеспечения государственного контроля над перемещением больших крестьянских масс из Центральной России за Урал. Такое переподчинение было вызвано началом аграрных реформ, получивших название столыпинских, землеустроительной и переселенческой политикой.

Управление ведало выдачей разрешений на переселение, принимало меры к упорядочению переселенческого движения, занималось начальным механизмом переселенцев на местах водворения, заведовало всеми кредитами по МВД на переселенческое дело, вело предварительную разработку всех новых мер законодательного и административного свойства и рассматривало дела, возложенные на управление министром внутренних дел.

Переселенческое управление решало как экономические, так и политические задачи. Оно рассматривалось как учреждение общегосударственного значения. В разное время Переселенческое управление возглавляли выдающиеся государственные деятели, а

также исследователи крестьянского вопроса и крестьянского переселенческого движения: В.И. Гиппиус (1896–1902), А.В. Кривошеин (1902–1905), Г.В. Глинка (1905–1915), Г.Ф. Чиркин (1916–1917) [7, с. 1152].

Существенным является то, что после реорганизации и переподчинения Управление развернуло активную пропаганду переселенческой политики российского правительства именно в 1906 г., во время подъема крестьянского движения.

В 1907 г. «...на эту тему среди крестьян распространялось более 6,5 млн экземпляров различных брошюр и листов, в том числе около 130 тысяч справочных книжек и 400 тысяч “разъяснений” о порядке переселения и условиях водворения на государственных землях азиатской части России» [6, с. 251].

Начальник Переселенческого управления Г.В. Глинка и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин заявили, что «...переселенческое дело, призванное облегчить крестьянскую нужду в земле и содействовать благополучию трудового крестьянства, достигло ныне небывалого роста, сильного единения с обществом и земскими учреждениями. Широкая гласность освещает все дело переселения, которому предоставлено сыграть серьезную и крупную роль и в истории русского крестьянства, и настанет тот счастливый момент, когда... переселение выбьется на твердую и правильную дорогу» [цит. по: 1, с. 252].

По вопросам переселения издавались, например, «Материалы по земельному вопросу в Азиатской России», «Переселение и землеустройство за Уралом», где публиковались обобщающие правительственные данные. В этих работах печаталось большое количество фотографий, которые должны были привлечь переселенцев на новые места. Примечательно, что в основном использовались фотоснимки церквей для доказательства заботы правительства о духовных нуждах переселяющихся. Переселенческие власти занимались также перевозкой переселенцев и ходоков партиями, отведением переселенческих участков, их обустройством и проведением к ним дорог [6, с. 252].

Несмотря на активную законодательную поддержку переселения со стороны царского правительства в конце XIX в., отмечались и ограничительные меры, хотя и временного характера. Но они, впрочем, относятся не к количеству переселенцев, а к территориям, куда переселение ограничивалось, а потом и вовсе прекратилась выдача разрешений на переселение. Речь идет о переселении на Алтай. На эту территорию переселение было временно

запрещено, основной причиной следует назвать то, что Алтай стал местом самого массового самовольного переселения. В 1896 г. количество переселенцев оценивалось в 100 тыс. человек [8, с. 188].

«Опыт рациональной организации передвижения переселенцев и ходоков накапливался год от года. Ошибки при реализации переселенческой политики на местах в первую очередь имели своей причиной ненадлежащее выполнение своих обязанностей служащими Переселенческого ведомства... По ним нельзя судить об общей организации переселенческой политики» [6, с. 250].

Еще одним мощным стимулом к развитию миграции в Сибирь и на Дальний Восток было решение о строительстве Великого Сибирского Пути – 25 февраля (9 марта) 1891 г. Александр III подписал соответствующий указ. Направление транссибирской магистрали полностью совпадало с вектором миграционной активности населения.

Эмиграционная составляющая имперской миграционной политики не является объектом нашего исследования, но, тем не менее, отметим, что эмиграция как правовое понятие в Российской империи отсутствовало. Переход в гражданство иного государства запрещался. Срок пребывания за границей ограничивался пятью годами. Если не продлить этот срок, то по возвращении на родину эмигрант подвергался аресту и вечной ссылке.

В ситуации отсутствия нормативного регулирования эмиграции отсутствовали и какие-либо системы ее учета. Поэтому сегодня достаточно сложно судить о ее направлениях и численности. Исследователь миграционных процессов П. Полян для оценки количества выехавших из Российской империи предлагает воспользоваться данными принимающих стран.

По его мнению, с 1851 по 1915 г. Россию покинуло около 4,5 млн человек. Многие эмигранты из России были иностранноподданными [9, с. 495]. Примерно такие же цифры приводят и другие исследователи. Например, В. Оболенский (Осинский) утверждает, что Россию за этот период покинули 4,2 млн человек, причем 2,7 млн – во второй половине XIX в. [10, с. 20].

Специфическое правовое положение евреев в Российской империи определяло и их участие в миграционных отношениях. Начиная с 1892 г. эмиграция из империи разрешалась только евреям, но и они лишались права на репатриацию.

По сведениям П. Поляна, евреи составляли около 40% всех эмигрантов из России [9, с. 495]. Активно они стали покидать ее с 1870 г. Дело

в том, что по американской конституции евреи пользовались гораздо большим набором прав и свобод, нежели в Российской империи с ее чертой оседлости.

Завершая рассмотрение миграционных процессов Российской империи, отмечая нарастание их интенсивности к концу XIX – началу XX в. как внутри страны, так и в направлении за границы империи, сделаем некоторые выводы.

Во-первых, направление и правовое обеспечение внутренних миграционных отношений и процессов подвергалось систематическому анализу и корректировке со стороны царского правительства. Внимание же к процессам эмиграционного и иммиграционного свойства было менее значительным. В этом отношении правительство старалось лишь ограничивать процессы проникновения в страну революционных идей. Внутренние миграции имели центробежный характер и были направлены в основном по линии Запад – Восток. В силу их аграрного характера они претерпели значительную активизацию после начала столыпинских аграрных реформ.

Во-вторых, южное направление миграции было не столь масштабным по своему количеству параметру и не носило ярко выраженного сельскохозяйственного характера. Это объясняется спецификой землепользования в южнорусских казачьих областях. Правовое положение иногородних мигрантов в традиционно казачьих регионах было малопривлекательным по сравнению с территориями за Уралом. Местное казачье население в полном смысле кровью и потом заслужило свое право на привилегированное положение в этих областях. Хотя его нельзя назвать автохтонным населением.

В-третьих, эмиграционная составляющая процессов движения населения хотя и была достаточно объемна по своему содержанию, разнообразна по направлению, но не оказывала значительного влияния на хозяйственно-экономическое и социально-политическое положение в стране.

Таким образом, на основании изложенного можно констатировать начало нового периода в истории развития миграционных отношений в Российской империи – периода, когда был осуществлен переход от стихийной, спонтанной колонизации земель к государственному регулированию миграционных потоков; обеспечено достойное государственное сопровождение переселенцев; завершилось становление иерархической структуры миграционной системы; она вступила в новый этап своего развития в процессе решения важнейших государственных задач.

1. Кауфман А.А. *Переселение и колонизация*. СПб., 1905.
2. *Устав о паспортах. Раздел первый* // СЗРИ. Т. XIV. Изд. 1903.
3. Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т.* СПб., 2003.
4. ПСЗ. № 6198. *Собрание третье*. Т. 9.
5. Зайончковский П.А. *Российское самодержавие в конце XIX столетия*. М., 1964.
6. Хромых А.В. *Организация перевозки крестьян-переселенцев и ходоков в России после 1906 года* // Молодой ученый. 2012. № 10.
7. Касило М.Г., Хромых А.В. *Переселенческое управление в Российской империи (1896–1917)* // Молодой ученый. 2015. № 11.
8. *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества* / под ред. В.П. Семёнова-Тянь-Шанского. СПб., 1907.
9. Полян П. *Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию* // *Россия и ее регионы в XX веке: территория, расселение, миграции* / под ред. О. Глезера и П. Поляна. М., 2005.
10. Оболенский (Осинский) В.В. *Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР*. М., 1928.

1. Kaufman A.A. *Relocation and colonization*. St. Petersburg, 1905.
2. *Charter of passports. Section one* // *Collection of laws of the Russian Empire*. Vol. XIV. Ed. 1903.
3. Mironov B.N. *The social history of Russia in the period of the empire (XVIII – the beginning of the XX century): in 2 vols*. St. Petersburg, 2003.
4. *Complete collection of laws*. № 6198. *The third collection*. Vol. 9.
5. Zayonchkovsky P.A. *Russian autocracy at the end of the XIX century*. Moscow, 1964.
6. Khromykh A.V. *Organization of transportation of peasant migrants and walkers in Russia after 1906* // *Young scientist*. 2012. № 10.
7. Kasilo M.G., Khromykh A.V. *Migration Administration in the Russian Empire (1896–1917)* // *Young scientist*. 2015. № 11.
8. *Russia. A complete geographical description of our Fatherland* / ed.by V.P. Semenov-Tian-Shansky. St. Petersburg, 1907.
9. Polyan P. *Emigration: who and when left Russia in the XX century* // *Russia and its regions in the XX century: territory, resettlement, migration* / ed. by O. Glezer and P. Polyan. Moscow, 2005.
10. Obolensky (Osinsky) V.V. *International and intercontinental migrations in pre-war Russia and the USSR*. Moscow, 1928.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Грицай Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; e-mail: vla-fabio@yandex.ru;
Яблонский Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612581426.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.V. Gritsay, Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vla-fabio@yandex.ru;

I.V. Yablonsky, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612581426.

Совершенствование организационно-правовых основ деятельности российской военной авиации накануне Первой мировой войны

Исследуется процесс совершенствования организационного строительства и правового обеспечения военной авиации Российской империи накануне Первой мировой войны. Отмечается, что в это время авиационные подразделения уже имели собственную структурную иерархию.

Ключевые слова: организационное строительство, нормативные правовые акты, Положение об авиационной службе, военные летчики, документ, инструкция.

Improving the legal framework for the activities of Russian military aviation before the World War I

The article examines the process of improving organizational construction and legal support of military aviation of the Russian Empire on the eve of World War I. It is noted that at this time aviation units already formed their own structural hierarchy.

Key words: organizational construction, regulatory legal acts, Regulations on the aviation service, military pilots, document, instruction.

Осенью 1910 г. началось организационное строительство военной авиации в структуре Воздухоплавательной части Главного инженерного управления, которое разработало проект «Положения об авиационной службе», предусматривающий образование авиаотрядов в воздухоплавательных ротах [1]. 6 апреля 1911 г. Военным Советом были одобрены проект и штаты авиаотрядов воздухоплавательных рот. В соответствии с этими актами предполагалось сформировать 10 авиаотрядов при воздухоплавательных подразделениях [2]. 25 июня 1912 г. Николай II утвердил Положение и штаты авиаотрядов [3].

В целях материального стимулирования военных летчиков 3 мая 1911 г. Военный Совет одобрил «Временные правила о преимуществах службы в воздухоплавательных частях», которые способствовали привлечению к службе в военной авиации и гарантировали финансовое благополучие летчиков. Во-первых, офицерам и механикам из нижних чинов, проходящим службу в воздухоплавательных частях, определялось жалованье из «усиленного оклада». Во-вторых, выдавалось дополнительное содержание летчикам авиаотрядов воздухоплавательных рот: офицерам по 200 руб., подпрапорщикам по 75 руб. в месяц, если в течение его их налет составлял не менее 6 часов, что фиксировалось приказом по части. В-третьих, летчикам авиаотрядов, чей налет в

общей сложности составлял не менее 50 часов в год, за трехлетнюю непрерывную службу устанавливались прибавки к содержанию: офицерам по 300 руб., нижним чинам по 120 руб. в год. Эта прибавка сохранялась как за летчиками по выходе их в запас или отставку, так и за их семьями сверх положенных им пенсий. В-четвертых, пенсионное обеспечение летчикам, пострадавшим при полетах, гарантировалось на уровне с пострадавшими в военных действиях. В-пятых, предусматривалось пенсионное обеспечение не только вдовам и детям погибших при полетах летчиков, но и близким родственникам (родителям, братьям и сестрам). В правилах особо подчеркивалось, что установление преимуществ преследует две цели: с одной стороны, это «справедливое вознаграждение летчикам за их трудную работу, сопряженную с риском для жизни», а с другой – гарантия государства, что в случае гибели летчика «семья его не останется в обстановке худшей, чем та, при которой она находилась при его жизни» [4, с. 267]. Временными правилами, разумеется, принимались во внимание состояние технической части авиаотряда, ненадежность моторов и несовершенство конструкций аэропланов, отсутствие опыта у технического персонала [5]. Следует отметить, что указанный нормативный правовой акт способствовал привлечению на службу в авиацию офицеров и солдат, материально мотивируя их

и гарантируя в случае их гибели финансовую определенность семьям, а государство брало на себя обязательство выполнения всех предписанных материальных стимулов.

Уже в августе – сентябре 1911 г. в войсковых учениях (маневрах) в Петербургском, Варшавском и Киевском военных округах приняли участие несколько авиаотрядов, сформированных из военных летчиков Авиационного отдела ОВШ и Севастопольской ОША [6, с. 5–6]. Накануне учений, в июле, Генеральный Штаб разработал инструкцию «Краткие руководящие данные для начальников войск, летчиков и посредников, участвующих на маневрах в 1911 году при пользовании самолетов». В ней впервые прописывались вопросы противостояния отечественной авиации воздушному флоту противника, а также указывались принципы активной и пассивной противовоздушной обороны войск на основе практики учебных полетов в Авиоотделе ОВШ и Севастопольской ОША [7]. По результатам учений Главное инженерное управление представило 21 сентября 1911 г. военному министру В.А. Сухомлинову свои предложения об организации 10 авиаотрядов в 1911–1912 гг., в первую очередь при воздухоплавательных подразделениях в Гродно, Киеве, Новогеоргиевске, Карсе, Чите и с. Спасское, а позднее – при крепостях Брест-Литовск, Ковно, Осовец и Севастополь; в 1913 г. планировалось сформировать еще 8 авиаотрядов [8].

Первый боевой опыт в военных действиях русские летчики получили в ходе балканских войн 1912–1913 гг. С учетом этого опыта весной 1913 г. руководитель Воздухоплавательной части генерал-майор М.И. Шишкевич разработал «Общий план организации воздухоплавания и авиации», утвержденный 1 марта 1913 г. Николаем II. Этот документ предусматривал создание 37 корпусных, 10 армейских, 8 крепостных авиаотрядов и 8 отрядов особого назначения – всего 63 авиаотряда. Для их обслуживания, за исключением крепостных подразделений, в административно-хозяйственной сфере (формирование и снабжение) предусматривалось формирование 9 авиационных рот [9]. Таким образом, указанный документ окончательно выделил авиацию из воздухоплавательных подразделений, придав ей автономную структуру.

Для практической подготовки личного состава летчиков авиаотрядов 16 июня 1913 г. начальник Воздухоплавательной части М.И. Шишкевич утвердил «Инструкцию, определяющую порядок ведения занятий и полетов на аэродромах», которая регламентировала правила

и ход осуществления полетов, ведения специальных журналов полетов и прочие технические вопросы [10, с. 36]. Помимо этого 15 августа 1913 г. начальник Генштаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский утвердил «Краткие руководящие данные по пользованию аэропланами как средством разведки и связи, а также их боевому применению». Эта инструкция носила характер официального наставления по боевому применению авиации, где бой в воздухе, помимо разведки и связи, признавался одним из видов деятельности военной авиации, а поэтому рекомендовалось придавать аэропланам на вооружение пулеметы и бомбы [11, с. 12].

В декабре 1913 г. в Военном министерстве произошли структурные изменения: Воздухоплавательная часть Главного управления Генштаба была расформирована, а Главное инженерное управление было преобразовано в Главное военно-техническое управление (ГВТУ). В его составе был образован Технический отдел, куда входили, помимо отделения снабжения инженерным имуществом и железнодорожного отделения, Воздухоплавательно-автомобильная часть, состоящая из двух отделений: Воздухоплавательного (со штатом: начальник отделения; помощник его; столоначальник; помощник столоначальника) и Автомобильного. Соответственно, и ОВШ перешла в ведение начальника ГВТУ. В то же время в структуре Главного управления Генштаба создавалось отделение «по службе технических для связи войск», курирующее организационные вопросы формирования подразделений военной авиации [12; 13]. Таким образом, до начала Первой мировой войны военная авиация фактически находилась в ведении двух военных органов, первое из которых (ГВТУ) решало проблемы технико-снабженческого характера, а второе (Главное управление Генштаба) занималось вопросами формирования и организации авиачастей. При этом Главное управление Генштаба ведало авиачастями через начальников штабов военных округов и крепостей, а ГВТУ – через инспекторов инженерной части штабов военных округов по авиационной части [14; 6, с. 12]. Принимая во внимание бюрократическую составляющую всего управленческого процесса в различных государственных институтах Российской империи того времени, подобное двойное подчинение авиачастей двум структурам военного ведомства нельзя считать оптимальным. Полагаем, этот фактор повлек за собой ряд негативных процессов, отразившихся позднее на состоя-

нии отечественной военной авиации в течение, по меньшей мере, первых двух лет Первой мировой войны.

Отметим, что перед началом Первой мировой войны всего в ведении Военного министерства находились 39 авиаотрядов (1 полевой, 30 корпусных и 8 крепостных) с 263 аэропланами. Однако большая часть вновь сформированных авиаотрядов получила аэропланы, которые находились в мобилизационном запасе и простояли всю зиму 1913–1914 г. под открытым небом. Кроме того, отсутствовали запасные части к моторам и аэропланам. Ни центральное руководство в Петербурге, ни штабы военных округов не озаботились этими проблемами – «все легло на плечи начальников авиационных отрядов и летчиков» [15; 16, с. 18–19]. Нелишне указать, что «Общим планом организации воздухоплавания и авиации», утвержденным 1 марта 1913 г. Николаем II, предусматривалось формирование 63 авиаотрядов, т.е. еще 24 авиаотряда не были образованы и укомплектованы личным составом и техникой. Между тем, по сведениям Главного управления Генштаба, Германия уже заканчивала подготовку к войне [17]. В России на момент мобилизации в связи с началом Первой мировой войны в 39 авиаотрядах всего было 200 военных летчиков – для полного укомплектования авиаотрядов требовалось еще около 90 летчиков, однако резерва летного состава уже не оставалось [18, с. 12].

Помимо Военного министерства в предвоенные годы формировались авиационные подразделения и в Морском министерстве. Между тем к началу Первой мировой войны в Морском

министерстве еще только разрабатывался нормативный акт («Положение о службе авиации в службе связи»), который бы регламентировал задачи и деятельность военно-морской авиации в ходе боевых действий на море. Кроме того, вплоть до середины 1915 г. Морское министерство не располагало специализированной морской авиашколой, подготовка летного состава осуществлялась на общих основаниях с летчиками Военного министерства [19, с. 528].

С учетом изложенного можно констатировать, что накануне Первой мировой войны был издан целый ряд нормативных правовых актов, регулирующих деятельность военной авиации Российской империи. Одновременно шел процесс совершенствования организационного строительства военной авиации в России. В сравнительно короткий срок было завершено структурное оформление военной авиации – если первоначально ей была определена второстепенная роль в составе воздухоплавательных частей военного ведомства, то накануне Первой мировой войны авиационные подразделения уже имели собственную структурную иерархию. Тем не менее, в результате двойного подчинения в системе военного ведомства – Главному военно-техническому управлению (по техническо-снабженческим вопросам) и Главному управлению Генштаба (по формированию и организации авиационных частей) развитие института военной авиации существенно отставало от стратегических задач военного ведомства, определяемых количеством авиационных подразделений и предусмотренных штатами аэропланов и кадрового состава военных летчиков.

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 802. Оп. 3. Д. 1030. Л. 33.

2. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 33884. Л. 15–20.

3. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 33884. Л. 29–31.

4. Разведчик. 1911. № 1070.

5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–19.

6. Аверченко С.В. Аэродромно-техническое обеспечение военной авиации России в 1910–1914 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 10.

7. ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.

8. О плане организации воздухоплавательной службы: доклад по Главному инженерному управлению, 21 сент. 1911 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 33884. Л. 4.

9. ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.

1. Russian State Military and Historical Archive (RSMHA). F. 802. Inv. 3. Case 1030. Sh. 33.

2. RSMHA. F. 400. Inv. 9. Case 33884. Sh. 15–20.

3. RSMHA. F. 400. Inv. 9. Case 33884. Sh. 29–31.

4. Intelligence agent. 1911. № 1070.

5. State Archive of Krasnodar Region (SAKR). F. R-1559. Inv. 1. Case 1. Sh. 18–19.

6. Averchenko S.V. Airfield technical support of military aircraft of Russia in 1910–1914 // Military and historical magazine. 2016. № 10.

7. SAKR. F. R-1559. Inv. 1. Case 2. Sh. 55.

8. About the plan of the organization of aeronautic service: Report on the Head engineering department, Sept. 21, 1911 // RSMHA. F. 400. Inv. 9. Case 33884. Sh. 4.

9. SAKR. F. R-1559. Inv. 1. Case 2. Sh. 64.

10. Bychkov V. Artseulov secret // Aircraft and astronautics. 1994. № 1.

10. Бычков В. Тайна Арцеулова // *Авиация и космонавтика*. 1994. № 1.
11. Лашков А.Ю., Носовский Г.П. Воздушные тараны 1914–1918 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2002. № 2.
12. О переименовании Главного Инженерного Управления в Главное Военно-Техническое Управление и соответствующих изменениях в центральных учреждениях военного ведомства: высочайше утвержденное положение Военного Совета, 17 дек. 1913 г. // *ПСЗ. Собр. 3. Т. 33. № 40698*.
13. Приказ по Военному ведомству от 19 дек. 1913 г. № 666 // *Приказы по Военному ведомству за 1913 год*. СПб., 1913. С. 1926–1928.
14. ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 2-а. Л. 144–145.
15. ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
16. Елисеев С.П. Создание организационной структуры авиационной службы русской армии // *Военно-исторический журнал*. 2006. № 6.
17. ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 2-а. Л. 138.
18. Быстров А.А. Военно-воздушные силы России от зарождения до наших дней. Б.м., б.г.
19. Тимофеев Ф.Д. Подготовка летчиков в военно-учебных заведениях России в начале XX века // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007. № 40.
11. Lashkov A.Yu., Nosovsky G.P. Air rams of 1914–1918 // *Military and historical magazine*. 2002. № 2.
12. About renaming of the Head Engineering Department into the Head Military and Technical Department and corresponding changes in the central institutions of the Defense Ministry: the highest approved regulation of the Council of War, Dec. 17 1913 // *Complete collection of laws. Coll. 3. Vol. 33. № 40698*.
13. The order on the Defense Ministry d.d. Dec. 19, 1913 № 666 // *Orders on the Defense Ministry for 1913*. St. Petersburg, 1913. P. 1926–1928.
14. SAKR. F. R-1559. Inv. 1. Case 2-a. Sh. 144–145.
15. SAKR. F. R-1559. Inv. 1. Case 1. Sh. 21.
16. Yeliseyev S.P. Creation of organizational structure of aviation service of the Russian army // *Military and historical magazine*. 2006. № 6.
17. SAKR. F. R-1559. Inv. 1. Case 2-a. Sh. 138.
18. Bystrov A.A. The Air Force of Russia from origin up to now.
19. Timofeev F.D. Training of pilots in military schools of Russia at the beginning of the XX century // *Izvestia: Herzen university journal of humanities and science*. 2007. № 40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Иван Алексеевич, аспирант Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: mail@kubsau.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.A. Kravets, Postgraduate of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru

---

Голубихина Наталья Валерьевна
Назарова Екатерина Александровна

Принцип разделения властей и проблемы его конституционно-правового регулирования в современной России

Рассматривается принцип разделения властей в Российском государстве. Авторы отмечают, что в Конституции РФ имеется ряд неоднозначно трактуемых положений, в частности, указывают на несоответствие норм ст. 10 Конституции РФ (предусматривающей наличие трех ветвей власти) и ч. 1 ст. 11 (предусматривающей наличие четырех властных структур федерального уровня). Анализируют различные точки зрения по затронутым вопросам.

Ключевые слова: государство, разделение властей, конституция, закон, норма, полномочия, орган государственной власти.

Principle of division of authorities and problems of its constitutional and legal regulation in modern Russia

The subject of research in this article is the principle of separation of powers in the Russian state. The authors note that the Constitution of the Russian Federation has a number of ambiguously interpreted provisions, in particular, points to the incompatibility of the article 10 of the Constitution of the Russian Federation (it is about three branches of government) and the part 1 of article 11 (it is about four authorities at the federal level). In this regard, various points of view on the issues raised are analyzed.

Key words: state, separation of powers, constitution, law, rule, authority, public authority.

Принцип разделения властей как способ организации государственного устройства в современной России является уже настолько привычным, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Между тем следует напомнить, что он действует лишь со дня вступления в силу Конституции России 1993 г. В Российской империи разделения властей не могло быть по определению, и лишь накануне ее распада, с началом функционирования первой Государственной думы в 1906 г. появились некоторые элементы этого принципа [1, с. 58]. В Советском государстве в политико-правовой литературе, не говоря уже о текстах нормативных правовых актов, данная терминология («разделение властей») использовалась применительно только к западным буржуазным государствам, причем в критической коннотации (как механизм, обеспечивающий господствующему классу, т.е. классу буржуазии, поддержание его привилегий) [2, с. 88–92]. В СССР идея разделения властей отвергалась не только теоретически, но и на конституционном уровне. Так, в Конституции СССР 1977 г. в ст. 108 указывалось, что «высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР. Верховный Совет СССР правомочен решать все вопросы, отнесенные настоящей Конституцией к ведению Союза ССР» [3]. Аналогичные

нормы содержались в республиканских конституциях. Верховный Совет СССР не только осуществлял законодательную деятельность, но и мог давать, например, толкования судебного-процессуального характера, а также мог отменять постановления Совета Министров СССР. Поскольку, помимо Верховного Совета СССР, формировались и иные органы власти и управления, то применительно к Советскому государству можно говорить о техническом, а не об общепринятом, т.е. политико-правовом, разделении властей [4, с. 614]. Что касается власти на местах, то, поскольку местные Советы народных депутатов представляли собой нижний уровень единой государственной власти, на этом уровне о принципе разделения властей не могло быть и речи [5, с. 73].

В Конституции России принцип разделения властей определен в классическом варианте: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [6]. Эта концепция, ставшая доминирующей при активном обсуждении российскими правоведами будущего политического устройства страны на рубеже 1990 г., вошла в текст Основного закона страны. Однако в литературе не без оснований указывается на то, что в российской пра-

новой системе принцип разделения властей имеет значительно более сложную структуру.

В этом контексте прежде всего ставится вопрос о том, что де-факто имеют место не три, а большее число ветвей власти. Более того, в самой Конституции России есть по меньшей мере одна норма, которая свидетельствует о наличии иной ветви власти. Так, согласно ч. 2 ст. 75 Конституции России «защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти» [6]. В литературе отмечается, что, хотя ЦБ РФ не относится в Конституции России к органам государственной власти, «его полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения» [7, с. 38], при этом значимость практической реализации данных полномочий в Российском государстве в последние годы «значительно увеличилась» [8, с. 49]. Процедура назначения членов Совета директоров Банка России, равно как порядок назначения его председателя, ненамного отличается от порядка назначения Председателя и членов Правительства Российской Федерации (ст. 83, 111 Конституции России, ст. 5 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [9]). Такое положение дает основание С.А. Авакьяну относить ЦБ РФ к органам «банковской власти» [10, с. 50] (в литературе встречается также термин «денежная власть»), а М.В. Баглай считает необходимым рассматривать ЦБ РФ как «орган государственной власти с особым статусом» [11, с. 354].

В литературе отмечаются и иные виды государственной власти, не подходящие по своим признакам к законодательной, исполнительной и судебной ветвям публичной власти. Так, по мнению П.П. Баранова, есть основания выделять девять (!) ветвей власти, в частности, в добавление к традиционным ветвям он считает нужным присовокупить президентскую власть, прокурорскую власть, банковскую власть, финансовую власть, избирательную власть, а также власть средств массовой информации в социальных сетях [12, с. 8; 13, с. 114]. При этом в качестве властных структур, помимо Центрального Банка РФ, указывают, как правило, Центральную избирательную комиссию, Счетную палату РФ, Генеральную прокуратуру РФ, Следственный комитет РФ, Администрацию Президента РФ. Довольно

распространенным следует признать мнение о целесообразности выделения «президентской власти» в качестве самостоятельной ветви государственной власти (работы В.В. Гончарова, А.Ю. Корлева, Н.М. Конинова, А.А. Панова, Ю.И. Скуратова, Л.А. Тхабисимовой, Г.Н. Чеботарева и др.). В связи с этим обратим внимание на соотношение ст. 10 и ч. 1 ст. 11 Конституции России, а именно на то обстоятельство, что на три ветви власти (ст. 10) на федеральном уровне властеотношений приходится четыре властных субъекта (Президент России, Федеральное Собрание, Правительство России, федеральные суды). При этом совершенно очевидно, что законодательная ветвь власти реализуется Федеральным Собранием, исполнительная власть – Правительством России, судебная власть – судами (и это подтверждается самой Конституцией России в соответствующих главах, посвященных указанным органам федеральной власти).

Возникает вопрос о том, к какой ветви власти относить Президента России? Этот вопрос уже длительное время является предметом дискуссий [14; 15; 16]. На наш взгляд, в силу очевидности следует исключить отнесение Президента России как к законодательной, так и к судебной ветвям власти. Остается исполнительная ветвь власти, но в ст. 110 Конституции России имеется норма с однозначным толкованием: «Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации». С другой стороны, закрепленные в Конституции России полномочия Президента России по своему содержанию могут также характеризоваться как полномочия исполнительной власти (например, указанные в ст. 80, 86 Конституции России), что дало основание О.Е. Кутафину относить Президента России к исполнительной ветви власти [17, с. 231]. Но в этом случае имеет место явное расхождение с буквальным прочтением ст. 110 Конституции России. По мнению Я.Ю. Мамаевой, функции Президента России, определенные в Конституции России, свидетельствуют о том, что его полномочия как главы государства следует относить к полномочиям «верховного арбитра», соответственно, этот автор считает нужным выделить еще одну ветвь власти и именовать ее «арбитражной властью» [18, с. 49]. С таким подходом, однако, трудно согласиться, так как арбитражная власть – это, по сути, судебная власть, даже если речь идет о политическом арбитраже, какой имеет в виду Я.Ю. Мамаева, и это уже другая ветвь власти; кроме того, мы не усматриваем приоритета

полномочий арбитражного характера в статусе Президента России, определенном в гл. 4 Конституции России.

Как нам представляется, обособление Президента России как самостоятельного субъекта федеральной власти в значительной степени было осуществлено в начале 1990-х гг., исходя из особенностей известного политического противостояния Президента России Б.Н. Ельцина и Верховного Совета России во главе с Р.И. Хасбулатовым, и носит отпечаток субъективно-личностного свойства [19]. Мы поддерживаем точку зрения о том, что в Конституции России должна быть четкая определенность в регулировании принципа разделения властей [17, с. 232]. Это необходимо еще и потому, что, например, в соотношении конституционных полномочий Президента России и Председателя Правительства России имеется ряд неоднозначных позиций. Например, Председатель Правительства, согласно ст. 113 Конституции России, «определяет основные направления деятельности Правительства Российской Федерации и организует его работу» [6], но при этом министров назначает Президент России, из чего возникает вопрос о степени ответственности за результаты деятельности Правительства России.

Соответственно, мы полагаем целесообразным в процессе дальнейшего конституционного развития России предусмотреть вариант, когда трем ветвям власти соответствуют три основные властные структуры федерального уровня, а именно: Федеральное Собрание, Президент России, суды. В этой конфигурации Президент России одновременно возглавляет Правительство России, поэтому он будет однозначно относиться к исполнительной ветви власти, что будет в большей степени соответствовать устоявшимся признакам публичной власти [20]. Что касается Центрального Банка РФ и других указанных выше «нетипичных» структур как субъектов властных отношений, то, на наш взгляд, их, исходя из действующей Конституции России, следует относить не к основным органам государственной власти (Федеральное Собрание, Президент России, Правительство России, суды), а к государственным органам со специальными полномочиями, которые действительно имеют властный характер, но охватывают сравнительно небольшой объем общественных отношений, т.е. находятся, по выражению Г.А. Трофимова, «на втором плане» [21, с. 430]. Соответствующие полномочия должны быть четко определены в федеральных законах.

Еще одним важным с теоретико-правовых позиций вопросом, связанным с разделением властей, является разграничение государственной власти и органов местного самоуправления (муниципальной власти), что следует из ст. 11 и 12 Конституции России. При этом указанное в ст. 10 Конституции России разделение властей относится только к государственной власти, т.е. публичной власти на уровне Федерации и на уровне субъектов РФ. В отношении муниципальной власти Конституция России в части разделения властей не содержит никаких норм. Вместе с тем нужно иметь в виду, что Конституция России исключает (по умолчанию) из сферы местного самоуправления судебную ветвь власти [22, с. 84]. А конституционное положение о том, что «структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно» (ч. 1 ст. 132 Конституции России), при отсутствии прямого указания на обязательность принципа разделения властей дает возможность допустить, что разделения властей на муниципальном (местном) уровне может и не быть.

Однако этот вопрос весьма неоднозначный. Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон о местном самоуправлении) глава муниципального образования «не может одновременно исполнять полномочия председателя представительного органа муниципального образования и полномочия главы местной администрации» [23], т.е. законодатель дает прямое указание на разделение властей на местном уровне [24, с. 157]. С другой стороны, согласно ч. 3 ст. 36 Закона о местном самоуправлении применительно к сельским поселениям и внутригородским муниципальным образованиям возможен вариант, когда глава муниципального образования одновременно исполняет обязанности главы местной администрации и председателя представительного органа, т.е. принцип разделения властей в этом случае необязателен.

В связи с этим П.А. Борноволоков задается следующим вопросом: «Чем муниципальная власть хуже или лучше федеральной государственной власти или государственной власти субъектов Российской Федерации?» [25, с. 44]. И далее этот автор определяет свою позицию: «Представляется, что недопустимо совмещение трех важнейших должностей одним лицом даже в сельском поселении или внутригородском муниципальном образовании города федерального значения. Да и спорным является

вопрос о возможности совмещения двух должностей одним лицом (главы муниципального образования и председателя представительного органа муниципального образования или главы муниципального образования и главы местной администрации)» [22, с. 45].

Заметим, что еще в 1991 г. И.И. Овчинников также указывал, что принцип разделения властей на местном уровне «жизненно необходим» [26, с. 165]. Однако, как показывает прошедшее с того рубежа время, институт местного самоуправления развивается в России очень противоречиво, как и правовая система России в целом [27, с. 30–34]. Практика функционирования местного самоуправления, особенности его взаимодействия с органами государственной власти, а равно здравый смысл дают основание согласиться с позицией законодателя. Действительно, нельзя доводить принцип разделения властей до абсурда, на каком-то уровне властеотношений он дол-

жен остановиться, учитывая, что «местное самоуправление представляет собой часть системы публичного управления в государстве» [28, с. 13]. И вот как раз в сельских поселениях и внутригородских муниципальных образованиях, где минимум (семь) депутатов, или там, где полномочия представительного органа выполняет сход граждан (т.е. отсутствуют избираемые депутаты), совершенно нерационально разделять должности главы муниципального образования (главы местной администрации) и председателя представительного органа. Другое дело, что, например, сельские поселения могут быть разного масштаба – и крупные (до 30 тыс. жителей), и небольшие (менее 1 тыс.), и в этом смысле, как нам представляется, законодателю следует определить численность населения указанных видов муниципальных образований, ниже которой допустимо совмещение основных должностей муниципального образования.

1. Старков О.В., Упоров И.В. *Юриспруденция. Введение в специальность*. М., 2005.

2. Мишин А.А. *Принцип разделения властей в конституционном механизме США*. М., 1984.

3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР 7 окт. 1977 г. // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1977. № 41. Ст. 617.

4. Исаев М.А. *История Российского государства и права*. М., 2012.

5. Курдюк П.М., Упоров И.В., Курдюк Г.П. *Правотворчество в современной России*. Краснодар, 2003.

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2018).

7. Пастушенко Е.Н., Земцов А.С. О правовом статусе Центрального банка Российской Федерации: тенденции законодательного регулирования и судебной практики // *Банковское право*. 2013. № 6. С. 35–41.

8. Овчинников В.А., Демидов Д.Г. К вопросу о конституционно-правовом положении Центрального банка Российской Федерации // *Рос. юстиция*. 2017. № 9. С. 47–49.

1. Starkov O.V., Uporov I.V. *Jurisprudence. Introduction to the specialty*. Moscow, 2005.

2. Mishin A.A. *The principle of separation of powers in the constitutional mechanism of the United States*. Moscow, 1984.

3. *The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted by the Supreme Soviet of the USSR d.d. July 10, 1977* // *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*. 1977. № 41. Art. 617.

4. Isaev M.A. *History of the Russian state and law*. Moscow, 2012.

5. Kurdyuk P.M., Uporov I.V., Kurdyuk G.P. *Lawmaking in modern Russia*. Krasnodar, 2003.

6. *The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (as amended on Dec. 30, 2008 № 6-FCL, Dec. 30, 2008 № 7-FCL, Febr. 5, 2014 № 2-FCL, July 21, 2014 № 11-FCL)*. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 10.10.2018).

7. Pastushenko E.N., Zemtsov A.S. On the legal status of the Central Bank of the Russian Federation: trends in legislative regulation and judicial practice // *Banking law*. 2013. № 6. P. 35–41.

8. Ovchinnikov V.A., Demidov D.G. To the question of the constitutional legal status of the Central Bank of the Russian Federation // *Russian justice*. 2017. № 9. P. 47–49.

9. *On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): fed. law d.d. July 10, 2002*

9. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (в ред. от 29 июля 2018 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2018).
10. Авакьян С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журн. рос. права. 2003. № 11.
11. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001.
12. Баранов П.П. Роль конституционного законодательства Российской Федерации в регулировании принципа разделения властей. Ростов н/Д, 2012.
13. Старков О.В., Упоров И.В. Финансовое право. М., 2013.
14. Безруков А.В. Роль Президента России в механизме реализации конституционных принципов федерализма, единства государственной власти и разделения властей // Политика и общество. 2013. № 3. С. 262–267.
15. Упоров И.В. Трансформация принципа разделения властей и всеобщности избирательного права как признак угасания эпохи буржуазных государств // Современная научная мысль. 2015. № 1. С. 129–137.
16. Карасев А.Т., Морозова А.С. Глава государства в системе разделения властей: некоторые вопросы характеристики полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 65–67.
17. Кутафин О.Е. Глава государства. М., 2012.
18. Мамаева Я.Ю. Особенности формы правления в России в контексте реализации отдельных полномочий главы государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 48–52.
19. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета. М., 2017.
20. Турицын И.В., Упоров И.В. Теоретическая конструкция публичной власти и ее конституционно-правовое преломление в России // Право и практика. 2015. № 2. С. 4–10.
21. Трофимова Г.А. Система федеральных государственных органов в России // Административное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 423–432.
22. Смоленский М.Б., Звягольский А.Ю., Упоров И.В. Конституционное (государственное) право России. М., 2009.
23. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ № 86-FL (as amended on July 29, 2018). Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 10.10.2018).
10. Avakyan S.A. Political relations and constitutional regulation in modern Russia: problems and prospects // Journal of Russian law. 2003. № 11.
11. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation. Moscow, 2001.
12. Baranov P.P. The role of the constitutional legislation of the Russian Federation in regulating the principle of separation of powers. Rostov-on-Don, 2012.
13. Starkov O.V., Uporov I.V. Financial law. Moscow, 2013.
14. Bezrukov A.V. The role of the President of Russia in the mechanism for implementing the constitutional principles of federalism, the unity of state power and the separation of powers // Politics and society. 2013. № 3. P. 262–267.
15. Uporov I.V. Transformation of the principle of separation of powers and universality of suffrage as a sign of the extinction of the era of bourgeois states // Modern scientific thought. 2015. № 1. P. 129–137.
16. Karasev A.T., Morozova A.S. The head of state in the system of separation of powers: some issues of the characteristics of powers // Constitutional and municipal law. 2013. № 8. P. 65–67.
17. Kutafin O.E. Head of state. Moscow, 2012.
18. Mamaeva Ya.Yu. Features of the form of government in Russia in the context of the implementation of individual powers of the head of state // Constitutional and municipal law. 2014. № 3. P. 48–52.
19. Krasinsky V.V. Protection of state sovereignty. Moscow, 2017.
20. Turitsyn I.V., Uporov I.V. Theoretical structure of public authority and its constitutional legal interpretation in Russia // Law and practice. 2015. № 2. P. 4–10.
21. Trofimova G.A. The system of federal state bodies in Russia // Administrative and municipal law. 2016. № 5. P. 423–432.
22. Smolensky M.B., Zvyagolsky A.Yu., Uporov I.V. Constitutional (state) law of Russia. Moscow, 2009.
23. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: fed. law d.d. Oct. 6, 2003 № 131-FL (as amended on Aug. 3, 2018). Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 10.10.2018).
24. Starkov O.V., Uporov I.V. Municipal law of the Russian Federation. Moscow, 2015.

(в ред. от 3 авг. 2018 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2018).

24. Старков О.В., Упоров И.В. Муниципальное право Российской Федерации. М., 2015.

25. Борноволовков П.А. К вопросу о принципе разделения властей на уровне местного самоуправления // Академический вестн. Тюмен. гос. акад. мировой экономики, управления и права. 2013. № 1. С. 43–48.

26. Овчинников И.И. Местное самоуправление: конституционно-правовая основа формирования // Конституционный строй России. М., 1992. Вып. 1.

27. Кузовлева Г.В., Упоров И.В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. 2015. № 2. С. 30–34.

28. Рыков А.Н. Соотношение государственного и муниципального интересов как интересов, возникающих в сфере публичной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 4–18.

25. Borovolovkov P.A. On the principle of separation of powers at the level of local self-government // Academic bull. of the Tyumen state academy of world economy, management and law. 2013. № 1. P. 43–48.

26. Ovchinnikov I.I. Local self-government: the constitutional legal basis of the formation // Constitutional system of Russia. Moscow, 1992. Vol. 1.

27. Kuzovleva G.V., Uporov I.V. Representation of the people (population) in the public authorities: the essence and political and legal characteristics // Society and law. 2015. № 2. P. 30–34.

28. Rykov A.N. The ratio of state and municipal interests as interests arising in the sphere of public authority // Pravo. Journal of Higher School of Economics. 2017. № 3. P. 4–18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Голубихина Наталья Валерьевна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612581426;

Назарова Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583414.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

N.V. Golubikhina, Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612581426;

E.A. Nazarova, Candidate of History, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583414.

Философско-правовая категория «общее благо» в действующих конституционных актах

Рассматриваются отдельные аспекты баланса частных и общественных интересов в современной теории конституционного права. Автором ставится вопрос о необходимости переосмысления философско-правовой категории «общее благо» с целью гармонизации фундаментальных ценностей и целей, закрепленных в Основном законе страны.

Ключевые слова: общее благо, конституционно-правовые ценности, конституционная аксиология, частные интересы, общественные интересы.

Philosophic-legal category «common good» in the current constitutional acts

The article deals with some aspects of the balance of different interests in the modern constitutional law. The author think about the question of the need to rethink the philosophical and legal category of «common good» in order to harmonize the fundamental values and goals enshrined in the Constitution of Russia.

Key words: common good, constitutional and legal values, constitutional axiology, private interests, public interests.

Баланс интересов разных групп населения России обеспечивается положениями Конституции РФ, в которой закреплена перечень правовых норм и принципов. Их последовательность неизбежно ставит вопрос об иерархии правовых ценностей. Общеизвестно, что ключевое положение Основного закона Российской Федерации содержится в ст. 2, которая закрепляет приоритет интересов индивида над общественными или государственными интересами («человек, его права и свободы являются высшей ценностью»).

Данный вывод однозначно отражается в доктринальном толковании права. Например, председатель Конституционного Суда РФ в отставке М.В. Баглай разъясняет содержание рассматриваемой статьи так: «...акцент делается не на коллективном пользовании правами, как это было свойственно тоталитарному государству, а на индивидуальном выборе образа действий <...> Коллективизм, понимаемый с чрезмерным универсализмом, в состоянии подавить инициативу и способности отдельного человека, привести к царству серости и посредственности. А индивидуализм, напротив, раскрывает потенциал общества, и задача права – содействовать проявлению энергии каждого человека» [1, с. 118].

Первоначальный проект Основного закона, предложенный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов России, содержал формулировку о «приоритете прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности и территории про-

живания» [2]. Однако законодатель выбрал гораздо более жесткий вариант, ведь понятие «высшая ценность» не предполагает ценностей, равных правам человека, и в какой-то мере препятствует поиску справедливого баланса частных и общественных интересов.

В Проблемном комментарии к Конституции РФ, написанном ведущими конституционалистами страны, содержится вывод о том, что права человека обладают приоритетом перед всеми другими положениями Конституции, в том числе перед основами конституционного строя [3, с. 6]. Академик Ю.А. Дмитриев уточняет, что в ст. 2 ярко проявляется либеральная концепция, которая является основой действующей Конституции и закрепляет положение, при котором интересы государства («ночного сторожа») отступают перед интересами отдельного человека [4, с. 12].

Но что вкладывали авторы Конституции в понятие «человек» при формулировании рассматриваемой нормы? Корректно ли во всех случаях считать права индивида (будь это добродетельный гражданин или опасный террорист) высшей ценностью? Беспристрастные ответы на поставленные вопросы не всегда будут однозначными.

Вот почему ряд известных конституционалистов при анализе Основного закона страны все чаще обращается к философско-правовой категории «общее благо» в целях отхода от однозначных индивидуалистических концепций. Так, Б.С. Эбзеев отмечает необходимость рассмотрения ст. 2 Конституции РФ во

взаимосвязи с обязанностью государства по защите не только прав отдельного человека, но и всего общества [5]. По мнению ученого, важно определить разумные пределы ограничения свободы поведения индивида в интересах семьи, трудового коллектива, нации, народа и т.д.

Основной вопрос, касающийся формирования любой конституционно-правовой системы, неизбежно будет связан с балансом частных, общественных и государственных интересов. Разрешение этого вопроса невозможно без формального закрепления и единого понимания одной из системообразующих категорий теории конституционного права – «общего блага». Осмысление данной категории не допускает однозначную интерпретацию с позиции индивидуализма ряда базовых правовых институтов.

В Конституции России непосредственно понятие «общее благо» не встречается, хотя в преамбуле говорится о гражданском мире и согласии многонационального народа, соединенного общей судьбой.

За рубежом встречаются иные подходы. Преамбула Основного закона США содержит положение о том, что народ Соединенных Штатов принимает Конституцию с целью способствовать общему благу («to promote general welfare») [6]. В разд. 8 ст. 1 указывается, что Конгресс обладает полномочиями по взиманию налогов и других обязательных платежей в целях обеспечения общего благоденствия Соединенных Штатов.

В ст. 44 Конституции Гватемалы 1985 г. прямо сказано о приоритете общественных интересов над частными («The social interest prevails over the individual [particular] interest») [7].

В Конституции Германии установлено, что использование собственности должно служить общему благу (ст. 14). Такое положение было закреплено еще в Веймарской конституции 1919 г. (ч. 3 ст. 153).

Некоторые страны, входившие в состав СССР, практически дословно повторили формулировку Веймарской конституции: ч. 2 ст. 6 действующей Конституции Республики Казахстан (принята в 1995 г.) провозглашает, что «собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу» [8].

Аналогичный подход содержит ст. 41 Конституции Италии, которая в социальных целях допускает введение мер контроля, предназначенных для регулирования экономической деятельности [9].

В Испании предусмотрена возможность резервации за государственным сектором важнейших ресурсов или услуг, когда этого требуют общие интересы (ст. 128 Конституции), а в Венгрии и ряде других стран действуют конституционные нормы о том, что природные ресурсы (пахотная земля, запасы питьевой воды) и культурные ценности являются частью общего национального наследия [10].

Как видно из указанных примеров, большая часть стран выбрали подход, который полностью соответствует постулатам ряда философов права о том, что собственность выполняет социальную функцию [11, с. 82].

Кроме того, учет общего блага соответствует нормам международного права: согласно ч. 1 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждый человек в целях собственного свободного и полноценного развития имеет обязанности перед обществом [12]. Положения этой же нормы предполагают, что права индивида могут быть ограничены с целью соблюдения справедливых интересов третьих лиц, общественного порядка и норм морали. Идентичная формулировка содержится в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., который предполагает обеспечение ряда прав человека со стороны каждого государства с целью способствовать общему благосостоянию населения (ст. 4) [13].

На основе анализа общепризнанных международных норм права исследование ст. 2 Конституции РФ предполагает выявление ее взаимосвязи с положениями ст. 55 Конституции о возможности ограничения индивидуальных прав в целях защиты нравственности, здоровья, а также законных интересов третьих лиц. Таким образом, существенные интересы общества являются социальной основой указанных конституционно-правовых ограничений.

Не только ст. 55 Конституции РФ предполагает ограничение частных интересов, в ст. 31 Основного закона при провозглашении свободы собраний одновременно уточняется, что данное право гарантируется только при условии, что собрания проходят без оружия. Границы, нормативное содержание и круг правомочий определяются подобным образом в ряде конституционно-правовых норм.

Таким образом, подход, согласно которому ограничение интересов индивида необходимо ради общего блага, не противоречит духу и букве Конституции РФ или общепризнанным нормам международного права, а честный поиск разумного баланса частных, общественных

и государственных интересов является одной из основных задач современных ученых-правоведов.

В дискуссии о приоритете личности над государством или об обеспечении их правового равенства теряется такой социальный субъект, как народ, объединенный общностью языковой, культурных и политических традиций. В правовом государстве власть подчинена закону, потому что исходит не от отдельного человека, но от учредительной власти совокупности граждан (суверенитета народа). Теория договорного происхождения не предполагает такой самостоятельной юридической ценности, как «государственный интерес» в случае отсутствия детерминированности власти волей народа. Данный вывод неизбежно следует из ч. 1 ст. 3 Конституции РФ, согласно которой многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти. В совокупности с ч. 2 названной статьи, предполагающей непосредственное осуществление власти народом, есть все основания говорить о конституционной правосубъектности народа.

Анализ политико-правовых подходов современности, связанных с концепцией «общего блага», подтверждает тот факт, что в настоящее время ключевой является не проблема недопустимости произвольного ограничения прав индивида в интересах всего общества или государства, но проблема маркировки пределов подобного ограничения. Установление же здесь справедливых и работающих границ возможно только на основе признания актуальных ценностных устремлений, сформировавшихся в обществе на определенном этапе развития.

Сами по себе общество, государство, совокупность основных прав, закрепленных в законе, являются сложными иерархичными системами, оптимальное функционирование которых зависит от суммы составляющих их элементов. Однако основным критерием при оценке функционирования различных политико-правовых институтов будет являться реализация принципа общего блага. Например,

политические права индивида проявляются, помимо прочего, в возможности принимать либо не принимать участие в выборах. Однако право на отказ от участия в выборах потенциально противоречит общему благу. Неучастие в них большого количества индивидов может образовать критическую массу, переход порога которой опасен для стабильного функционирования всей политической системы. С такой точки зрения неучастие в выборах – это не только безобидное проявление гражданской позиции, но и возможное нарушение интересов всего общества.

Аналогичная ситуация может сложиться при реализации защищаемого международными судебными органами права на пропаганду и заключение однополых браков [14], при воспрепятствовании родителями вакцинации детей, ставящем под угрозу общую эпидемиологическую безопасность, и т.д.

Подводя итог краткому исследованию философско-правовой категории «общее благо» в действующих конституционных актах, следует сделать несколько выводов.

1. Для развития конституционализма в каждой стране требуется системный иерархичный подход к определению фундаментальных ценностей и целей. Законодательное закрепление противоречивых и неактуальных стимулов и интересов порождает внутреннее противоречие всей правовой системы, преодоление которого возможно, в том числе, за счет переосмысления подходов к балансу общественных и индивидуальных интересов.

2. Анализ подходов, сложившихся в теории конституционного права и реализованных в правоприменительной практике различных стран, подтверждает тенденцию отхода от позиций крайнего индивидуализма и либерализма в сторону разумного ограничения автономии индивида ради общественных интересов.

3. «Общее благо» – это одна из ключевых категорий современной теории права, осмысление которой не допускает редуцированное толкование термина «человек» в ст. 2 и иных положениях Конституции РФ.

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд., изм. и доп. М., 2007.

2. Проект Конституции Российской Федерации: подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации: документы и материалы. М., 1993.

3. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997.

1. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation. 6th ed., rev. and augm. Moscow, 2007.

2. Draft Constitution of the Russian Federation: prepared by the Constitutional Commission of the Congress of people's deputies of the Russian Federation: documents and materials. Moscow, 1993.

3. The Constitution of the Russian Federation: problem review / resp. ed. V.A. Chetvernin. Moscow, 1997.

4. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2013.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М., 2011.
6. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / сост. В.И. Лафитский; ред. О.А. Жидков. М., 1993.
7. Constitution of Guatemala 1985 [Электронный ресурс]. URL: https://wiki2.org/en/Constitution_of_Guatemala (дата обращения: 17.11.2018).
8. Конституция Республики Казахстан: принята на референдуме 30 авг. 1995 г. // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 217.
9. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / под ред. Б.А. Страшуна. М., 2001.
10. Конституции зарубежных стран: сб. / сост. В.Н. Дубровин. М., 2001.
11. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. М., 1919.
12. Всеобщая декларация прав человека: принята 10 дек. 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Права человека: сб. междунар. договоров. Нью-Йорк, 1978. С. 1–3.
13. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюл. Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 1–5.
14. Постановление Европейского суда по правам человека от 20 июня 2017 г. «Дело Баев и другие (Bayev and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 67667/09, 44092/12, 56717/12) [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-174422> (дата обращения: 17.11.2018).
4. Constitution of the Russian Federation. Doctrinal comment (itemized) / M.P. Avdeenkova, A.N. Golovistikova, L.Yu. Grudtsyna, et al.; chief ed. Yu.A. Dmitriev, sci. ed. by Yu.I. Skuratov. 2nd ed., rev. and augm. Moscow, 2013.
5. A commentary on the Constitution of the Russian Federation (itemized) / L.V. Andrichenko, S.A. Bogolyubov, N.S. Bondar, et al.; ed. by V.D. Zorkin. 2nd ed. Moscow, 2011.
6. United States of America. The Constitution and legislative acts / comp. by V.I. Lafitsky; ed. by O.A. Zhidkov. Moscow, 1993.
7. Constitution of Guatemala 1985 [Electronic resource]. URL: https://wiki2.org/en/Constitution_of_Guatemala (date of access: 17.11.2018).
8. Constitution of the Republic of Kazakhstan: adopted by referendum d.d. Aug. 30, 1995 // Statements of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 1996. № 4. Art. 217.
9. Constitutional (state) law of foreign countries. The General part / ed. by B.A. Strashun. Moscow, 2001.
10. Constitutions of foreign countries: coll. / comp. by V.N. Dubrovin. Moscow, 2001.
11. Dugi L. General transformations of civil law since the Napoleonic code. Moscow, 1919.
12. Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on Dec. 10, 1948 // Human Rights: coll. of intern. treaties. New York, 1978. P. 1–3.
13. International Covenant on economic, social and cultural rights: adopted on Dec. 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. № 12. P. 1–5.
14. The judgment of the European court of human rights d.d. June 20, 2017 «Bayev and Others against the Russian Federation» (complaint № 67667/09, 44092/12, 56717/12) [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-174422> (date of access: 17.11.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лихтер Павел Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета; e-mail: lixter@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

P.L. Likhter, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair «Private and Public Law» of the Penza State University; e-mail: lixter@mail.ru

---

Закономерности формирования принципов вещного права в законодательствах стран мира

В центре внимания автора статьи кодифицированное гражданское законодательство Франции, Германии и Китая. На основании научного анализа истоков формирования и современных достижений гражданско-правовой регламентации базовых основных начал формулируется авторский перечень необходимых, закономерно возникающих принципов вещно-правового регулирования.

Ключевые слова: гражданское право, гражданское законодательство, основные начала, принципы, гражданские кодексы.

Regularities of formation of the principles of matter rights in the laws of the countries of the world

The focus of the author in the article is the codified civil legislation of France, Germany and China. On the basis of a scientific analysis of the origins of the formation and modern achievements of the civil law regulation of the basic principles, the article formulates the author's list of the necessary naturally arising principles of property law regulation.

Key words: civil law, civil legislation, basic principles, principles, civil codes.

Законодательство, в том числе гражданское, не может быть простой совокупностью правовых норм. Вот почему процесс его создания является достаточно сложным. Основная сложность законотворчества состоит в необходимости найти основополагающие идеи, принципы, начала, которые помогли бы сформулировать цели воздействия данного конкретно-отраслевого законодательства на регулирование общественных отношений. Право немислимо без целеполагания. Все нормы в своей совокупности должны складываться в работающий механизм и быть эффективными в достижении поставленных целей.

Современный Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) неслучайно начинается с перечня основных начал гражданского законодательства. Статья 1 ГК РФ разрабатывалась законодателем под воздействием идей гражданско-правовой науки. У ее истоков стоял ученый-цивилист С.С. Алексеев, сыгравший значительную роль и в практике конституционного строительства, поскольку возглавлял Комитет конституционного надзора нашей страны [1]. Начало XXI в. потребовало модернизации ГК, принятого достаточно поспешно в 90-е гг. ушедшего XX в. В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [2]

справедливо указано, что гражданско-правовой науке в первую очередь необходимо сконцентрироваться на совершенствовании принципов гражданского права. Имеющийся перечень оказался недостаточен для эффективного воздействия на регулируемые гражданским законодательством общественные отношения. Стало понятно, что принципы должны быть у каждой из подотраслей гражданского права. Из имеющихся основных начал специально на подотрасль вещного права, например, может быть обращен только один принцип – неприкосновенности собственности. А если рассматривать право наследственное, то для него непосредственно не подойдет ни один из сформулированного законодателем списка. Таким образом, создание принципов-идей в настоящее время остается центральной задачей цивилистической науки. Вот почему актуальным аспектом гражданско-правового анализа является обращение к проблеме закономерностей создания законодателями стран мира формулировок основных начал, или принципов, гражданско-правового регулирования, закрепленных в специальных кодифицированных гражданско-правовых нормативных актах. В данной публикации представляется возможным взять для научного анализа три страны – Францию, Германию и Китай, проанализировав особен-

ности исторического пути, а также конкретные достижения национальных законодателей в части выработки центральных идей их кодифицированных гражданских законов.

Как известно, старейшим гражданским кодексом, принятым в Европе, является Французский гражданский кодекс (в дальнейшем – ФГК) 1804 г. В то время его регулирование распространялось на территорию Бельгии, Люксембург, Рейнские провинции, Гессен-Дармштадт, Женеву, Савойю, Пьемонт, Парму, поскольку они составляли части Франции. Французский ГК был следствием Великой французской революции, поставившей задачу разработать общее для всей страны гражданское право, которое бы позволило создать необходимые условия для развития капиталистических отношений. Таким образом, экономический прогресс связывался напрямую с успехами в разработке качественного гражданского законодательства. Стране надо было преодолеть феодальный правовой партикуляризм. Важно было выработать простые и ясные законы, соответствующие принятой Конституции. Интересно, что в самом начале пути в 1791 г. законодательное собрание обратилось к гражданам с просьбой внести свои предложения по содержанию нового ГК. Кроме того, разработчиков ориентировали, что главным в новом законе должны быть общие положения, формулирующие принципы нового общества. Добиться качественного результата французам удалось далеко не сразу. На процедуру разработки и принятия ушли десятилетия кропотливого труда. Первый вариант 1793 г., состоявший из 695 статей, был признан сложным и недостаточно радикальным. Второй проект, сокращенный вдвое, не был принят с приходом к власти Директории. Не был принят и третий, оставшийся на бумаге проект ГК Франции. В 1800 г. работа по созданию кодифицированного закона была возобновлена под руководством Бонапарта, ставшего первым консулом. Он решил опираться на небольшую группу разработчиков, состоящую из четырех человек – старых судейских работников, воспитанных на римском праве и обычном праве Франции. Символично, что во главе рабочей группы стоял ученый – знаменитый французский юрист Порталис. Именно он вдохновил на создание основных принципов ГК Франции. Комиссия работала достаточно активно, изготовив проект за 4 месяца. Однако Законодательный корпус проект раскритиковал. И здесь значительную роль сыграла

политическая воля руководителя, который, произведя коренную реформу трибуната, под непосредственным личным руководством в течение одного года обеспечил принятие 36 законов, составивших новый, передовой для того времени законодательный акт. Таким образом, весь последующий процесс кодификации других отраслей права проходил под воздействием идей гражданского кодекса. Кроме того, кодекс, регулирующий имущественные отношения, во Франции был назван «философским камнем», поскольку стал частью духовной жизни нации. Французские юристы подчеркивали, что национальное гражданское право сумело глубоко проникнуть в нравы народа. Как это удалось сделать? Величайшее значение в данном деле сыграли нормы, сформулировавшие центральные идеи-принципы гражданского права Франции. Представляется, что такими фундаментальными идеями были наполнены ст. 6, 7, 8, 9 и 16 Гражданского кодекса французов и Кодекса Наполеона одновременно (издание 1804 г. было названо Гражданским кодексом французов, а издание 1807 г. – Кодексом Наполеона [3]), хотя последнее официальное издание от 30 августа 1816 г. носит название «Гражданский кодекс». Напомним содержание этих норм. Так, ст. 6 ФГК закрепила, что отступление от законов, касающихся публичного порядка и добрых нравов, путем соглашения частных лиц не допускается [4]. Данной нормой был объявлен приоритет публичного и нравственного перед частноправовым. Сам по себе сформулированный принцип, как представляется, является актуальным для всех подотраслей гражданского права, в том числе для права вещного. Новеллой ГК нашей страны начала XXI в. (пп. 3, 4 ст. 1) стало требование добросовестности, обращенное, в том числе, к участникам вещно-правовых отношений. ФГК о добрых нравах заявил в начале XIX в. Кроме того, отличием в подходах является то обстоятельство, что «российское» требование основывается на субъективной оценке, а ФГК базируется на обычном праве, т.е. добрых нравах, вошедших, можно сказать, в «плоть и кровь» общества. Итак, в качестве первого принципа ФГК возможно выделить идею недопустимости нарушения публичного порядка и добрых нравов. Второй базовый принцип закреплён в диспозиции ст. 7, провозглашающей, что осуществление гражданских прав не зависит от осуществления прав политических, которые приобретаются и сохраняются в соответствии

с конституцией и избирательными законами. Думается, что это требование является достаточно важным для вещно-правового регулирования. Вещные права должны быть защищены от публично-правового воздействия. Таким образом, общая формулировка, выработанная ФГК, может быть актуальной для постановки целей вещно-правового регулирования на современном этапе развития экономической жизни общества. Соответственно, требование второго принципа ФГК может быть сформулировано как «независимость гражданских прав, в том числе прав вещных, от прав политических» [4]. Третья базовая установка заключена в ст. 8, а именно: каждый француз пользуется гражданскими правами. Из нее вытекает такой принцип гражданско-правового регулирования, как юридическое равенство. Участники гражданско-правовых отношений, в том числе отношений принадлежности материальных благ, равны, и это является как характеристикой предмета гражданского права, так и требованием гражданско-правового метода регулирования имущественных отношений. Таким образом, принцип юридического равенства может быть охарактеризован как третье основополагающее начало гражданского законодательства Франции. Четвертый принцип вытекает из диспозиции ст. 9 ФГК. В ней закреплено, что «каждый имеет право требовать уважения к своей частной жизни» [4]. Если рассматривать частную жизнь как участие в различных гражданско-правовых отношениях, возникающих на основе норм частного права, то этот принцип-требование будет актуальным и для подотрасли вещного права. В отечественном ГК есть требование-принцип «недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела». Французский вариант представляется более глубоким по содержанию. Участники отношений здесь призываются не столько не вмешиваться в частные дела, сколько уважать частную жизнь другого. От нравственной установки уважения вытекает и многое другое, в том числе исполнение заключенных договоров, ненарушение права собственности и других вещных прав. Вот такая получилась мудрая формулировка, актуальная, пожалуй, для всех подотраслей гражданского права. Обозначим ее как принцип «уважения частной жизни всякого и каждого участника гражданско-правовых отношений, в том числе отношений вещно-правовых». Наконец, пятый принцип гражданского законодательства Франции может быть выве-

ден из содержания ст. 16 ФГК. Она гласит, что закон обеспечивает примат личности, запрещает любое посягательство на ее достоинство и гарантирует неприкосновенность человека с момента его рождения. Что скрывается, по нашему мнению, за диспозицией данной нормы? В первую очередь ценность участника гражданско-правовых отношений как личности. Собственник для законодателя Франции – это не только обладатель вещи, субъект правомочий владения, пользования и распоряжения. Собственник, как и субъект другого (ограниченного) вещного права – это личность. Во-вторых, во Франции по нормам ГК неприкосновенным объявляется достоинство человека, т.е. внутренняя самооценка личности. Это, как представляется, очень важно для любой личности, полноценного участника гражданско-правовых отношений, в том числе отношений принадлежности материальных благ. «Собственник должен быть гордым» – нам кажется симпатичным такой призыв, он очень актуален для современного гражданского права. Считаем, что анализ ст. 16 ФГК может быть завершен формулировкой принципа ценности участника гражданско-правовых, в том числе вещно-правовых, отношений как личности и запрета посягательства на ее достоинство.

Важной вехой развития европейского кодифицированного гражданского законодательства является, несомненно, Германское гражданское уложение (далее – ГГУ), которое было принято в этой стране в 1896 г. [5]. Крупнейший основополагающий закон Германии был разработан в соответствии с пандектной системой и основан на фундаментальной теории гражданского права. Путь его создания оказался тоже не быстрым, так как начало законодательных работ датируется 1874 г. Перед разработчиками стояли задачи: создать краткие и ясные нормы; добиться их внутренней согласованности и последовательности; устранить противоречия, обеспечив целостность норм. Однако реализация данных установок не привела к успеху. Первоначальные проекты были оценены весьма негативно. Отто фон Гирке оценил проект 1888 г. как «ни немецкий, ни народный и ни творческий» [6, с. 11]. Профессор Эрнст Беккер заявил, что направленность на мелочи позволила «упустить из вида вещи более важные» [6, с. 11]. Что же из «важного» было первоначально упущено немецкими разработчиками ГК? Главная ошибка состояла в несоответствии социальным потребностям. Текст кодекса не

отразил социальных вопросов, которые уже вошли в сознание широких народных кругов. Проект пришлось переработать, значительно изменив его содержание. Во главу угла были поставлены требование современности и задача обеспечения защиты экономически слабых слоев населения. Немецкий законодатель также увидел не только важность, но и необходимость целеполагания и выработки принципов гражданско-правового регулирования. В итоге последний вариант немецкого ГК, как и кодекс Франции начала века, оказался пронизан нравственными критериями-принципами, заложенными в общий механизм гражданско-правового регулирования. В точных и логичных формулировках были установлены важные морально-нравственные критерии поведения участников гражданско-правовых отношений. Так называемые «неопределенные правовые понятия» расширили судебское усмотрение, позволив внести в гражданско-правовое регулирование морально-нравственное содержание. Как представляется, параграфы 138, 157, 226 и 242 ГГУ обозначили тот необходимый круг идей, которые стали центральными в гражданско-правовом регулировании имущественных отношений Германии. Посмотрим на содержание этих, как их иногда называют, «каучуковых» параграфов с точки зрения как буквы, так и духа немецкого закона. Так, параграф 138 ГГУ гласит, что сделка, противоречащая добрым нравам, является ничтожной. Данное требование преследовало цель создать преграды для злоупотребления ростовщиков и заключения кабальных сделок. В диспозиции немецкой нормы кодифицированного закона, как и ФГК, основополагающее значение приобретают добрые нравы. По существу, гражданский закон данной страны призывает участников гражданских правоотношений в случае пробелов в правовом регулировании руководствоваться моралью и честью. Параграф 157 ГГУ закрепляет, что договоры следует толковать добросовестно, принимая во внимание обычаи гражданского оборота. Из этой нормы становится понятным, какое большое значение придается в Германии обычному праву. Именно обычное право покоится в этой стране на критерии добрых нравов, заложенных в его содержание за долгий путь развития регулируемых гражданским правом общественных отношений. Кроме того, актуальным по букве немецкого закона становится и субъективный критерий – добросовестности. Договоры законодатель

призывает добросовестно толковать. При этом данный критерий, как представляется, будучи введенным в основополагающую норму, может быть распространен и на иные гражданско-правовые отношения, в том числе отношения принадлежности материальных благ. И здесь актуален призыв, заключающийся в необходимости для участников вещно-правовых отношений при осуществлении своих прав действовать добросовестно. Данную идею закрепляет и параграф 242 ГГУ, распространяющий свое непосредственное действие на участников обязательственных отношений. Он гласит, что должник обязан исполнить обязательство добросовестно с учетом обычаев гражданского оборота. Таким образом, становится очевидным, что критерий добросовестности в немецком кодифицированном законе имеет вековую историю и еще в XIX в. занял центральные позиции в гражданско-правовом регулировании. Наконец, следует назвать и параграф 226 ГГУ, ставший своеобразным знаменем немецкого гражданского права. В нем, как известно, звучит запрет осуществлять права исключительно с целью причинения вреда другому лицу. В диспозиции данной нормы не уточняются род и вид гражданских прав, а потому с полным основанием этот призыв может быть обращен к участникам вещно-правовых отношений.

Третьей страной, гражданское законодательство которой представляет на сегодняшний день несомненный интерес с точки зрения выработки принципов вещного права, является Китайская Народная Республика. Экономика Китая успешно развивается, а прогресс экономики и построение гармоничного общества вызывают необходимость кодификации гражданского законодательства. Развитие гражданско-правового регулирования в Китае имеет большую специфику, которая объясняется сильным влиянием конфуцианской философии, условиями сильной центральной политической власти, а также нетоварным производством в сельском хозяйстве и подавлением свободы торгового оборота на протяжении длительного периода исторического развития. Именно спецификой социально-экономических и политических условий жизни этой страны объясняется достаточно поздняя первая гражданско-правовая кодификация, которая завершилась в 1929 г. принятием ГК Китайской Республики. Реформы, проведенные в данной стране, поставили в 2004 г. вопрос о

разработке проекта нового кодифицированного гражданско-правового нормативного акта. И важной вехой в решении поставленной задачи явился Закон КНР «О вещном праве», принятый 5-й сессией ВСНП 10-го созыва в 2007 г. [7]. Именно этот закон стал ключевым актом в ряду тех, которые призваны стать базой кодификации гражданского законодательства Китая.

Поскольку Закон «О вещных правах» был принят уже в XXI в., когда был накоплен значительный опыт гражданско-правового регулирования имущественных отношений, принципы вещно-правового регулирования здесь были закреплены особо, так сказать, выделены отдельной строкой. Во-первых, в Китае заявлено, что вещные права находятся под защитой законодательства и не должны нарушаться (ст. 4), защита провозглашается равной как для вещных прав государства, так и для иных правообладателей (ст. 4). Таким образом, принципиальной установкой данной страны является равная защита вещных прав государства, коллектива и частных лиц. Во-вторых, виды вещных прав и их содержание устанавливаются в Китае только законом. Данное положение установлено как основополагающая идея, названная принципом правовой определенности вещных прав (ст. 5). В-третьих, законодателем сделан акцент на важности процедур возникновения, изменения, передачи и прекращения вещных прав. В ст. 6 подчеркивается, что возникновение и передача вещных прав на движимое имущество должны производиться в соответствии с положениями законодательства, а возникновение, изменение, передача и прекращение вещных прав в отношении недвижимого имущества должны проходить обязательную регистрацию. Таким образом, базовым в Китае является, наряду с законностью, принцип открытости вещных прав. В-четвертых, законодатель данной страны счел необходимым указать на пределы осуществления вещных прав (ст. 7). По букве этого закона правообладатели (субъекты вещных прав) обязаны при реализации своих возможностей соблюдать не только закон, но и права, а также интересы иных лиц, интересы и мораль общества. Наконец, принципиальное положение сформулировано в Китае в отношении права собственности. На государство, в соответствии со ст. 3 Зако-

на, возложена обязанность укреплять и развивать сектор общественной собственности в экономике, а также поощрять, поддерживать и направлять развитие в экономике иных форм собственности. Думается, что такая идея-принцип заслуживает внимания. Законодатель, провозглашая данную установку, заботясь об экономическом развитии страны, подчеркивает ответственность государства за очень важное направление его разнообразной деятельности – социально-экономическое. Считаем, данное основное начало как принцип может быть выражено формулой: в целях укрепления и развития рыночной экономики государство осуществляет поддержку и создает условия для реализации как права собственности, так и других вещных прав.

Если подвести итоги проведенного анализа и, используя основные идеи, накопленные законодателями стран мира, попытаться вывести некоторые закономерности в формировании базовых идей, то возможно предложить следующую систему принципов вещно-правового регулирования.

1. Принцип правовой определенности содержания видов вещных прав.
2. Принцип открытости (укрепленности) вещных прав на недвижимое имущество посредством государственной регистрации.
3. Принцип законности основания возникновения и реализации вещных прав.
4. Принцип юридического равенства участников вещно-правовых отношений и равной правовой защиты субъектов вещных прав.
5. Принцип государственной поддержки обладателей вещных прав в процессах их реализации, а также развития в экономике различных форм собственности.
6. Принцип недопустимости злоупотреблений в осуществлении вещных прав, соблюдения их обладателями норм морали, частных и публичных интересов.
7. Принцип ценности участника вещно-правовых отношений как личности и запрет посягательства на его достоинство.
8. Принцип уважения частной жизни всякого и каждого участника вещно-правовых отношений.
9. Принцип независимости вещных прав от прав политических и защиты их от публично-правового вмешательства [8].

1. Биография Сергея Сергеевича Алексеева. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Алексеев,_Сергей_Сергеевич (дата обращения: 10.02.2019).

2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г. // Вестн. ВАС РФ. 2009. № 11.

3. URL: <https://lawbook.online/gosudarstvazarubejnogo-pravo/grajdanskiy-kodeks-frantsii-1804-kodeks-73822.html> (дата обращения: 10.02.2019).

4. Гражданский кодекс Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 10.02.2019).

5. Германское гражданское уложение. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html> (дата обращения: 10.02.2019).

6. Савельев В.А. Германское гражданское уложение. М., 1983.

7. О вещных правах: закон КНР. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right (дата обращения: 10.02.2019).

8. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00621.

1. Biography of Sergey Sergeevich Alekseev. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Alekseev,_Sergei_Sergeevich (date of access: 10.02.2019).

2. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation: approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation on the codification and improvement of civil legislation d.d. Oct. 7, 2009 // Bull. of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. № 11.

3. URL: <https://lawbook.online/gosudarstvazarubejnogo-pravo/grajdanskiy-kodeks-frantsii-1804-kodeks-73822.html> (date of access: 10.02.2019).

4. Civil Code of France. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (date of access: 10.02.2019).

5. German civil code. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html> (date of access: 10.02.2019).

6. Saveliyev V.A. German civil code. Moscow, 1983.

7. On property rights: law of the People's Republic of China. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right (date of access: 10.02.2019).

8. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project № 18-011-00621.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Кубанского государственного университета; e-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.V. Shchennikova, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law of the Kuban State University; e-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

---

Юридические факты в механизме возникновения вещных прав на недвижимость

Изучаются вопросы правового регулирования оснований возникновения вещных прав на недвижимое имущество. Анализируются отдельные виды юридических фактов и их составы, которые опосредуют возникновение вещных правоотношений. Исследуется правовая сущность государственной регистрации прав как элемента фактического состава возникновения вещных прав.

Ключевые слова: юридический факт, фактический состав, договор, акты субъектов властных полномочий, вещные права, государственная регистрация прав.

Legal facts in the mechanism of the occurrence of property rights to the estate

The article studies the issues of legal regulation of the basis of occurrence of property rights to the estate. Analyzed certain types of legal facts and their composition, which mediate the occurrence of property relations. The author studies the legal essence of the state registration of rights as an element of the actual composition of the occurrence of property rights.

Key words: legal fact, factual composition, contract, acts of subjects of authority, real rights, state registration of rights.

Возникновение вещных прав традиционно связано с установлением оснований их возникновения. Из теории права общеизвестно, что субъективные права, в том числе вещные права, возникают и прекращаются на основании юридических фактов. Именно определенные законом юридические факты (их совокупность) обеспечивают переход от общей модели поведения, закрепленной в юридической норме, к конкретным вещным правам на недвижимость. В то же время, несмотря на значение правового регулирования юридических фактов в механизме возникновения вещных правоотношений в сфере недвижимости, в современной юридической науке вопросы оснований возникновения вещных прав на недвижимость отдельно не освещаются. Прежде всего, практически неисследованной остается природа договоров, которые опосредуют возникновение вещных прав на недвижимость. Обобщение соответствующих положений законодательства осуществляется либо на уровне общих положений гражданского права (ст. 8 ГК РФ), либо отдельных вещно-правовых институтов, например права собственности (ст. 218 ГК РФ).

Отсутствие в действующем гражданском законодательстве системного подхода к возникновению и прекращению вещных прав вызывает определенные трудности при формулировании оснований возникновения вещных прав на недвижимость.

ГК РФ прямо не указывает, какие юридические факты лежат в основе приобретения вещного права первоначальным и производным способом. В доктрине в качестве оснований производного приобретения вещных прав на недвижимость называют такие юридические действия, как сделки и акты субъектов властных полномочий [1, с. 22–50].

В практике осуществления вещных прав на недвижимость наиболее распространенным основанием возникновения является договор, что демонстрирует результат диспозитивного метода правового регулирования частноправовых отношений.

Сложность правового регулирования в части возникновения вещных прав на основании данного юридического факта заключается в том, что в действующем законодательстве договор рассматривается главным образом как основание производного приобретения вещного права, основанного на правопреемстве (п. 2 ст. 218 ГК РФ). Одновременно законодатель к договорам, на основании которых возникают вещные права на недвижимость, относит и договор, на основании которого вещное право возникает впервые, – договор об установлении вещного права на чужой земельный участок (сервитут) (п. 3 ст. 274 ГК РФ).

Примечательно, что в Законопроекте № 47538-6 предусмотрено, что на основе договора должны устанавливаться не только сервитуты (ст. 301, 301.1), но и право постоянного земле-

ладения (ст. 299.2), право застройки (ст. 300.2) и иные вещные права [2].

Несмотря на законодательное закрепление и дальнейшие перспективы приоритетности договора как основания установления вещных прав на чужое недвижимое имущество, ГК РФ не содержит норм, которыми бы регулировались порядок заключения такого договора и его содержание. В доктрине и судебной практике единый подход к природе и содержанию указанного договора отсутствует. В одних случаях содержание такого договора приравнивают, по сути, к содержанию обязательственного соглашения [3; 4], в других – определяют возникновением договора иного типа [5, с. 332; 6].

В основе подобной дискуссии лежит проблематика вещной (распорядительной) сделки, совершение которой приводит к переходу прав или изменению их полноты [7].

Концепция вещного договора имеет среди современных ученых как своих сторонников (Л.Ю. Василевская, И.А. Емелькина, А.В. Германов, Е.А. Крашенинников, Д.О. Тузов), так и противников (Е.А. Суханов, К.И. Скловский, К.С. Калиниченко). Г.Ф. Шершеневич, рассматривая связь договора и обязательства, отмечал, что «в громадном большинстве случаев договор направлен к установлению обязательственного отношения» [8, с. 150]. Однако следует согласиться с тем, что это не повод считать любой договор обязательством. По мнению Г.Ф. Шершеневича, «договор и обязательство чаще всего находятся в связи, как причина и следствие. Область договора выходит за пределы обязательственных отношений... Договор лежит в основании передачи вещи, которой создается вещное право, – такой договор обязательственного отношения не создает» [8, с. 150].

Рассматривая договор в структуре отношений возникновения вещных прав на недвижимость, следует отличать основания установления вещных прав на чужую недвижимость от оснований приобретения уже существующего вещного права новым субъектом.

Вещное право может быть передано иному лицу на основании договора. При этом необходимо подчеркнуть, что в установленных законом случаях отчуждаемым может быть и вещное право, которое возникло на основании договора с собственником на чужую вещь.

В контексте вещных прав на чужое недвижимое имущество передачу права следует рассматривать исключительно в контексте перехода и самой вещи в пользование к новому

правообладателю. Таким образом, отчуждение вещных прав на чужое недвижимое имущество означает переход прав пользования чужой недвижимой вещью к новому правообладателю на основании договора с одновременным прекращением такого права у предыдущего правообладателя.

Договорами, опосредующими передачу вещных прав, являются договоры купли-продажи, дарения. По своей природе такие договоры являются обязательно-правовыми, поскольку в их основе лежит, прежде всего, обязанность правообладателя передать соответствующее право правоприобретателю. Вследствие заключения таких договоров имеет место приобретение права.

Договоры об установлении вещных прав на чужое недвижимое имущество не опосредуют переход прав от одного лица к другому. В силу принципа объективной обусловленности установления прав на чужое недвижимое имущество участники таких отношений не могут быть изменены. Исходя из цели договора и правовой природы прав, им устанавливаемых, справедливо говорить о договоре об установлении вещных прав как о договоре особого вида. По аналогии с немецким законодательством данный договор следует квалифицировать как вещный договор, на основе которого устанавливается вещное право.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что среди договоров, на основании которых возникают вещные права на недвижимое имущество, следует выделять два вида договоров: 1) договоры установления прав на чужое недвижимое имущество, которые по своему содержанию следует относить к типу вещных договоров; 2) договоры приобретения прав на недвижимое имущество, в том числе на чужое недвижимое имущество в случаях, установленных в законе, которые по своему содержанию следует относить к типу обязательственных договоров.

В качестве оснований возникновения гражданских, а значит, и вещных прав в законодательстве упоминаются акты субъектов властных полномочий. В частности, в пп. 2, 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ отмечается, что гражданские права возникают из актов государственных органов и органов местного самоуправления, из судебного решения.

Такая позиция законодателя не является бесспорной. Она была предметом научной полемики в трудах многих ученых как дореволюционного, так и советского периодов (Ю. Гам-

баров, Ю. Толстой, С. Кечежян и т.д.), нельзя считать ее разрешенной и в настоящее время.

Так, в современной юридической литературе встречаются точки зрения, согласно которым основаниями возникновения вещных прав на недвижимость являются решения суда, решения уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления [9; 10, с. 65, 80; 11].

Причиной, по которой подобные точки зрения получили распространение, является упоминание в законодательстве актов субъектов властных полномочий при регулировании отношений, связанных с возникновением вещных прав на недвижимость. В частности, решения суда – при установлении сервитута (п. 3 ст. 274 ГК РФ), признании права собственности на самовольную постройку (п. 3 ст. 222 ГК РФ), на бесхозяйную недвижимую вещь; решения исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления – в случае предоставления земельного участка в собственность бесплатно или в постоянное (бессрочное) пользование (п. 1 ст. 39.1 ЗК РФ), ограниченное пользование на условиях сервитута (ст. 17 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 43-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ч. 1 ст. 4 Закона Республики Крым от 15 сентября 2014 г. № 74-ЗРК «О размещении инженерных сооружений») и т.д.

В то же время некоторые ученые отмечают, что основанием возникновения вещных правоотношений в данном случае опять же является договор, заключаемый в порядке и на условиях, определяемых решением суда, административным актом [12, с. 281; 13].

Например, установление сервитута в так называемом административном порядке по решению уполномоченных органов предусматривает достижение определенного соглашения между сторонами, в частности об оплате после установления сервитута (ст. 18 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 43-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ч. 1 ст. 8 Закона Ре-

спублики Крым от 15 сентября 2014 г. № 74-ЗРК «О размещении инженерных сооружений»).

При установлении сервитута в судебном порядке, в частности при определении его условий, отмечается, что задача суда состоит в утверждении соглашения о сервитуте, а не установлении этого права. По мнению А.Б. Бабаева, моменты возникновения сервитутного права и принятия решения судом совпадают, однако основанием возникновения права и здесь является соглашение о сервитуте [12, с. 281].

По этому поводу следует отметить, что решение субъектов властных полномочий не может принуждать стороны к заключению договора в случае недостижения согласия о нем. В противном случае нарушался бы принцип добровольности заключения договора, что является недопустимым. Сказанное подтверждается и в правоприменительной практике, устанавливающей, что суд не обязывает стороны заключить соглашение о сервитуте, а устанавливает его своим решением [14]. При этом уточняется, что суд самостоятельно определяет условия сервитута [15]. Если стороны не возражают против установления сервитута, но не смогли прийти к согласию об условиях договора, суд определяет такие условия.

В то же время, учитывая правоприменительный характер актов субъектов властных полномочий, следует согласиться, что их наличие в основе гражданских правоотношений не означает, что такие правоотношения возникают на их основе [16]. Принятие соответствующих актов обуславливается наличием иных обстоятельств (юридических фактов), определенных законом. Даже в тех случаях, когда наряду с актом другой юридический факт в законе прописан нечетко, обобщенно, это еще не означает, что в основании возникновения вещного права он отсутствует [16].

Так, анализ норм законодательства и правоприменительной практики [15] показывает, что для установления сервитута решением суда обязательными являются следующие условия: 1) наличие между собственниками земельных участков спора об установлении или условиях сервитута; 2) объективная необходимость обеспечения нужд собственника недвижимого имущества для целей, указанных в законодательстве; 3) исключительность установления сервитута как единственного способа обеспечения нужд собственника недвижимого имущества.

Без судебного решения данные обстоятельства, имеющие существенное значение для

возникновения вещного права, не приобретают качества юридического факта, т.е. не способны сами по себе порождать правовые последствия. В то же время судебное решение без таких обстоятельств не является юридическим фактом.

Одним из актов субъектов властных полномочий, влекущих возникновение вещных прав на недвижимость, в литературе предлагается рассматривать государственную регистрацию вещного права на недвижимость. По этому поводу Е.А. Суханов отмечает, что «чрезвычайно важную роль в процессе возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений играют также административные акты в форме государственной регистрации юридических действий, событий и прав» [17, с. 434]. Подобной точки зрения придерживается и П.В. Крашенинников, отмечая юридическое (правообразующее) значение государственной регистрации вещного права [18].

В то же время распространенной является позиция, согласно которой государственная регистрация вещных прав не имеет правоустанавливающего характера, поскольку не влияет на установление самого права [19, с. 198–212]. В доктрине отмечается, что в момент регистрации вещного права преодолевается препятствие в его осуществлении, но само право возникает прежде того [11; 20].

Так, согласно ст. 551 ГК РФ переход права собственности на недвижимость по договору продажи недвижимости к покупателю подлежит регистрации. При этом законодатель подчеркнул, что исполнение договора сторонами до регистрации перехода права собственности не является основанием для изменения их отношений с третьими лицами. Приведенную норму ст. 551 ГК РФ можно понимать так, что регистрируемое за покупателем право появляется у него в отношениях с продавцом до регистрации, т.е. сразу после исполнения продавцом договора купли-продажи. Подобный подход относительно возникновения прав использования имущества на основании договора применяется и в правоприменительной практике (п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. № 13, пп. 3, 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 февраля 2014 г. № 165).

Применение по аналогии указанной позиции к отношениям установления вещных прав на недвижимость позволяет прийти к выводу о возникновении вещного права на недвижимость в случае заключения договора об установлении вещного права, но отсутствия его регистрации. В то же время отмечается, что такое право не

будет обладать всеми свойствами вещного права, например правом следования [11].

Государственная регистрация вещных прав на недвижимость в силу ст. 8.1 ГК РФ и Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» является обязательным юридическим актом, который порождает наступление определенных юридических последствий. В то же время этот юридический акт является зависимым от других юридических актов, устанавливающих вещные права, поскольку по своему определению, закрепленному в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», государственная регистрация является юридическим актом признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество.

Если оценивать природу государственной регистрации как юридического факта, то она однозначно является правообразующим юридическим фактом, с наступлением которого возникают, изменяются или прекращаются определенные правоотношения. В то же время государственная регистрация не может существовать в форме самостоятельного юридического факта.

Не отрицая правообразующие свойства иных юридических фактов, следует учитывать, что они на конкретном этапе вызывают юридические последствия, однако только для участников данных отношений. Например, при заключении договора необходимо признать факт возникновения соответствующих вещных отношений для сторон договора. Аналогичным образом осуществляется механизм приобретения вещного права по решению суда. Для участников судебного процесса вещные права на недвижимое имущество возникают в момент вступления решения в законную силу.

Каждый из этих юридических фактов вызывает определенные правовые последствия (приобретение или установление вещного права), в то же время именно юридический факт государственной регистрации вещных прав на недвижимость знаменует возникновение таких вещных отношений для всех участников имущественного оборота. В рамках механизма возникновения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество, который предусматривает их обязательную регистрацию, такая регистрация играет роль заключительного юридического факта, поскольку она не может быть совершена до момента возникновения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество.

Таким образом, в случае государственной регистрации вещных прав на недвижимость следует говорить о фактическом составе возникновения вещных правоотношений, в котором государственная регистрация, наряду с другими правовыми средствами, обеспечивает оборот недвижимости. Что касается возникновения вещного права на недвижимость, то государственная регистрация придает соответствующему праву публичность и абсолютность и обозначает его возникновение для всех иных участников гражданского оборота.

В рамках исследования актов субъектов властных полномочий как оснований возникновения вещных прав в научных кругах обсуждается вопрос рассмотрения в качестве таковых нормативных актов субъектов властных полномочий. Особенностью закона как юридического факта является его самодостаточность, которая становится возможной благодаря нормативному характеру такого акта. В связи с этим некоторые ученые, как например Ю. Толстой, утверждают, что «ни одно субъективное право не может возникнуть непосредственно из нормы права, без наступления предусмотренного нормой юридического факта» [21, с. 71]. Другие ученые, например С. Кечекьян, наоборот, такую возможность допускают. По его мнению, такая ситуация возникает в тех случаях, когда нормы закона или иного нормативного акта устанавливают права, которые предоставляются всем гражданам, «всем и каждому» [22, с. 170].

В качестве рассматриваемого основания возникновения вещного права на недвижимость в литературе зачастую называют возникновение предусмотренного земельным законодательством публичного сервитута [9; 23]. Однако в данном случае необходимо учитывать, что подобное ограничение права собственности, устанавливаемое для неопределенного круга лиц, сервитутом в собственном смысле слова не является, поскольку не содержит в себе признаков субъективного вещного права.

Говоря об установлении вещных прав в силу закона, следует признать обоснованным мнение Р.О. Халфиной, согласно которому «даже в тех случаях, когда закон возлагает определенные обязанности или предоставляет права, не предусматривая для возникновения этих прав и обязанностей каких-либо юридических осно-

ваний, всегда существует определенный факт, с которым закон связывает наличие прав или обязанностей» [24, с. 296].

Юридический факт, который лежит в основе возникновения вещного права, представляет собой конкретное жизненное обстоятельство, которое произошло или существует и попадает под действие соответствующей нормы права. До тех пор, пока отсутствует фактическое обстоятельство, можно говорить о существовании нормативной конструкции обстоятельства, однако не о конструкции юридического факта как основания возникновения вещного права.

Таким образом, в зависимости от способа приобретения вещного права, а также от вида вещного права предусмотренный законом юридический факт может быть квалифицирован как основание приобретения вещного права. Однако в большинстве случаев возникновение вещного права требует не одного юридического факта, а их совокупности, которая получила в теории название юридического (фактического) состава.

Правоприменительные акты субъектов властных полномочий не могут являться самостоятельными юридическими фактами, т.е. основанием возникновения вещного права. Они являются элементом необходимого юридического состава, завершают его формирование для приобретения или прекращения права. Поскольку они являются завершающими юридическими фактами, создается ошибочное представление о них как об основаниях возникновения или прекращения вещных прав. В то же время акты субъектов властных полномочий не могут исключать существование иных юридических фактов, необходимых для возникновения или прекращения вещного права.

Из сказанного следует, что основанием приобретения вещного права на недвижимость являются юридические факты, предусмотренные законом, которые самостоятельно или в своей совокупности создают способ приобретения (установления) вещного права на недвижимость. Наступление определенных правовых последствий возникновения вещного права на недвижимость возможно лишь при наступлении совокупности юридических фактов: юридического акта приобретения (установления) вещного права и его государственной регистрации.

1. Жабреев В.С. *Возникновение вещных прав на недвижимое имущество: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.*

1. Zhabreev V.S. *The occurrence of property rights to the estate: diss. ... Candidate of Law. Ekaterinburg, 2005.*

2. Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6>
3. Малеина М.Н. Договор о частном сервитуте // Вестн. гражданского права. 2008. № 4.
4. Ананьев А.Г. Недействительность и незаключенность соглашения о сервитуте // Юрист. 2014. № 11.
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М., 2006.
6. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 7.
7. Туктаров Ю.Е. Абстрактная модель передачи права собственности на движимые вещи // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 8.
8. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2002.
9. Копылов А.В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. М., 2000.
10. Крассов О.И. Право частной собственности на землю. М., 2000.
11. Рыбалов А.О. Легальный сервитут в российском праве // Вестн. гражданского права. 2010. № 5.
12. Бабаев А.Б. Система вещных прав. М., 2006.
13. Цуканов В.И. Сервитут как вещное право // Закон и право. 2004. № 8.
14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 июля 2010 г. № 2509/10 по делу № А53-5239/2009 // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 11.
15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 февр. 2012 г. № 11248/11 по делу № А45-12892/2010 // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 6.
16. Харченко Г.Г. Вещные права. Киев, 2015.
17. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
18. Жилищный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / под ред. П.В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
2. Draft Federal law № 47538-6 «On Amendments to the First, Second, Third, and Fourth Parts of the Civil Code of the Russian Federation and also in Individual Legislative Acts of the Russian Federation». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6>
3. Maleina M.N. A Private easement agreement // Bull. of civil law. 2008. № 4.
4. Ananyev A.G. Voidance and non-conclusion of an easement agreement // Lawyer. 2014. № 11.
5. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book two: Property transfer agreements. Moscow, 2006.
6. Krasheninnikov E.A., Baygusheva Yu.V. Unilateral and multilateral contracts // Bull. of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. № 7.
7. Tuktarov Yu.E. Abstract model of transfer of ownership of movable things // Bull. of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. № 8.
8. Shershenevich G.F. Textbook in Russian civil law. Moscow, 2002.
9. Kopylov A.V. Real rights to land in Roman Law, Russian pre-revolutionary and contemporary civil law. Moscow, 2000.
10. Krassov O.I. The right of private ownership of land. Moscow, 2000.
11. Rybalov A.O. Legal easement in Russian law // Bull. of civil law. 2010. № 5.
12. Babayev A.B. The system of real rights. Moscow, 2006.
13. Tsukanov V.I. Servitude as a real right // Law and legislation. 2004. № 8.
14. Judgment of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation d.d. July 20, 2010 № 2509/10 in case № А53-5239/2009 // Bull. of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. № 11.
15. Judgment of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 11248/11 of February 28, 2012 in case of № А45-12892 / 2010 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. № 6.
16. Kharchenko G.G. Real rights. Kiev, 2015.
17. Civil law: textbook: in 4 vols. Vol. 1: General part / resp. ed. E.A. Sukhanov. Moscow, 2007.
18. The Housing Code of the Russian Federation: article-by-article commentary / ed. by P.V. Krasheninnikov. 3rd ed., rev. and augm. Moscow, 2010.
19. Alekseev V.A. Real estate: state registration and problems of legal regulation. Moscow, 2007.

19. Алексеев В.А. *Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования*. М., 2007.
20. Пятков Д.В. *Момент возникновения права собственности на недвижимость: новеллы законодательства и судебной практики* // Вестн. Барнауль. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 1(32).
21. Толстой Ю.К. *К теории правоотношения*. Л., 1959.
22. Кечекьян С.Ф. *Правоотношения в социалистическом обществе*. М., 1958.
23. Малейна М.Н. *Правовые аспекты установления и прекращения публичного земельного сервитута* // Журн. рос. права 2004. № 12(96).
24. Халфина Р.О. *Общее учение о правоотношении*. М., 1974.
20. Pyatkov D.V. *The moment of occurrence of property rights to real estate: novelties of legislation and judicial practice* // Bull. of the Barnaul law institute of Russian MIA. 2017. № 1(32).
21. Tolstoy Yu.K. *On theory of legal relationship*. Leningrad, 1959.
22. Kechekyan S.F. *Legal relations in the socialist society*. Moscow, 1958.
23. Maleina M.N. *Legal aspects of establishment and termination of public land easement* // Journal of Russian Law. 2004. № 12.
24. Khalfina R.O. *General theory of legal relations*. Moscow, 1974.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Екатерина Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; тел.: +79787736361.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

E.G. Semenova, Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of State and Civil Law Disciplines of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +79787736361.

Кусакина Наталья Викторовна
Курдюк Петр Михайлович
Очаковский Виктор Александрович

Тенденции развития налогового законодательства в части предоставления налогоплательщикам налоговых льгот

Проводится анализ правовой дефиниции «налоговая льгота», рассматриваются различные теории применения налоговых льгот на практике. Изучаются мнения экспертов РАНХиГС об эффективности применения действующих налоговых льгот в Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговое законодательство, налоговые льготы, Министерство финансов РФ, налоговая амнистия, налоговые каникулы.

Trends in the development of tax legislation in terms of providing tax benefits to taxpayers

This article analyzes the definition of «tax benefits», discusses the various points of view of scientists and the theory of the use of tax incentives in practice. The opinions and assessment of experts of the RANEPА on the effectiveness of the use of existing tax incentives in the Russian Federation.

Key words: tax legislation, tax benefits, the Ministry of Finance of the Russian Federation, tax amnesty, tax holidays.

Представители науки налогового права рассматривают налоговые льготы в разных аспектах. Ряд ученых считает, что льготы по налогам выступают законными исключениями из предусмотренных норм, расширяющими правовые возможности налогоплательщика; налоговые льготы являются составным элементом специального правового статуса лица. Например, В.В. Коровкин определяет налоговые льготы как привилегии, которые предоставляются отдельным категориям налогоплательщиков, что позволяет им сократить размер своих налоговых обязательств относительно других налогоплательщиков [1, с. 24].

Сторонники другого подхода рассматривают налоговые льготы как разновидность правового стимула государства. Например, Д.В. Булгак определяет налоговые льготы как выгодные условия, предоставляемые налогоплательщикам. В этом случае сокращается объем налоговых обязательств на правовой основе, что способствует созданию благоприятного режима для осуществления деятельности государства в сфере экономики [2, с. 79].

Достаточно спорным представляется мнение И.В. Горского, который категорично отрицает вышеперечисленные подходы. Он предлагает не использовать и не употреблять законодательно дефиницию «налоговая льгота», так как, по его мнению, налогу присуща только одна функция – фискальная. Основывая свою теорию на трудах известных экономи-

стов разного времени, таких как П. Самуэсон, А. Смит, И.В. Горский полагает, что вообще недопустимо использование налоговых льгот в целях стимулирования и регулирования экономической деятельности. [3, с. 17].

Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) обеспечивает легальное определение налоговых льгот. Это предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере.

Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что налоговые льготы представляют собой некую систему скидок, являясь методом стимулирования и поощрения в развитии бизнеса, уменьшая налоговую нагрузку, которая возлагается на налогоплательщика [4, с. 37].

НК РФ выделяет следующие формы налоговых льгот.

Статья 18 НК РФ предусматривает специальные налоговые режимы, куда, в частности, входят:

- 1) система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей, при этом налоговая ставка составляет 6%;
- 2) упрощенная система налогообложения;
- 3) система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности;

4) система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции;

5) патентная система налогообложения.

Статья 333.35 НК РФ освобождает от уплаты налога отдельные категории лиц.

Статья 218 НК РФ предоставляет право на получение стандартных налоговых вычетов (например, в размере 3000 рублей за каждый месяц налогового периода для лиц, получивших лучевую болезнь и другие заболевания, связанные с радиационным воздействием вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС).

Стоит обратить внимание на налоговые освобождения, такие как налоговая амнистия и налоговые каникулы.

1. Налоговая амнистия – это полное списание задолженности налогоплательщика, без применения к нему санкции за просрочку, которое осуществляется налоговыми органами самостоятельно.

Например, в соответствии с поручением Президента РФ, а также Федеральным законом от 28 декабря 2017 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» начала действовать налоговая амнистия 2018 г. по налогам и страховым взносам для отдельных категорий налогоплательщиков. Она действует в отношении физических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, которые ранее занимались предпринимательской деятельностью, а также адвокатов, нотариусов и иных лиц, которые занимаются или ранее занимались частной практикой [5].

2. Налоговые каникулы – это полное освобождение налогоплательщика от уплаты налога на определенный период. Так, например ИП при соблюдении определенных условий могут получить данную льготу на два налоговых периода.

Важной особенностью данной нормы является то, что на налоговые каникулы можно рассчитывать только после вступления в силу соответствующего регионального закона. Например, в Краснодарском крае это регулируется законами Краснодарского края от 8 мая 2015 г. № 3169-КЗ «Об условиях применения упрощенной системы налогообложения на территории Краснодарского края» и от 16 декабря 2012 г. (в редакции от 1 января 2016 г.) № 2601-КЗ «О введении в действие патентной системы налогообложения на территории Краснодарского края», в которых определены конкретные виды деятельности, подпадающие под данную льготу [6].

Стоит отдельно поговорить об инвестиционном налоговом кредите, представляющем собой изменение срока уплаты налога, при котором организации предоставляется возможность в течение определенного срока и в определенных пределах уменьшать свои платежи по налогу с последующей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов. Это одна из востребованных налоговых льгот.

Федеральная налоговая служба России (далее – ФНС РФ) для получения налоговых льгот, например на имущество, рекомендует налогоплательщикам направить заявление о льготах по налогам до 1 мая соответствующего года. Только тогда налоговое уведомление за прошлый год будет сформировано с учетом заявления, а налоги не придется пересчитывать. В первую очередь это касается тех физических лиц, у которых право на налоговые льготы возникло впервые, например в связи с выходом на пенсию и т.п.

По своей природе норма по использованию налоговых льгот является диспозитивной, т.е. не обязательна к применению. Статья 56 НК РФ закрепляет, что налогоплательщик имеет право отказаться от применения налоговой льготы или приостановить ее использование на определенное время. Следовательно, существует выбор: использовать данную налоговую льготу или нет [7, с. 172–175].

В последнее время часто поднимается вопрос об отмене налоговых льгот или их сокращении с целью предотвращения злоупотреблений данным правом.

Налоговые льготы имеют прямой и косвенный эффект. Прямой эффект выражается в уменьшении налоговых доходов в бюджет, а косвенный часто сводится к потерям для населения. Нельзя оценивать прямой и косвенный эффекты налоговых льгот однозначно, так как при отмене какой-либо налоговой льготы поведение налогоплательщиков налогов может поменяться таким образом, что коснется сферы действия иных мер налоговой политики.

По мнению экспертов РАНХиГС, часть льгот следует сократить ввиду их неэффективности, например по налогу на прибыль, а также налоговые вычеты и др., поскольку данные налоговые льготы для государства оборачиваются недополученными доходами. По их мнению, следует отменить или попробовать усовершенствовать 25 льгот, которые не соответствуют критериям эффективности. Большинство неэффективных льгот относятся к налогу на прибыль. Например, бюджет недополучает свыше 430 млрд руб. доходов. В основном это проис-

ходит из-за нулевой ставки на дивиденды, которые получают российские организации при стратегическом участии (не менее 50%) в капитале компаний (203,2 млрд руб.) и т.д.

Это лишь первичный анализ, но льготы, которые не соответствуют даже первичным требованиям, необходимо заменять субсидиями, либо следует ставить вопрос об их отмене. Второй этап – анализ эффекта льгот на макроуровне: надо понять, насколько они значимы для благосостояния населения. В то же время эксперты не могут оценить однозначный, чистый эффект той или иной льготы.

В своем выступлении от 27 сентября 2018 г. министр финансов РФ, первый вице-премьер Антон Силуанов, представляя отчет об исполнении федерального бюджета за 2017 г., не исключил тенденцию отмены некоторых неэффективных налоговых льгот. Он отметил, что Правительство РФ готовит методику оценки эффективности льгот в налоговом праве, которая будет принята в ближайшее время на рассмотрение. Налоговые льготы, которые являются неэффективными, будут ликвидированы. В то же время он подметил, что большая часть этих льгот – это льготы социальные или стимулирующие, влияющие на инвестиционную активность нашей экономики, и их нельзя отменить. Минфин России справедливо отмечает: «Будучи прямой альтернативой бюджетным расходам, налоговые льготы в России отличаются преимущественно бессрочным характером, отсутствием адресности, хоть они, несмотря на формальную нацеленность на решение определенных задач государственной политики, и выведены из-под бюджетного контроля». Это явление в конечном итоге приведет лишь к прямым потерям общественного материального состояния. По данным Минфина России,

в 2017 г. бюджет потерял 2,4 трлн руб. из-за неправильного применения налоговых льгот. С каждым годом размер потерь прогрессирует, и, по предварительной оценке экспертов, к 2020 г. потеря может составить 2,77 трлн руб. Ведомство планирует часть налоговых льгот отменить, а другую часть заменить прямыми субсидиями (т.е. открытым финансированием различной деятельности, определенного предприятия, для конкретного региона или города) [8].

В своей работе «Оптимизация налогов» Ю.А. Лукаш считает, что необходимо систематизировать перечень всех льгот по всем налогам, которые налогоплательщики имеют право применять. После составления данного перечня следует провести анализ сущности и полноты правового регулирования данных налоговых льгот, тем самым можно будет добиться правильности их применения [9].

Таким образом, налоговые льготы являются одной из важнейших составляющих здоровой, нормально функционирующей экономики государства, важнейшим элементом налоговой политики. Налоговые льготы выступают неким регулятором социально-экономических отношений в государстве. Зачастую они направлены на решение определенных распределительных и социальных задач. Неэффективными их можно считать, если они не востребованы, а их использование приведет к потерям. Только в этом случае они подлежат замене на более эффективные.

Одним из способов решения данной проблемы является повышение уровня налоговой культуры, что подразумевает под собой понимание гражданами всей важности для государства и населения уплаты налогов [10].

1. Филин М.В., Цешковский А.М. Правовое регулирование налоговых льгот и меры государства по борьбе с уклонением от уплаты налогов // *Налоги*. 2009. № 6.

2. Шевелева Н.А., Братко Т.Д. Налоговая льгота как категория финансового права // *Вестн. экономического правосудия Российской Федерации*. 2014. № 10.

3. Горский И.В. О налоговом регулировании, налоговых льготах и функциях (историко-методологический аспект) // *Экономика. Налоги. Право*. 2014. № 3. С. 17–22.

4. Курдюк П.М., Очаковский В.А. К вопросу о совершенствовании правового механизма налогового льготирования // *Право и государство: проблемы методологии, теории*

1. Filin M.V., Tseshkovsky A.M. Legal regulation of tax benefits and government measures to combat tax evasion // *Taxes*. 2009. № 6.

2. Sheveleva N.A., Bratko T.D. Tax relief as a category of financial law // *Bull. of economic justice of the Russian Federation*. 2014. № 10.

3. Gorsky I.V. On tax regulation, tax benefits and functions (historical and methodological aspect) // *Economy. Taxes. Law*. 2014. № 3. P. 17–22.

4. Kurdyuk P.M., Ochakovsky V.A. To the issue of improvement of legal mechanism of tax benefits // *Law and state: issues of methodology, theory and history: proc. of V All-Russian sci. and practical conf. Krasnodar*, 2016.

5. URL: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/amnesty2018/> (date of access: 16.10.2018).

и истории: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016.

5. URL: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/amnesty2018/> (дата обращения: 16.10.2018).

6. URL: https://www.nalog.ru/m23/news/tax_doc_news/6157186/ (дата обращения: 16.10.2018).

7. Деменко К.С., Очаковский В.А. Эффективность предоставления налоговых льгот в Российской Федерации // *Science time*. 2017. № 3(39).

8. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/09/27/782165-siluanov-igot> (дата обращения: 16.10.2018).

9. Лукаш Ю.А. Оптимизация налогов. Методы и схемы: учеб. пособие. М., 2014.

10. Воробьева Е.И. Влияние налоговых льгот на предпринимательскую деятельность // *Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XIII междунар. студ. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. № 2(13)*.

6. URL: https://www.nalog.ru/m23/news/tax_doc_news/6157186/ (date of access: 16.10.2018).

7. Demenko K.S., Ochakovsky V.A. The effectiveness of tax incentives in the Russian Federation // *Science time*. 2017. № 3(39).

8. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/09/27/782165-siluanov-igot> (date of access: 16.10.2018).

9. Lukash Yu.A. *Tax optimization. Methods and schemes: study aid*. Moscow, 2014.

10. Vorobyova E.I. The impact of tax incentives on business // *Scientific community of students: interdisciplinary research: proc. of XIII Intern. students sci. and practical conf. Novosibirsk, 2017. № 2(13)*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кусакина Наталья Викторовна, студентка 3 курса юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: n_kusakina98@mail.ru;

Курдюк Петр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: mail@kubsau.ru;

Очаковский Виктор Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: viktor.ochakovsky@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

N.V. Kusakina, 3rd year student of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: n_kusakina98@mail.ru;

P.M. Kurdyuk, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru;

V.A. Ochakovsky, Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: viktor.ochakovsky@list.ru

---

Куликов Евгений Михайлович
Большов Виктор Борисович

Восприятие российской полиции населением провинциального города: теоретические и эмпирические аспекты

Обосновывается, что успешное функционирование института полиции во многом обусловлено включенностью населения в решение проблем правопорядка и безопасности. Авторы указывают, что именно добровольное, инициативное сотрудничество людей с полицией значительно повышает ее эффективность, однако подобные действия зависят от специфики того образа полиции (позитивного или негативного), который сложился в сознании граждан. Социологические исследования, обладающие способностью объективного анализа общественного мнения населения о деятельности полиции, являются перспективными не только в научном, но и в управленческом плане.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, социальный институт, полиция, образ полиции, общественное мнение.

Perception of the Russian police by the population of a provincial town: theoretical and empirical aspects

The success of the police force is largely due to the population's involvement in addressing law and order and security issues. It is the voluntary, initiative cooperation of people with the police that significantly increases its effectiveness. However, such actions depend on the specifics of the image of the police (positive or negative), which has developed in the minds of citizens. Sociological research, which has the ability to objectively analyze public opinion about the activities of the police, is promising not only in scientific but also in management terms.

Key words: transforming society, social institution, police, image of police, public opinion.

Российское общество на современном этапе своего развития испытывает влияние ряда факторов, в совокупности предопределяющих сложный, противоречивый, разнонаправленный вектор социальной динамики. Усиливающиеся тенденции информатизации, компьютеризации, виртуализации социума формируют его особое состояние, которое можно охарактеризовать терминами «риск», «нестабильность» и т.п. Быстрые темпы инновационного развития сопровождаются ломкой сложившихся социальных связей, различного рода системных целостностей, вследствие чего с неизбежностью усиливается и потребность в упорядочивании, стабилизации социума как на макро-, так и на микроуровне. Именно нестабильность и инновационный риск современного российского общества усиливают значимость многих социальных институтов, в том числе и института полиции, функциональный репертуар которого обладает неповторимой спецификой, придающей уникальность данной форме организации совместной жизни людей, групп, общностей.

В условиях модернизации, которую переживает российское общество XXI в., особую актуальность приобретает вопрос о внутренней

безопасности страны. Из всех силовых структур государства важнейшая роль в эффективном обеспечении общественной безопасности страны отводится функционированию самого большого отраслевого социального института правоохранительных органов – полиции.

Социологический анализ полиции как социального института должен учитывать и изменения, происходящие в российском обществе в последние годы. Именно поэтому деятельность органов внутренних дел целесообразно рассматривать отдельно от развития социальной системы: всегда необходимо принимать во внимание зависимость института полиции от общества, актуальных явлений, процессов, происходящих в нем, в том числе и учитывать восприятие деятельности полиции в общественном мнении жителей России.

В условиях российского общества начала XXI в. полиция, как и другие социальные институты, находится в весьма сложном, противоречивом положении, связанном с быстро развивающимися процессами социальных трансформаций. Как отмечают современные исследователи, российская полиция в настоящее время испытывает действие ряда дезорганизационных факторов по отношению к ее

системной конфигурации. По мнению А.Р. Каспарова, одной из актуальных проблем современной российской полиции выступает то, что ее «кадровое пополнение происходит за счет молодежи, сформировавшейся в условиях развивающегося гражданского общества и институциональных трансформаций последних лет; это привнесло в деятельность полиции, выступающей в определенном смысле консервативным социальным институтом, некоторые противоречивые тенденции. Имеет место влияние на внутреннюю среду органов внутренних дел, субкультуру, нормы деятельности и конфликтологические риски, обнаруживаемые внутри самой социальной организации» [1, с. 17].

А.П. Тюнь обращает внимание на «сложную, многоуровневую конструкцию институциональной структуры российской полиции, что значительно осложняет ее анализ, особенно на теоретико-прикладном и эмпирическом уровнях познания; вместе с тем такое положение задает новые векторы социологического анализа проблемы, позволяет формировать перспективные модели анализа института полиции в условиях реформируемого российского общества» [2, с. 9].

С социологической точки зрения перспективно рассматривать институт российской полиции в системе социальных связей – как на макро-, так и на микроуровне социума. На разных уровнях общества – индивидуальном, групповом, массовом – складываются многоуровневые системы взаимодействий. Для гармонизации социальных отношений, поддержания порядка и стабильности необходимо сотрудничество между различными акторами социума; принципы социального сотрудничества распространяются и на представителей органов внутренних дел, особенно в аспекте их взаимодействия с гражданами. Восприятие полиции населением осуществляется сквозь призму таких ценностей, как честное служение интересам общества, забота о личной безопасности каждого человека и общества в целом, защита собственности, обеспечение спокойствия и отсутствие различного уровня страхов. Именно по критерию соответствия/несоответствия данной системе ценностных ориентаций полиция воспринимается гражданами нашей страны.

В связи с этим достаточно важно сформировать в сознании населения образ «своей» (социокультурно, ментально близкой) полиции. Такие социально-управленческие шаги требуют серьезной подготовки. Осуществляемые социально-управленческие мероприятия нуждаются в независимой, научно обоснованной оценке. Социология обладает уникальным инструментарием для осуществления подобной деятельности, особенно на практическом

уровне. В данном контексте является весьма актуальным изучение восприятия полиции в обществе и выявление особенностей генезиса образа сотрудников органов внутренних дел в сознании россиян. Следует отметить, что реформа МВД России, начавшаяся в 2011 г., должна учитывать и состояние общественного мнения, природа которого имеет противоречивый характер. Немецкий социолог Э. Нозль-Нойман определяла общественное мнение как «ценностно окрашенное, имеющее моральную окраску, мнение и способ поведения» [3, с. 341]. Процесс формирования общественного мнения находится в тесной связи с понятием «доверие». Российский социолог Ю.А. Левада подчеркивал, что «категория “доверие” обозначает самое общее, а потому и самое неопределенное, позитивное отношение человека к социальным феноменам разного рода. Различные виды и степени доверия как бы определяют собственные координаты человека в этом мире (в таком определении участвуют и отрицательные значения переменной, т.е. недоверие, сомнение, отрицание)» [4, с. 7].

Необходимо подчеркнуть, что социологический анализ общественного мнения жителей России характеризуется рядом уникальных особенностей. В частности, следует учитывать существенные различия во мнениях жителей столицы, крупных мегаполисов и провинциальных городов, деревень, сел. Именно состояние общественного мнения, локализованное на уровне российской провинции, зачастую не в полной мере учитывается в ходе эмпирических и прикладных социологических исследований. С целью изучения образа сотрудника полиции в общественном сознании населения провинциального города было проведено социологическое исследование в г. Усть-Лабинске Краснодарского края. Посредством анкетирования было опрошено 335 человек в возрасте от 18 до 70 лет. Основные виды деятельности респондентов: студенты, пенсионеры, служащие, рабочие, безработные, предприниматели.

Возможность изучения общественного мнения при оценке деятельности полиции предполагает в первую очередь доступность информации об особенностях ее функционирования. В целом анализ различных каналов информации, формирующих образ современных российских органов внутренних дел, позволяет выявить следующую тенденцию. Значительную часть информации о деятельности полиции население г. Усть-Лабинска получает из электронных СМИ (к ним относятся телевидение, радио, Интернет), незначительная доля приходится на личный опыт общения с представителями правоохранительных органов, и практически ника-

кого влияния на опрашиваемых не оказывает информация в журнальных публикациях. Эти же каналы, по мнению респондентов, являются и наиболее важными при формировании образа полицейского в глазах населения.

В ходе опроса жителей г. Усть-Лабинска было предложено сопоставить образы современного полицейского и советского милиционера. По результатам опроса были получены следующие результаты. Значительная доля опрошенных (57,3%) считает, что образ современного полицейского проигрывает имиджу милиционера в советское время. Далее была предпринята попытка определить, каким является самый популярный образ полицейского в кинематографе. Такие образы, как дядя Степа, Анискин, практически забыты населением – это показало проведенное социологическое исследование. По результатам опроса самым популярным оказался образ Глухаря из одноименного сериала – 39,5%, на втором месте образ капитана Г. Жеглова в исполнении В.С. Высоцкого – 21,1%. Также были упомянуты и другие персонажи полицейских фильмов: Робкоп, герои Брюса Уиллиса. Таким образом, ассоциация с понятием «полицейский» несет в себе оттенок полицейского скорее западного, а не российского образца. Среди отечественных образцов зачастую доминируют герои российских криминальных сериалов 2000-х гг., изображающих полицейских как криминальных личностей.

Отвечая на прямой вопрос о доверии полиции, население г. Усть-Лабинска продемонстрировало умеренную поддержку. Так, 47,4% опрошенных частично доверяют полиции, 28,9% отметили, что «не доверяют», и только 18,4% выбрали «полное доверие».

В качестве индикатора социального доверия сотрудникам органов внутренних дел может служить реальное поведение людей в криминальных ситуациях. По данным опроса, только каждый пятый житель г. Усть-Лабинска считает, что в случае возникновения преступного инцидента «полиция способна защитить его и его семью».

Тем не менее, примерно половина опрошенных заявили, что при возникновении подобного рода ситуаций они обратились бы в полицию. Оставшаяся часть опрошенных указали, что разбирались бы в ситуации своими силами и средствами, прибегая к помощи родственников и друзей, а также криминального мира, что является достаточно тревожным фактом.

Специфику функционирования общественного мнения обуславливает влияние на него различного уровня источников о правоохранительных органах. К числу основных источников следует отнести личный опыт общения граждан с полицией, непосредственное межличност-

ное общение (беседы с друзьями, близкими, в кругу семьи). Опрос жителей г. Усть-Лабинска показал, что в среднем незначительное число граждан имеют опыт прямого общения с представителями правоохранительных органов, т.е. основным источником для них являются телевидение и Интернет.

В качестве контрольного респондентам был задан вопрос о том, были ли совершены в их отношении реальное посягательство на жизнь и здоровье, мошенничество, кража и т.п. Как показал результат опроса, лишь 28,9% опрошенных имели неприятный опыт попадания в подобного рода ситуации. Наиболее часто это были кражи (13,2%), причинение телесных повреждений, драка (10,5%), мошенничество и хулиганство (по 2,6%).

Из тех, кто был подвергнут какому-либо насилию, 54,6% обратились в полицию, 45,4% в полицию не обращались. В качестве основных аргументов отказа от обращения в ОВД были высказаны следующие: «не доверяю им», «там все подкуплено», «сам разобрался с хулиганами», «сам разобрался в ситуации».

Те же, кто обратился в полицию, были полностью удовлетворены полученным результатом взаимодействия с полицейскими только в 16,7% случаев. Большая часть (83,3%) отметила, что была не удовлетворена результатами обращения. Полученные данные демонстрируют наличие достаточно тревожной тенденции во взаимоотношениях граждан и полиции; следует также учитывать, что неудовлетворенные сложившимися взаимоотношениями с полицейскими активно делятся своими впечатлениями в Интернете, а также в ходе межличностного общения с другими людьми. Именно так зачастую и происходит формирование негативного общественного мнения о деятельности полиции.

В ходе эмпирического социологического исследования среди жителей г. Усть-Лабинска было выявлено повышение доверия населения полиции. Однако до сих пор значительная часть населения достаточно настороженно относится к полиции. Отрицательный аспект имиджа полицейского во многом связан со спецификой его деятельности, необходимостью в ряде случаев применять силу, что не всегда имеет обоснование в глазах общественности.

Формирование имиджа для значительной доли граждан связано с успешностью личной коммуникации с представителями полиции, от эффективности оказанной помощи во многом зависит и отношение к полиции в будущем. Более позитивно население высказывалось по вопросу активного привлечения женщин в ряды полиции, поскольку в представлении граждан женщинам более свойственны веж-

ливость, исполнительность, сострадание, мягкость, женственность, также женщины менее коррумпированы. Тем не менее часть респондентов высказывали пессимизм в отношении физической способности женщин полицейских справиться с правонарушителем.

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что вполне закономерно одной из основных стратегий работы полиции в современной России является оптимизация сотрудничества с гражданами для противодействия негативному влиянию отдельных индивидов, групп, общностей на социальный порядок. Полиция является важнейшим государственным институтом, направленным на обеспечение социального благополучия граждан и общества в целом. Вместе с тем реально взаимодействует с полицейскими лишь незначительная часть населения. Однако именно от мнения этих людей зачастую зависит состояние общественного мнения о российской полиции в целом, так как в процессе межличностной и групповой коммуникации имеют место общение, обмен мнениями, в том числе и формирование мнений.

Следует также обратить внимание на роль массмедиа и Интернета в генезисе общественного мнения о деятельности российской полиции. Именно электронные медиа обладают способностью транслировать мифы, стереотипы, обладающие высокой устойчивостью на протяжении достаточно длительного периода времени. Сложившееся положение в сфере массовой коммуникации осложняется общей достаточно высокой криминализацией сознания российского общества, правовым нигилизмом. Именно поэтому художественные образы «нехороших» полицейских «удачно» накладываются на особое состояние общественного сознания, существующие социальные проблемы, что в целом препятствует формированию позитивного образа российского полицейского. Подобная ситуация в целом была верифицирована в ходе проведенного опроса жителей Усть-Лабинска – одного из городов Краснодарского края. Такой ракурс социологического анализа позволяет получить значимую информацию о состоянии общественного мнения о полиции в провинциальном российском городе.

---

1. Каспаров А.Р. *Конфликтологический потенциал в российской полиции: соционормативное измерение: дис. ... канд. социол. наук.* Краснодар, 2016.

2. Тюнь А.П. *Полиция как социальный институт в реформируемом российском обществе: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук.* Краснодар, 2018.

3. Нозль-Нойман Э. *Общественное мнение. Открытие спирали молчания.* М., 1996.

4. Левада Ю.А. *Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2001. № 3. С. 7–12.

---

1. Kasparov A.R. *Conflictological potential in the Russian police: socionormative dimension: diss. ... Candidate of Sociology.* Krasnodar, 2016.

2. Tune A.P. *Police as a social institution in the reformed Russian society: sociological analysis: diss. ... Candidate of Sociology.* Krasnodar, 2018.

3. Noel-Neumann E. *Public opinion. The opening of the spiral of silence.* Moscow, 1996.

4. Levada Yu.A. *Mechanisms and functions of public trust // Public opinion monitoring: economic and social changes.* 2001. № 3. P. 7–12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Евгений Михайлович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: sociograf@mail.ru;

Большов Виктор Борисович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета; e-mail: bolshov_v@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

E.M. Kulikov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sociograf@mail.ru;

V.B. Bolshov, Candidate of Sociology, Assistant Professor of the Chair of Sociology of the Kuban State University; e-mail: bolshov_v@mail.ru

Сальников Евгений Вячеславович

Обоснование свободы вероисповедания в философско-правовой концепции Т. Линдхольма

Излагаются основные положения концепции свободы религиозного вероисповедания современного норвежского философа Т. Линдхольма. В мультикультурном мире религии Т. Линдхольм предлагает рассматривать правовую ценность прав человека в качестве основания для определения свободы религии.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания, мультикультурализм, современная норвежская философия, философия политики и права, права человека.

Justification of freedom of worship in the law-philosophical conception of T. Lindholm

The article introduces the main provisions of the concept of freedom of worship of modern Norwegian philosopher T. Lindholm. In the multicultural world of religion, T. Lindholm proposes to rely on the legal value of human rights as a basis for the definition of freedom of worship.

Key words: freedom of conscience and worship, multiculturalism, modern Norwegian philosophy, philosophy of politics and law, human rights.

Проблема свободы совести и вероисповедания относится к числу наиболее актуальных проблем современного общества. Это исследовательское поле активно разрабатывается представителями различных отраслей гуманитарного знания – юриспруденции, религиоведения, социологии, истории и пр. [1–7]. При этом фундаментальное значение имеет философское осмысление данного вопроса, задающее горизонты исследовательского поля частных наук [8–11].

Несмотря на актуальность темы, концепции отдельных представителей современной западноевропейской философии не получили в России должного освещения. К их числу относится и творчество Т. Линдхольма, изучение которого способствует лучшему пониманию специфики подходов, складывающихся в современной западноевропейской философии политики и права.

Научные интересы Т. Линдхольма сосредоточены на разнообразии оснований для универсальных прав человека, в частности права на свободу религии или убеждений, а также на двунаправленное соотношение прав человека и религии (особенно это касается христианства и ислама). Линдхольм – автор более 125 работ по проблемам прав человека, религии и вероисповедания, соотношению права и религии в мультикультурном мире.

В работе «Философские и религиозные основания свободы религии и убеждений» концептированно изложена сущность взглядов

профессора Линдхольма. Цель работы – определить основание для аргументированной и твердой поддержки свободы совести и религии, закреплённой в различных конкурирующих нормативных обязательствах в современном мире, продемонстрировать, каким образом возможны взаимная солидарность и преодоление границ между расходящимися нормативными традициями. Исходя из этого философская, как утверждает Линдхольм, задача работы заключается в «своего рода метасодействии свободе совести и религии...» [12, с. 74].

С позиций Линдхольма, смысловое ядро проблемы существования религии в мультикультурном мире заключается в том, что религиозная свобода принимает форму всеобщего права человека на свободу совести и религии. В этой характеристике он видит отличительную черту современного бытия религии в обществе, но не ограничивается прочтением этого положения в свете принципов секулярного мира, а предлагает провести глубокий анализ представленной характеристики.

Торе Линдхольм обоснованно утверждает, что «на всем протяжении истории организованного человеческого общества свобода совести и религии была скорее исключением, чем правилом» [12, с. 79]. Принципы веротерпимости, если они и вводились правителями, оправдывались исключительно соображениями политического благоразумия. Терпимость существовала как вынужденная дань политической целесообразности в результате крупных заво-

еваний, например Кира Великого, Александра Македонского или римских полководцев. Столь же прагматичной, а потому хрупкой и неустойчивой была и веротерпимость постреформационной Европы, урегулированной нормами Вестфальского мира 1648 г. Начиная с Вестфальской системы международного сообщества были выработаны различные способы политического разрешения религиозно мотивированных конфликтов, которые применялись с крайне неодинаковым успехом. При этом, как подчеркивает Линдхольм, к серьезным нарушениям принципов свободы совести и вероисповедания приводили не только фундаменталистские идеологии, но и атеистические.

На основе краткого исторического экскурса исследователь выделяет три основные модели политической защиты религиозной свободы: модель *cuius regio, eius religio* («Кто правит, такова и религия»); модель защиты меньшинства и модель прав человека. Пальму первенства он отдает третьей модели, которую рассматривает как удовлетворительную для современного мира с его религиозным и мировоззренческим многообразием.

В рамках анализа предложенных моделей Линдхольм обращается к рассмотрению принципа свободы совести секулярного государства (его отправной точкой он считает Вестфальский мир 1648 г.), заложившего принцип: «Кто правит, такова и религия». Светское государство в этом случае руководствуется исключительно государственными соображениями и не зависит от одобрения церковного или другого религиозного или мировоззренческого авторитета. Религия выводится из пространства публичной политики, в которой начинает главенствовать принцип: «Как если бы Бог не существовал», сформулированный Г. Гроцием.

Несмотря на последующее критическое отторжение указанных принципов светского государства, Линдхольм признает, что международная защита религиозной свободы стала уникальным достижением секулярной международной модели «реальной политики». И с этих позиций Линдхольм негативно оценивает роль христианства в лице Римской католической церкви, которая долгое время противилась Вестфальской системе.

Однако же Линдхольм не считает секулярную модель свободы совести и религиозных вероисповеданий правильной. Философ говорит о том, что дискредитировавшее себя в лице Римской католической церкви христианство не должно заслонять собой тот принципиальный факт, что сами религии могут выказывать поддержку

права человека на свободу совести и вероисповедания. В истории, признает мыслитель, такие случаи встречались достаточно редко, но все же были. В качестве примеров Линдхольм приводит следующие исторические фигуры: Ашока – правитель индийской династии Мауриев (265–238 гг. до н.э.), султан Саладин (1138–1193 гг.), Балтазар Хубмайер (1485–1528 гг.) – один из лидеров анабаптистов, Роджер Уильямс (1603–1683 гг.) – кальвинист и анабаптист, мормон Джозеф Смит (1805–1844 гг.).

Хотя Линдхольм и отмечает, что приведенные примеры указывают лишь на некоторых первопроходцев религиозно обоснованного права людей на свободу вероисповедания, нельзя не отметить, что в его работе в один ряд поставлены известные лишь в узких кругах представители отдельных протестантских движений и крупные исторические фигуры. В этом со всей очевидностью выражено его убеждение в том, что центральную роль в становлении модели религиозно обоснованного права на свободу совести и вероисповеданий сыграли именно протестантские движения.

Для прояснения своей позиции по вопросу религиозно обоснованной свободы вероисповеданий Линдхольм предпринимает подробную критику светского секулярного общества. Философ рассматривает термин «секулярность» максимально широко, допуская его использование по отношению к «весьма разнообразным и часто противоречащим друг другу процессам: политической экспроприации или узурпации религиозной собственности, политическому освобождению от принудительного религиозного контроля, упадку народной веры и практики, утрате формальной или политической власти религиозными лидерами, трансформации религиозного учения, разбавляющей или углубляющей его, установлению автономных сфер общественной жизни вне контроля религиозного авторитета и уходу верующих из охраняемых резерваций для жизни в миру» [12, с. 91]. Для него светское общество, являющееся результатом секуляризации общественного строя, существовавшего до Нового времени, представляет собой радикально новый тип общества, чье качественное отличие задается глубокой и всесторонней секуляризацией, намного превышающей политико-правовые границы. В его рамках Линдхольм характеризует как эпохальное изменение установление свободной религиозности.

Философ рассматривает противоречивые положения классической теории секуляризации, присоединяясь к позиции тех, кто не при-

емлет тезис об упадке религии. Вместе с тем Линдхольм столь же критически относится и к обратной позиции, представленной немецким богословом Панненбергом, согласно которой секулярное общество виновно во всех грехах современной цивилизации, а потому надо вернуться к христианству, которое предстает «исцелением от бедствий секуляризма посредством восстановления социального единства и взаимной любезности среди христиан» [12, с. 96] – позиция, достаточно распространенная в наши дни.

В целом признавая ряд справедливых аспектов критики секуляризма, Линдхольм предстает принципиальным противником предлагаемого лечения. Философ видит в возврате религии в публичное пространство закономерность социальной жизни. Он убежден, что подобному возвращению не только не нужно препятствовать, но, напротив, следует его желать. При этом «ключевым вопросом в связи с вступлением религии и мировоззрений в политическое пространство секулярного и плюралистического общества является их “послужной список” по отношению к демократии и правам человека и в особенности принципиальная поддержка ими всеобщего права на свободу религии и убеждений» [12, с. 100].

Для мыслителя категорически неприемлем вариант ответа на возврат религии, формируемый светским государством в рамках политики веротерпимости. «По своей сути, – пишет Линдхольм, – веротерпимость представляет собой просто благоразумную готовность мириться с другими убеждениями» [12, с. 101].

Другим вариантом политического ответа на вызовы возврата религии в публичное пространство мыслитель полагает политику жесткой светскости, недостатком которой, по его мнению, выступает то, что религиозный нейтралитет и антирелигиозный рационализм насаждаются там столь же жестко, как и противостоящее им фундаменталистское религиозное господство.

Перспективным представляется лишь третий вариант, в рамках которого вернувшаяся в публичное пространство религия обретает себя во внутри- и межрелигиозном дискурсе. Здесь сохраняются религиозное многообразие, противостояние и разногласия, но базисом дискурса религий выступает принципиальное положение о том, что все религии поддерживают «общественное учение о равном неотъемлемом достоинстве и неотчуждаемой свободе всех людей независимо от их религии, мировоззрения или любых иных различий» [12, с. 102].

Таким образом, социальное единство и гражданский мир в современном обществе, по мнению Линдхольма, должны быть решительно плюралистическими и основанными на публичных принципах, которые объемлют доктринально более или менее несовместимые и институционально более или менее конкурирующие религии, деноминации, мировоззрения. Основанием такого дискурса выступает предлагаемая Линдхольмом концепция пересекающихся обоснований.

Согласно этой концепции «пересекающееся обоснование права человека на свободу религии и убеждений полностью реализуется в той степени, в какой компетентные и серьезные приверженцы каждого из комплексов конкурирующих религиозных традиций рационально придерживаются того, что данное универсально применимое право человека прочно поддерживается каждой из отдельных нормативных традиций в этом комплексе; иными словами, они рационально придерживаются суждения, что это право обосновано в рамках каждой конкретной системы убеждений, включая их собственную» [12, с. 108]. При этом «пересекающееся обоснование права человека на свободу религии и убеждений не реализуется даже на минимальном пороговом уровне, если представительные последователи каждого из комплексов конкурирующих религиозной или мировоззренческой традиций рационально не придерживаются того, что это универсально применимое право человека прочно поддерживается в их собственном учении, и не имеют достаточно доверия тому, что другие нормативные традиции в этом комплексе придерживаются обоснований, которые подобным же образом обязывают их приверженцев» [12, с. 109].

По мысли философа, пересекающееся обоснование позволит совместить публичность религии, ее многообразие с подлинным правом человека на свободу совести и вероисповедания без неминуемых издержек секуляризма или опасностей фундаментализма. Более того только такой подход позволяет, по мысли Линдхольма, разрешить две фундаментальные дилеммы современных обоснований права на свободу религии и вероисповедания, а именно обеспечить взаимное уважение, невзирая на фундаментальные различия и допущение множества рациональных обоснований религиозной свободы.

В результате, как полагает Линдхольм, понимание свободы религии и вероисповедания на основе пересекающихся обоснований позволит достичь «более глубокого уровня уважения

в строго плюралистическом мире, чем терпимость, светскость или экуменическое нивелирование» [12, с. 113].

Проводя критический анализ позиции норвежского мыслителя, нельзя не отметить, что принципиальные границы его концепции задает позитивное восприятие философии. Работа обещает философское обоснование свободы религии, но речь идет, по сути, об обосновании свободы религии в свете вопроса о правах человека, что и заявляется в цели работы, тогда как вопрос о самих правах человека, прежде всего в антропологическом и социально-философском ракурсе, остается нерешенным.

Уже на первых страницах Линдхольм признает, что содержание, охват и пределы прав человека остаются спорными, и принципиально отстраняется от споров об их содержании, но в дальнейшем он все же достаточно произвольно рассматривает это содержание. В своем произведении философ говорит о публично признанных и укоренившихся правах человека, о том, что «права человека вытекают из универсального общественного обязательства уважать достоинство каждого человека» [12, с. 106], из чего следует, что различные, но пересекающиеся обоснования одинаково поддерживают понятие человеческого достоинства.

Сами обоснования также позитивны. Линдхольм пишет: «Разумное обоснование должно быть холистическим и фаллибилистическим; мы имеем полные основания принимать только то, что лучше всего укладывается в полноту нашего знания, ценностей, убеждений и взглядов» [12, с. 107]. По своей сути пересекающиеся обоснования и методологический анархизм К. Поппера оказываются если не родными, то как минимум двоюродными братьями, одинаково отрицающими истину, но одинаково предполагающими ее в нашем случае в качестве человеческого достоинства как безусловного основания прав человека.

Отсюда абсолютно неслучайным представляется положение, которым Линдхольм завершает свою работу: «Межрелигиозное несогласие об основаниях нашей приверженности свободе совести и религии, равно как и другие несогласия, которые мы можем рассматривать и обсуждать, несмотря на разделяющие нас религии и убеждения, уже не будет для нас минным полем, если мы все будем ощущать, на фоне наших конкурирующих внутренних обоснований, глубокую приверженность публичным принципам прав человека на религиозную свободу» [12, с. 121], и столь же неслучайными представляются и сомнения в его реальной осуществимости.

1. Бурьянов С.А. Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации. М., 2009.

2. Горохова В.В., Горохова И.В. Проблемы обеспечения свободы совести и вероисповедания при реализации законодательства Российской Федерации // *Вестн. экономической безопасности*. 2015. № 5. С. 30–34.

3. Ерофеев К.Б. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»: некоторые уроки правоприменительной практики // *Юридическая наука: история и современность*. 2015. № 8. С. 96–103.

4. Никитина Е.Е. Свобода совести: теория и практика ограничений прав в Российской Федерации // *Журн. рос. права*. 2013. № 12(204). С. 65–74.

5. Пономарева Н.В. Свобода совести и свобода вероисповедания как политико-правовые категории // *Юрист-Правоведъ*. 2008. № 4. С. 126–129.

6. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

1. Buryanov S.A. *Realization of constitutional freedom of conscience and freedom of worship in the Russian Federation*. Moscow, 2009.

2. Gorokhova V.V., Gorokhova I.V. *Problems of ensuring the freedom of conscience and worship in the implementation of the legislation of the Russian Federation* // *Bull. of economic security*. 2015. № 5. P. 30–34.

3. Erofeev K.B. *Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations»: some lessons from law enforcement practice* // *Legal science: history and modernity*. 2015. № 8. P. 96–103.

4. Nikitina E.E. *Freedom of conscience: theory and practice of restricted rights in the Russian Federation* // *Journal of the Russian law*. 2013. № 12(204). P. 65–74.

5. Ponomareva N.V. *Freedom of conscience and freedom of worship as political and legal categories* // *Lawyer*. 2008. № 4. P. 126–129.

6. Pchelintsev A.V. *Freedom of worship and religious associations in the Russian Federation (constitutional legal research): auth. abstr. ... Dr of Law*. Moscow, 2012.

7. Romanovskaya L.R. *Freedom of conscience: the evolution of the institute* // *Eurasian juridical journal*. 2014. № 8(75). P. 111–113.

7. Романовская Л.Р. Свобода совести: эволюция института // *Евразийский юридический журн.* 2014. № 8(75). С. 111–113.

8. Исаева К.М. Конституционный принцип идеологического многообразия в соотношении с политическим плюрализмом и свободой вероисповедания // *Закон и право.* 2010. № 8. С. 21–23.

9. Кулакова Ю.Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // *Закон и право.* 2014. № 11. С. 32–36.

10. Скиданова А.Е., Кошелев Е.В. Проблема соотношения правовых категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Российской Федерации // *Психопедагогика в правоохранительных органах.* 2018. № 3(74). С. 100–102.

11. Тихонова Е.В. Место и роль института свободы совести и свободы вероисповедания в системе прав и свобод личности // *Право и образование.* 2006. № 3. С. 218–223.

12. Линдхольм Т. *Философские и религиозные основания свободы религии и убеждений // Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести).* М., 2010.

8. Isaeva K.M. *The constitutional principle of ideological diversity in relation to political pluralism and freedom of worship // Law and legislation.* 2010. № 8. P. 21–23.

9. Kulakova Yu.Yu. *Freedom of conscience and religion. The problem of religious security in modern Russia // Law and legislation.* 2014. № 11. P. 32–36.

10. Skidanova A.E., Koshelev E.V. *The problem of the relationship between the legal categories of «freedom of conscience» and «freedom of worship» in the Russian Federation // Psychopedagogy in law enforcement.* 2018. № 3(74). P. 100–102.

11. Tikhonova E.V. *Place and role of the institution of freedom of conscience and freedom of worship in the system of rights and freedoms of the individual // Law and education.* 2006. № 3. P. 218–223.

12. Lindholm T. *Philosophical and religious foundations of freedom of worship and belief // Freedom of worship and belief: basic principles (philosophy, legislation, protection of freedom of conscience).* Moscow, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сальников Евгений Вячеславович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова; e-mail: Esalnikov2005@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

E.V. Salnikov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Social and Philosophical Disciplines of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Esalnikov2005@yandex.ru

---

Проблема функциональной и жанровой стратификации в юридическом дискурсе

Рассматривается соотношение социальной деятельности и ее языкового аспекта в области юридической деятельности. Работа носит аналитический характер и включает в себя общее отражение концепции стратификации языка с переносом основных ее положений на сферу правовой практики. В ней отражается функциональный аспект определенности юридического дискурса, раскрывается его жанровое многообразие. При этом проблема языковой стратификации трактуется двояко: как непосредственно вопрос о языковых характеристиках работников юридической сферы и как лингвистический аспект формирования компетенции в правовой сфере.

Ключевые слова: юридический дискурс, язык, социальная стратификация языка, речевые жанры, социальные функции.

Problem of functional and genre stratification in a legal discourse

The article is devoted to consideration of correlation of social activity and its language aspect in the field of legal activity. Work has analytical character and includes the general reflection of the concept of stratification of language, with the transfer of its main provisions to the sphere of legal practice. The functional aspect of definiteness of a legal discourse is reflected, its genre variety reveals. At the same time the problem of language stratification within work is treated doubly: as directly question of language characteristics of workers of the legal sphere and as linguistic aspect of formation of competence of the legal sphere.

Key words: legal discourse, language, social stratification language, speech genres, social engagement.

Понимание специфики языка имеет важное значение для анализа социальной деятельности. В этом плане знания из области лингвистики имеют чрезвычайную значимость в юридической сфере, поскольку корректное выражение на понятийном уровне нормативной сферы, а также однозначное определение конкретных правовых явлений и процессов являются необходимыми в правовой практике [1]. Соответственно, актуализируется вопрос о лингвистической культуре носителей правовой деятельности. Настоящая статья посвящена аналитическому рассмотрению специфики соотношения языка и социальной практики юридической деятельности. При этом приоритетное значение имеет определение требований, налагаемых на носителей правовой активности и связанных с характером их языка.

Уже давно вопрос о взаимосвязи между языком и социальными характеристиками его носителей является объектом социогуманитарных исследований [2]. И здесь следует отметить, что язык представляет собой не просто символическую форму выражения смыслов, уже доступных субъекту познания. Содержание языка определяет те смыслы, которыми оперируют его носители, в связи с чем в зависимости от специфики языковых форм меняются отношение к окружающей действительности и точность выражения отдельных явлений.

Иными словами, успешность познавательной активности, равно как и передачи смыслов другим членам общества, во многом зависит от того, какие языковые формы применяются. Справедливо и то, что от характера применяемых лексических единиц зависит не только полнота выражения явления, но и чистота его отражения: в частности, можно констатировать помимо прямого указания на отдельные явления или состояния также наличие таких языковых форм, которые, кроме указания на объект, содержат в себе отражение оценочного отношения к нему.

В этом плане характеристика применяемых языковых форм может быть одновременно рассмотрена в качестве характеристики их носителей. Возможности языка различны в зависимости от его содержания, однако это соотношение применимо и к носителям языка: чем более точными и емкими являются применяемые языковые формы, тем более ясным, структурированным является мышление человека, что задает дополнительные возможности по оперированию смыслами. Справедливо и обратное: если язык засорен, неточен, обладает дополнительной, не отвечающей объекту выражения смысловой нагрузкой, сложно судить о его носителях как о членах общества, обладающих высокоточным мышлением, способствующим проникновению в суть явлений и процессов. Помимо соотнесен-

ности языка с процессом социального познания нельзя не отметить важность культурного аспекта применения конкретных языковых форм: в данном случае можно выделить носителей языка по критерию характера их отношения к различным срезам культуры, что предполагает не просто соответствие или несоответствие требованиям этикета, но также характеризует спелцифику ценностных ориентаций, уровень образования и т.д.

Обозначенное проблемное поле в современной науке все чаще соотносится с содержательной стороной дискурсивных практик. По мнению современных исследователей, неопределенность понятия «дискурс» не свидетельствует об отсутствии целостного понимания его сущности. Однако дискурс диалектичен, изменчив. Он развивается, приобретает новые смыслы, и этот процесс принципиально незавершен, поскольку развитие дискурсивных практик есть отражение социального потенциала к саморазвитию и эволюции. Несмотря на сложности, связанные с определением понятия «дискурс», существуют вполне обоснованные авторские позиции, позволяющие функционально, описательно, в некотором смысле интуитивно обозначить его содержание. Так, по мнению О.В. Косоноговой, «дискурс, как уже отмечалось, очерчивает границы коммуникативной и познавательной деятельности человека:

ментальные границы: дискурс выступает как «предзаданный способ мышления» (по М. Фуко) и устанавливает степень значимости, целесобразности, важности того или иного высказывания относительно всей системы;

методологические границы: охватываются все возможности для (не) появления альтернативных, конкурирующих «чужих» идей и смыслов;

содержательные границы: одни тексты/смыслы/понятия притягиваются в рамочное пространство дискурса как тематически близкие, «свои»; другие – исключаются как нерелевантные, несходные, «чужие» и уже упомянутые лингвистические границы» [3].

И.В. Палашевская отмечает функциональный и социально-ролевой аспект юридического дискурса, выходя на совершенно иные, интуитивно понятные аспекты осуществления некоторых дискурсивных практик. По мнению автора, «не все знание обязательно должно быть артикулировано или закодировано. Передача отдельных видов знания требует общения лицом к лицу, непосредственного взаимодействия, когда смысл понимается из его контекста. Известно, что со временем сотрудники, работающие вместе в одной команде (например, оперативные сотрудники правоохранительных органов), вырабатывают скрытое, «молчали-

вое» знание, которое сложно выразить словами» [4]. По мнению автора, невербальная специфика содержания дискурсивных практик дает возможность общения «без слов» в ситуациях институциональной коммуникации. Здесь автор делает очень важное замечание: «Существование неявного знания является преимуществом любого институционального сообщества. Ведь то, что может быть изложено на бумаге, поддается имитации, копированию и стремительному распространению. Транслируемые смыслы являются координирующей основой действий внутри институционального мира. Они становятся очевидными в часто воспроизводимых ситуациях формализованного общения и являются частью культурных сценариев, усвоенных представителями данного коммуникативного сообщества. Например, понять, какие смыслы участники дискурса вкладывают в такие концепты, как «подозрительная личность», «разумное подозрение» (reasonable suspicion), и почему они поступают определенным образом, можно, лишь исследовав различные повторяющиеся ситуации институционального общения и «само собой разумеющиеся» правила, на основе которых эти ситуации строятся» [4]. В своей публикации, посвященной исследованию функциональной стороны дискурса, И.В. Палашевская аргументированно доказывает, что любое институциональное действие является ситуативно обусловленным и представлено в дискурсивном пространстве.

На уровне современного гуманитарного знания соответствие между характеристиками применяемых языковых форм и социальной определенностью их носителей получило выражение в концепции стратификации языка [5]. Рассмотрим подробнее, в чем состоит специфика языковой стратификации. Социальная определенность человека задает не только характер выполняемых ролей, но также и область коммуникации, иными словами, тот круг общения, в рамках которого осуществляется взаимодействие человека с другими участниками общественных отношений. В этом плане серьезное значение имеет то, в какой среде родился и вырос человек, каково было его социальное окружение на момент получения образования и т.д. В зависимости от того, в какой среде человек проходил основные стадии социального развития, языковые формы, которыми он владеет, могут варьироваться. В соответствии с этим принято подразделять носителей языка по критериям территориального отношения (носители диалектов и носители общих языковых форм), уровня приобщения к культуре общения (литературный язык и просторечные выражения, зачастую жаргонизмы),

профессиональной принадлежности (что определяется наличием в речи специфической терминологии, относящейся к профессиональной сфере, в которую вовлечен носитель языка) [6]. В этом плане классическим является выделение следующих типов языка и, соответственно, категорий его носителей:

- литературный язык;
- просторечие;
- жаргонизмы;
- территориальные диалекты;
- профессиональная терминология.

Литературный язык представляет собой высшую форму развития языка, формирующуюся в тех обществах, где помимо устной речи распространена также и письменная речь. Для литературного языка характерны наддиалектность, высокая степень обработанности, полифункциональность, стилистическое и жанровое многообразие, тенденция к регламентации. Говоря о литературной речи, мы подразумеваем правильное употребление языковых форм, свободное от жаргонизмов и диалектизмов, просторечных выражений и т.д. Применение литературного языка в речи свидетельствует о высоком уровне культурного развития и образованности носителя речевой активности.

Просторечие как языковая форма представляет собой разновидность языка, генетически относящуюся к речевым оборотам, применяемым представителями низших сословий в до-революционной России, в дальнейшем – речевой срез, наиболее характерный для выходцев из сельской местности.

Территориальные диалекты в сравнении с литературной речью характеризуются различиями в языковых формах, связанными со спецификой словоупотребления в конкретных регионах. В данном случае помимо характеристик говора наличие диалектизмов указывает на происхождение человека, его этносоциальную принадлежность.

Что касается жаргонизмов, следует отметить, что в отличие от диалектизмов, характеризующих, в первую очередь, происхождение употребляющего их человека, жаргонизмы характеризуют его социальную принадлежность, поскольку жаргон представляет собой совокупность речевых единиц, сформировавшуюся в конкретной социальной среде (например, можно выделить «воровской» жаргон, водительский жаргон, жаргонизмы, относящиеся к медицинской, военной и иным сферам деятельности). Применение жаргона свидетельствует о социальной принадлежности человека или его ближайшем социальном окружении.

Что касается профессиональной терминологии, речь идет (в отличие от профессионального жаргона) об общепринятых, официальных

терминах, относящихся к конкретной профессиональной сфере.

Понятие языковой стратификации применяется преимущественно для определения социальных характеристик человека по критерию применяемых им лексических форм. Вместе с тем справедливо суждение о том, что принципы языковой стратификации могут быть рассмотрены в императивном значении, иными словами, определять нормы общения, соответствующие конкретному социальному статусу, т.е. необходимые в рамках выполнения конкретной социальной функции. В этом плане, обращаясь к вопросу о специфике языка, применяемого в юридической практике, следует отметить, что, с одной стороны, речь идет о приоритете применения общепринятой литературной речи, с другой – о наличии специфических вкраплений, связанных с необходимостью применения специальной юридической терминологии [7]. Таким образом, мы приходим к вопросу о функциональном аспекте языковой стратификации, связанном с выполнением конкретной социальной деятельности.

Например, очевидно, что применение жаргонизмов, просторечных выражений или диалектизмов неприемлемо как с точки зрения официального статуса юридического дискурса, так и в плане необходимости четкого, ясного, однозначного выражения смысла. Немаловажно в данном случае и то, что правовая деятельность предполагает юридическое закрепление отдельных решений, отношений, обязательств и т.д., что требует их четкого, корректного выражения.

Следует отдельно отметить, что характер языка носителей правовой активности определяется не только по рассмотренным выше критериям языковой стратификации, но также и с точки зрения стилиевой и жанровой определенности речи. В этом плане преимущественным является официально-деловой стиль, хотя в отдельных ситуациях (например, в рамках произнесения речи адвокатом) допускается применение публицистического стиля (что во многом связано со спецификой адресата речевого сообщения, в качестве которого на суде выступают присяжные заседатели). При этом, говоря о жанровой определенности юридического дискурса, мы опираемся на введенный М.М. Бахтиным принцип многообразия речевых жанров в зависимости от функции или цели, которую преследует речевое сообщение, а также целевой аудитории [8]. Юридический дискурс допускает возможность формирования сложных жанровых конструкций, относящихся сразу к нескольким различным типам речевых жанров (первичные, вторичные, диалогические, монологические и т.д.). Ключевое

значение в данном случае имеет то, что юридически дискурс регламентирован целевыми функциональными установками правового процесса, что определяет серьезные требования к носителям правовых функций, связанные с чистотой, емкостью, точностью речи, логичностью выстраиваемых смысловых конструк-

ций, минимизацией эмоционально-оценочного аспекта (за исключением отдельных случаев адвокатской или прокурорской практики) [3]. Понимание данного аспекта должно учитываться в рамках оценки профессиональной пригодности носителей юридической деятельности, их соответствия выбранной профессии.

1. Костромичева М.В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права // *Политика и право*. 2011. № 3. С. 57–61.

2. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // *Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2006. С. 168–185.*

3. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // *ИСОМ*. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-yuridicheskogo-diskursa-granitsy-soderzhanie-parametry> (дата обращения: 13.02.2019).

4. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // *Изв. Самар. науч. центра РАН*. 2010. № 5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-yuridicheskogo-diskursa-i-deystviya-ego-uchastnikov> (дата обращения: 13.02.2019).

5. Картер Е.В. Социальная стратификация языка в речевой репрезентации элитарной языковой личности: на материале современной русской прозы: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007.

6. Трофимова Е.Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальные исследования: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

7. Гуренко Д.В., Гаврицкий А.В. Язык права в контексте профессиональной юридической деятельности: теоретико-методологические аспекты // *Философия права*. 2007. № 3.

8. Рабенко Т.Г. Проблема речевых жанров первичности/вторичности в контексте современной лингвистики // *Сибирский филол. журн*. 2017. № 2.

1. Kostromicheva M.V. Legal linguistics: to the question of the relationship between language and law // *Politics and law*. 2011. № 3. P. 57–61.

2. Golev N.D., Matveeva O.N. Linguistic expertise: at the crossroads of language and law // *Legal studies-7: Language as a phenomenon of legal communication: intercollegiate coll. of sci. papers / ed. by N.D. Golev. Barnaul, 2006. P. 168–185.*

3. Kosonogova O.V. Characteristics of legal discourse: boundaries, content, parameters // *ISOM*. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-yuridicheskogo-diskursa-granitsy-soderzhanie-parametry> (date of access: 13.02.2019).

4. Palashevskaya I.V. Functions of legal discourse and actions of its participants // *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2010. № 5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-yuridicheskogo-diskursa-i-deystviya-ego-uchastnikov> (date of access: 13.02.2019).

5. Karter E.V. Social stratification of language in speech representation of an elite linguistic personality: on the material of modern Russian prose: diss. ... Candidate of Philology. Cherepovets, 2007.

6. Trofimova E.B. Language stratification: theoretical and experimental studies: diss. ... Dr of Philology. Moscow, 1997.

7. Gurenko D.V., Gavritsky A.V. Language of Law in the context of professional legal activity: theoretical and methodological aspects // *Philosophy of law*. 2007. № 3.

8. Rabenko T.G. The problem of recurring genre primary/secondary in the context of modern linguistics // *Siberian journal of philology*. 2017. № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кунина Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России; e-mail: J_kunina@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.N. Kunina, Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: J_kunina@mail.ru

Когнитивно-коммуникативный анализ аутентичных текстов судебной практики США

Затрагиваются вопросы анализа функционально организованных единиц текста как целостной совокупности, репрезентирующей его пропозициональные функции. Коммуникативное строение текста рассматривается через конкретизацию его пропозициональных функций посредством системы прагматических полей.

Ключевые слова: текст, коммуникация, глагол, судебная практика, когниция.

Cognitive-communicative analysis of authentic texts of American judicial practice

This article deals with the research points of the functionally arranged units of a text as a comprehensive whole, representing its propositional functions. Analysis of the communicative structure of the text is developed through specification of its propositional functions by means of the system of pragmatic fields.

Key words: text, communication, verb, judicial practice, cognition.

Необходимость передачи неочевидной информации от человека к человеку послужила стимулом к созданию новой коммуникативной системы – естественного языка, который структурирует повседневный практический опыт своими семантическими и грамматическими средствами. Восприятие объектов окружающего мира через практический опыт всегда происходит на фоне какого-либо события или состояния. «Где находятся эти предметы? Что с ними происходит? Как они взаимодействуют друг с другом? И как они взаимодействуют с нами? Что мы можем с ними делать?» [1, с. 114]. Человеческое поведение и поступки рассматриваются как потенциальный текст, как фрагмент общения, который должен быть информационно полноценным и цельным [2]. Анализируемый корпус текстов (около 100 страниц) – Slip Opinion (обнародование или неофициальное (предварительное) опубликование [судебного решения]) относится к узкой предметной области «юриспруденция» и институциональному типу общения. Каждое Slip Opinion оказывается совокупностью знаний и мнений, суждений и оценок, характеризующих описываемое событие (правовой вопрос) прежде всего по тому, как в них представляется жизненный опыт людей по осмыслению и познанию мира в типичной речеповеденческой ситуации. В этой ситуации осуществляется взаимодействие между людьми через структурированное коммуникативное поведение, регулируемое законодательной системой. Основой этого поведения является статусно-ориентированное общение [3, с. 204], которое

воспринимается в контексте связанных типичных референтных ситуаций, представленных в виде сложных ментальных репрезентаций в когнитивных системах коммуникантов, которые реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик как представители определенной группы людей (уполномоченных судебной власти). Системообразующим признаком такого общения является статусная, представительская функция его участников [3, с. 203, 204].

Исследователи отмечают, «что центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том смысле, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составить достаточно объемный словарь» [3, с. 195]. Из-за субъективности человеческого опыта концепты не могут характеризоваться четкими границами репрезентации в сознании человека и поэтому могут быть вербализованы с помощью разных языковых средств. Словесные формы и средства языка, которые автор выбирает для построения своего общения, служат своего рода «кирпичиками смысла» [4, с. 89], которые он организует так, чтобы их значения интерпретировались относительно друг друга и относительно обозначаемой ими реальности. Совокупность знаков благодаря открытому характеру лексики порождает добавочный смысл, что позволяет переработать новую информацию в соответствии с поставленной задачей на базе уже хранящейся информации в сознании инди-

видума. При описании каждая типовая ситуация соотносится с конкретными референтами и тем самым включается в единый контекст, связанный с такими же контекстами других ситуаций, становится реальным речевым производением [4, с. 89; 5, с. 107].

Человеческий язык является эффективным средством противостояния информационному хаосу, который постоянно атакует нас, – средством, дающим возможность строить и организовывать сложные коммуникационные сигналы, обеспечивать мышление. Язык, осуществляя номинацию ментальных репрезентаций, «объективизирует» индивидуальный опыт и в определенной мере обеспечивает описание мира. Назвать вещь – значит принять ее в каких-то существенных конвенциональных отношениях, характерных для социума. Согласно А.С. Шишкову все слова делятся на «видимые вещи», т.е. «постигаемые чувствами» (take, give, beat), и другие – «невидимые, постигаемые разумом» (allow, decide, interpret). Основные значения слов первого типа совпадают в разных языках, и круг их референтов практически один и тот же. Их значения универсальны для всех языков и представляют собой общечеловеческие базовые концепты. Значения этих слов как бы непосредственно направлены на явления действительности и окружающее их общественное понимание. «Значения слов второго типа различаются от языка к языку, и круги их референтов в разных языках не совпадают» [6, с. 35, 36]. Значения этих слов абстрактны, не связаны с конкретными действиями или состояниями. В их семантике преобладают обобщения довольно высокого уровня и отрыв от материальных признаков, поэтому «они требуют особого описания стоящих за ними когнитивных структур (структур знания и оценки мира)» [5, с. 148]. Эти слова обозначают не наглядное, а общие связи и отношения вещей, которые человек познает, анализируя уже образованные понятия путем умозаключений и рассуждений, углубляя свои знания. Большинство исследуемых глаголов, выписанных из корпуса текстов, относятся ко второй группе. Более того, языковые знаки, включая слова, становясь единицами текста, приобретают дополнительные семантические функции, нередко выходящие за рамки традиционно закрепленных за ними в языковой системе. В смысловой ткани текста актуализируются их дополнительные значения, коннотативные и ассоциативные возможности. Характеристики языковых единиц

становятся более гибкими, а их восприятие – менее автоматизированным. В силу своей полифункциональности языковые средства могут участвовать в выражении различных категорий текста [7, с. 19]. Перед исследователем стояла задача распределить их по тематическим группам, но это вызвало большие затруднения, так как познание бесконечно и количество связей и отношений тоже велико. Поэтому была построена априорная схема, в общих чертах описывающая содержание корпуса текстов. Этот шаг продиктован сущностью и спецификой восприятия человеческим мозгом информации, в частности опосредованной естественным языком. Будучи культурным феноменом, базирующимся на генетически обусловленных алгоритмах, он соединяет объекты реального мира, используя конвенциональные семиотические механизмы.

Благодаря конвенциональному характеру номинации между носителями языка существует своего рода договоренность о том, в какие «ячейки» упаковывать свои ощущения, что позволяет обеспечивать успешный обмен информацией. «Очевидно, что мозг имеет дело с какими-то сформировавшимися в процессе естественного отбора и специализированного обучения списками, с одной стороны, и с другой – с наборами разнообразных правил» [8, с. 54]. Под такими правилами, часть из которых являются врожденными, понимаются специфические алгоритмы, обеспечивающие языковые процедуры. Одним из таких правил, вероятно, является способность к выявлению аналогии и поиску сходства между явлениями действительности. Благодаря этому человеческий мозг объединяет индивидуальные черты явлений в классы, что дает возможность построения семантических репрезентаций, необходимых для осуществления успешной коммуникации [8, с. 327, 349]. Исходя из этого, был осуществлен анализ информационно-смысловой структуры корпуса текстов, в результате которого смысл этих текстов был разбит на четыре тематические субъединицы:

1. Описание ситуации до подачи жалобы, включая решения нижестоящих судов в предмет обсуждения. – Context analysis before petition.

«Respondent Marvel Entertainment's corporate predecessor agreed to purchase petitioner Stephen Kimble's patent for a Spider-Man toy in exchange for a lump sum plus a 3% royalty on future sales. The agreement set no end date

for royalties. As the patent neared the end of its statutory 20-year term, Marvel discovered *Brulotte v. Thys Co.*, 379 U.S. 29, in which this Court held that a patentee cannot continue to receive royalties for sales made after his patent expires. Marvel then sought a declaratory judgment in federal district court confirming that it could stop paying Kimble royalties. The district court granted relief, and the Ninth Circuit affirmed. Kimble now asks this Court to overrule *Brulotte*» (Slip Opinion № 13-720:1) [9].

2. Представление противоречий как «проблемного ядра» [10, с. 127], которое является основным предметом обсуждения. – *Over view of contradictions*.

«Held: *Stare decisis* requires this Court to adhere to *Brulotte*. Pp. 3–18. (a) A patent typically expires 20 years from its application date. 35 U. S. C. §154(a)(2). At that point, the unrestricted right to make or use the article passes to the public. See *Sears, Roebuck & Co. v. Stiffel Co.*, 376 U. S. 225, 230. This Court has carefully guarded the significance of that expiration date, declining to enforce laws and contracts that restrict free public access to formerly patented, as well as unpatentable, inventions. See, e.g., *id.*, at 230–233; *Scott Paper Co. v. Marcalus Mfg. Co.*, 326 U. S. 249, 255–256» (Slip Opinion № 13-720:1) [9].

3. Анализ пробелов или неоднозначности толкования закона и последствий в виде характеристик обстоятельств дела и участников (фигурантов), словесных образов, создающих общее эмоциональное и этическое отношение к проблеме. – *Ambiguous interpretation of law and consequences*.

«Thus, if an officer's Taser goes off by accident or if an officer unintentionally trips and falls on a detainee, causing him harm, the pretrial detainee cannot prevail on an excessive force claim. But if the use of force is deliberate –i.e., purposeful or knowing – the pretrial detainee's claim may proceed. In the context of a police pursuit of a suspect the Court noted, though with out so holding, that recklessness in some cases might suffice as a standard for imposing liability. See *Lewis, supra*, at 849. Whether that standard might suffice for liability in the case of an alleged mistreatment of a pretrial detainee need not be decided here; for the officers do not dispute that they acted purposefully or knowingly with respect to the force they used against *Kingsley*» (Slip Opinion №14-6368:6) [11].

4. Мнение и выводы, цель которых состоит в нахождении и обосновании отношения фак-

та к классу фактов, которые приведены в соответствии с юридическим истолкованием и оценкой. – *Opinion and conclusions*.

«What we can decide, we can undecide. But *stare decisis* teaches that we should exercise that authority sparingly. Cf. *S. Lee and S. Ditko, Amazing Fantasy No. 15: "Spider-Man,"* p. 13 (1962) (“[I]n this world, with great power there must also come—great responsibility”). Finding many reasons for staying the *stare decisis* course and no “special justification” for departing from it, we decline *Kimble's* invitation to overrule *Brulotte*. For the reasons stated, the judgment of the Court of Appeals is affirmed. It is so ordered...» (Slip Opinion № 13-720:18) [9].

Эта схема делит логическое пространство исследуемых текстов на тематические группы, которые в общих чертах отражают упорядоченность лексического состава выписанных глаголов. Это позволяет редуцировать значения глаголов до рамок определенной материальной ситуации, которая определяется интенцией коммуникантов в границах единой тематической организации корпуса текстов. Поэтому на начальном этапе выделенные дескрипторные ячейки создаются на основе ассоциативных связей, которые отражают индивидуальный и социальный опыт среднего носителя языка и являются необходимой предпосылкой для существования семантической связи [12, с. 170]. В процессе продвижения от абстрактного к конкретному происходит деление на более мелкие группы (поля) и усложняется задача, так как «восприятие целого первично к восприятию частей» [13, с. 306]. Усложняется внутренняя организация схемы и увеличивается количество связей. Любая сущность проста, пока она не имеет внутренней организации. Как только «она становится частью целого, внутри которого она имеет некоторые связи с другими сущностями, она становится частью системы. Сложность – это свойство систем, обладающих внутренней организацией» [1, с. 89]. В рамках этой системы отдельные компоненты (поля или лексические единицы) могут иметь связи с системой как целым и с ее отдельными подсистемами или друг с другом. Применение семантико-логического способа организации единиц внутри данных полей и между полями возможно благодаря явлению обратимости [12]. Обратимость определяет направленность от ядра к единицам поля и наоборот, от одного поля к другому «сверху вниз» и обратно так, чтобы значения интерпретиро-

вались относительно друг друга и относительно обозначаемых ими феноменов реального мира. Сила направленности от ядра к периферии, «сверху вниз» сильнее, чем от периферии к ядру и от поля к полю «снизу вверх», тем не менее семантико-логическая связь представляет собой то универсальное средство, которое в одинаковой мере релевантно и для внутренней и для внешней систематизации полей. Например, дескрипторная ячейка «Описание ситуации до подачи жалобы (Context analysis before petition)» делится на четыре подгруппы (поля) «take a word for a problem (взять слово, чтобы описать, представить)» – to achieve, order affaire, complain, last, restrict, permit, recognize, present; «pose a risk (представлять угрозу)» – harm economy, suppress innovation, make business arrangements, refrain, turnover; «commercialize» (превращать в источник прибыли) – use of a patent, accomplish payments, purchase; «play (играть)» – to role play, shootwebs, want, imitate. Следует отметить, что две последние группы: «commercialize» и «play» – являются самыми «изменчивыми» полями, так как описывают конкретные действия или события, которые в каждом деле разные. В результате измерения лексики в виде классификационной схемы был построен фрейм системы текстов, описывающих процедуру вынесения судебного решения в Верховном

суде США. Данный ментально-лингвистический фрейм представляет собой вертикальную макроструктуру, логико-семантическая соотнесенность которой воплощается в виде некоторого глобального единства взаимосвязанных и взаимозависимых полей глаголов. Взаимозависимость и взаимосвязь полей выражается и в том, что логико-семантическая граница между ними подвижная, существует как бы в «пунктирной» форме. Единицы одного семантического поля могут перемещаться в другое поле по определенным семантическим значениям, не нарушая целостности всей макроструктуры. Макроструктура имеет динамический характер благодаря тому, что не полностью, а многовариантно манифестируется в реальных текстах.

Мы можем предположить, что в процессе прочтения и понимания корпуса текстов, объединенных одной темой, сознание читателя создает ментально-лингвистический фрейм, который в общих чертах «замещает» определенную целостность в нашем сознании и представляет собой вероятную стереотипную репрезентацию, активируемую при производстве текстов, описывающих данный вид деятельности. В процессе речетворческой деятельности исходная мысль-пропозиция разворачивается в текст, описывающий типовую ситуацию через организованную систему семантических отношений ключевых слов (глаголов).

1. Гивон Т. *Сложность и развитие // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М., 2015. С. 89–122.*

2. Бахтин М.М. *Проблема текста. <Заметки 1959–1961 гг.> // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.*

3. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.*

4. Казаченко О.В. *Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8(27). Ч. 2. С. 88–90.*

5. Кубрякова Е.С. *В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М., 2012.*

6. Шишков А.С. *Рассуждения о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1803; 2-е изд., испр. М., 2010.*

7. Новосельцева В.А. *Концептуализация времени в русской фразеологии и художественных текстах (на материале произведе-*

1. Givon T. *Complexity and development // Language and thought: Contemporary cognitive linguistics / comp. by A.A. Kibrik, A.D. Koshelev; ed. by A.A. Kibrik, A.D. Koshelev, A.V. Kravchenko, Ju.V. Mazurova, and O.V. Fedorova. Moscow, 2015. P. 89–122.*

2. Bakhtin M.M. *The problem of the text. <Notes 1959–1961> // Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1986.*

3. Karasik V.I. *Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd, 2002.*

4. Kazachenko O.V. *Coherence and cohesion of the text // Almanac of modern science and education. 2009. № 8(27). Pt. 2. P. C. 88–90.*

5. Kubryakova E.S. *In search of the essence of language. Cognitive research. Moscow, 2012.*

6. Shishkov A.S. *Discussions about the old and new syllable of the Russian language. St. Petersburg, 1803; 2nd ed., corr. Moscow, 2010.*

7. Novoseltzeva V.A. *Consequalization of time in Russian phraseology and bell letter text (based on the works of the 40–80s of the XIX century):*

ний 40–80-х гг. XIX века): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.

8. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: Язык и сознание. 3-е изд. М., 2017.

9. Slip Opinion. October Term, 2014 KIMBLE et al. v. MARVEL ENTERTAINMENT, LLC successor to MARVEL ENTERPRISE, INC. № 13-720. Argued March 31, 2015 – Decided June 22, 2015.

10. Волков А.А. Теория риторической аргументации. М., 2009.

11. Slip Opinion. October Term, 2014 KINGSLEY v. HENDRICKSON et al. № 14-6368. Argued April 27, 2015 – Decided June 22, 2015.

12. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

13. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 2.

diss. ... Candidate of Filology. Krasnodar, 2005.

8. Chernihovskaya T.V. Cheshire smile of Schrödinger's cat: Language and consciousness. 3rd ed. Moscow, 2017.

9. Slip Opinion. October Term, 2014 KIMBLE et al. v. MARVEL ENTERTAINMENT, LLC successor to MARVEL ENTERPRISE, INC. № 13-720. Argued March 31, 2015 – Decided June 22, 2015.

10. Volkov A.A. Theory of rhetorical argument. Moscow, 2009.

11. Slip Opinion. October Term, 2014 KINGSLEY v. HENDRICKSON et al. № 14-6368. Argued April 27, 2015 – Decided June 22, 2015.

12. Karaulov Yu.N. General and Russian ideography. Moscow, 1976.

13. Vygotsky L.S. Thinking and speech // Vygotsky L.S. Coll. works: in 6 vols. Moscow, 1982. Vol. 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлина Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России; e-mail: mixoa-70@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

O.A. Mikhaylina, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mixoa-70@yandex.ru

---

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 19.03.2019
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 19,6
Тираж 150 экз. Заказ 000
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249